

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Бекбатыров Н.Ж. – начальник Костанайской академии МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Беляева Л.И. – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Крымов А.А. – начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Поздняков В.М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С.А. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. – начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Трунигер Л. – директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э.В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Козаченко И.Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А.Л. – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск), кандидат исторических наук, доцент;

Лапшин В.Ф. – начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. – директор Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю.Е. – профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б.А. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Шабанов В.Б. – заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

С.В. ИВАНЦОВ, А.С. ДОМНИКОВ

Криминологическая оценка социальных последствий коррупционной деятельности. 4

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Ю.Б. ГАВРЮШКИН

Объект посредничества во взяточничестве 9

Б.З. МАЛИКОВ

Уголовная политика: проблемы наказания в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации 14

К.К. ГОРЯИНОВ, Е.А. БАРАНОВА

Факторы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях 20

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А.И. ДРОЗДОВ

Перспективы функционирования института условно-досрочного освобождения в условиях реформы уголовно-исполнительной системы 24

А.М. ПОТАПОВ, А.С. АЛЕКСАНДРОВ

К вопросу о субъектах общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы 27

А.Л. САНТАШОВ, В.Б. ШАБАНОВ

Особенности процесса исправления несовершеннолетних осужденных к лишению свободы 31

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Н.А. МЕЛЬНИКОВА

Особенности производства по делам об административных правонарушениях в исправительных учреждениях. 35

Р.В. НАГОРНЫХ

Административно-правовое положение и понятие служащего государственной правоохранительной службы 39

Н.В. СОФИЙЧУК

Право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в свете изменений действующего уголовно-процессуального законодательства России 42

Н.В. МОТОРОВА

Правоохранительная и правозащитная функции Конституционного Суда Российской Федерации. 46

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 52

С.И. ЗЛОБИН

К проблеме определения понятия и предмета постпенитенциарной педагогики 52

Е.С. ТРЕТЬЯК

Изучение личности осужденных к пожизненному лишению свободы как основа проведения социально-психологической работы. 55

С.В. МАРИШИН

Психологические особенности несовершеннолетних преступников, влияющие на их ресоциализацию . . 61

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 65

Д.О. МАТВЕЕВ

Проблемы становления службы пенитенциарных капелланов (священников) в России. 65

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 69

А.Р. ПАВЛУШКОВ

Создание вологодского пересыльного тракта колодников в XVIII в. 69

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 74

А.В. СЕРЕБРЕННИКОВА

Уголовно-исполнительное законодательство Баварии. 74

МАРТИН ШМИД, Е.А. ОГРОХИНА

Об основных особенностях системы исполнения наказаний и принудительных мер Швейцарии 78

С.П. ДОНЕЦ

Некоторые вопросы сравнительного анализа института дифференциации уголовной ответственности в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве 83

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 89

Н.С. ОБОТУРОВА

Трансформация марксистской теории государства в современной европейской социально-гуманитарной мысли 89

Л.А. КОЛПАКОВА, Е.В. УХОВА

Обеспечение юридической помощи осужденным как одно из направлений уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России 93

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 98

РЕЦЕНЗИИ 99

Н.А. БЕЛОВА

Рецензия на монографию «Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.)» кандидата исторических наук, доцента А.Л. Кузьминых 99

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ. 100

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 101

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 103

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4	E.S. TRETJAK The study of personality sentenced to life imprisonment as the basis of social and psychological activity	55
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY		S.V. MARISHIN Psychological peculiarities of juvenile offenders, affecting their re-socialization	61
DISCUSSION IS WELCOME	65	D.O. MATVEEV Problems of the formation of the service of prison priests (chaplains) in Russia	65
S.V. IVANTSOV, A.S. DOMNIKOV Criminological assessment of social effects of corruption	4	HISTORY PAGES	69
L.A. BUKALEROVA, YU.B. GAVRYUSHKIN A mediation object in bribery.	9	A.R. PAVLUSHKOV On the issue of the appearance of the Vologda transit route for convicts in the XVIII century	69
B.Z. MALIKOV Criminal policy: the issues of execution in accordance with the penal code of the Russian Federation.	14	FOREIGN EXPERIENCE	74
K.K. GORYAINOV, E.A. BARANOVA The factors of operational search prevention of crimes committed by convicts in correctional institutions	20	A.V. SEREBRENNIKOVA Bavaria penal legislation	74
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		MARTIN SCHMID, E.A. OGROKHINA Concerning the main peculiarities of the penal and enforcement measures of Switzerland	78
A.I. DROZDOV Prospects of functioning of the institution of release on parole in accordance with the reform program of criminal executive system	24	S.P. DONETS Some questions of comparative analysis of the concept of criminal responsibility differentiation in the foreign and Russian legislation	83
A.M. POTAPOV, A.S. ALEKSANDROV About the public control subjects supervising the exercise of prisoners' rights.	27	OUR RESEARCHES	89
A.L. SANTASHOV, V.B. SHABANOV Some peculiar traits of the correctional process of juvenile delinquents	31	N.S. OBOTUROVA Transformation of the Marxist theory of state in the modern European social liberal thought.	89
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY		L.A. KOLPAKOVA, E.V. UKHOVA The provision of legal assistance for the convicted as a direction of the criminal – procedural activity of the Russian Penal System bodies and institutions.	93
N.A. MELNIKOVA Some specific features of the investigation of administrative offence cases in correctional institutions	35	DISSERTATIONS-REVIEW.	98
R.V. NAGORNYCH The administrative and legal status of a government official of the law enforcement agency	39	REVIEWS	99
N.V. SOFIJCHUK Convict's right of appeal and judgment revision according to the changes in the current Criminal Legislation of Russia.	42	N.A. BELOVA The review of the monograph «The USSR bodies and institutions for war prisoners and internship in the period of the Second World War (1939 – 1956)» written by A. Kuzminykh, Cand. Sc. (History), associate professor.	99
N.V. MOTOROVA Law enforcement and advocacy function of the Constitutional Court of the Russian Federation	46	NOVELTIES OF LITERATURE	100
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	52	INFORMATION, ADVERTISEMENTS.	101
S.I. ZLOBIN Concerning the problem of definition of the concept and subject of Post-Penitentiary Pedagogic	52	INFORMATION ABOUT THE AUTORS	104

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Криминологическая оценка социальных последствий коррупционной деятельности

С.В. ИВАНЦОВ – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор;

А.С. ДОМНИКОВ – адъюнкт кафедры криминологии Московского университета МВД России

В статье рассматриваются вопросы определения (оценки) социальных последствий коррупционной деятельности, приводится авторская интерпретация определения индекса коррупционной пораженности государственной власти.

Ключевые слова: предупреждение коррупции; коррупционная деятельность; социальные последствия коррупции; индекс коррупции.

Criminological assessment of social effects of corruption

S.V. IVANTSOV – professor of the Chair of Criminology, the Moscow University of the Ministry of Interior, Doctor of Law, professor;

A.S. DOMNIKOV – post graduate student of the Chair of Criminology, the Moscow University of the Ministry of Interior

The article deals with the issues of designation (assessment) of social consequences of corruption; the author gives his interpretation of the index of governmental authorities' exposure to corruption.

Key words: prevention of corruption; corruption; social effects of corruption; corruption index.

Общепризнано, что коррупция – чрезвычайно опасное социальное явление, которое негативно влияет на устойчивость политической ситуации в стране, экономическое развитие, дестабилизирует общественный правопорядок, существенно снижает авторитет государственной власти, создает напряженность в обществе и в своих наиболее масштабных проявлениях представляет серьезную угрозу национальной безопасности.

Коррупция, подрывая основы государственности, на протяжении столетий является неотъемлемым негативным признаком самого государства¹. Еще в Древнем Риме среди специальных комиссий магистров была комиссия по взяткам и вымогательствам должностных лиц, учрежденная законом Calpurnia в 149 г. до н.э., которая разрабатывала конкретные меры борьбы с коррупцией и давала собственное определение незаконному вознаграждению должностных лиц².

Коррупция в органах государственной власти порождает недовольство общества, недоверие к действующей власти, непосредственно ведет к снижению уровня жизни подавляющей части населения, обесмысливает правосудие, лишает общество значительной части интеллектуального потенциала, не позволяя получить высшее образование наиболее талантливым людям, и в конечном итоге отрицает демократию по существу. Это далеко не все негативные последствия коррупции. Представляется, что именно поэтому в настоящее время в России вопросу коррупции уделяется особое пристальное внимание³. При осуществлении борьбы с коррупционной деятельностью внутри структур государственной власти Российская Федерация также реализует положения конвенций Организации Объединенных Наций, Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, рекомендаций Совета Европы и других международных организаций.

Сложившиеся международные стандарты оценки коррупционной деятельности позволяют грамотно подойти к изучению негативных социальных явлений, влекомых ею, определить ее системные признаки, «глобализационную» составляющую⁴. Неслучайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. говорится о том, что одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должно стать совершенствование нормативного правового регулирования роли государства в борьбе с коррупцией⁵. Опасность современной российской коррупции – в ее массовости, проникновении во все сферы жизни общества, быстрой приспособляемости к новым условиям, в связи с чем доверие граждан страны к институтам государственной власти находится на низком уровне⁶.

Современные российские реалии таковы, что, несмотря на предпринимаемые государством и обществом меры, коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех социальных механизмов, препятствует проведению и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности страны⁷. Возникает феномен

«бюрократического капитализма», представляющий собой слияние представителей бизнеса и власти на корыстной основе⁸.

Социальные и моральные причины распространения коррупции связаны с традициями, мировоззрением, культурой и включают разобщение и деморализацию общества, разрушение этических ценностей, недостаточное просвещение гражданского общества, гражданскую апатию и пассивность, общественную терпимость, социальную поляризацию, недобросовестную политическую конкуренцию, злоупотребление властью в отношении средств массовой информации⁹. Такое взаимодействие строится на укоренившихся в сознании населения принципах подкупа чиновников и подкрепляется не только сложившимися историческими традициями, но и современными реалиями. В результате коррупционные взаимосвязи, которые проникают во все сферы социума, приводят к развитию уверенности граждан в невозможности отстаивать свои права в законном порядке.

Оценивая коррупционную деятельность и ее социальные последствия, необходимо проанализировать эффективность государственной антикоррупционной политики на всех уровнях противодействия преступлениям подобного рода: федеральном и региональном, а также во всех звеньях ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Коррупция прочно вошла в жизнь современной России, стала неотъемлемым социальным фактором общественной жизни, активно влияя на формирование общественного сознания, моральных ценностей и устоев взаимодействия власти и граждан. Коррупционная деятельность, по крайней мере на бытовом уровне, не воспринимается как криминогенная среда, влияющая на формирование преступного общества.

Рассмотрим социальные последствия коррупции, которые условно можно разделить на материальные и нематериальные.

Прямой (реальный) материальный ущерб от коррупции в Российской Федерации выражается прежде всего в нецелевом использовании государственного и региональных бюджетов. Происходит изъятие части бюджетных средств при заключении государственных и муниципальных контрактов. Прямые экономические потери от коррупции, по разным оценкам, составляют от 20 до 40 млрд долларов в год. Косвенные экономические потери не поддаются точным оценкам, но масштаб их огромен¹⁰. Так, за получение «откатов» в течение последне-

го времени были задержаны крупные государственные и муниципальные чиновники, например: заместитель председателя правительства Волгоградской области Павел Крупнов (7 млн руб. от бизнесмена за содействие в получении государственного заказа на капремонт Волгоградского областного онкологического диспансера № 1)¹¹, ректор Государственного университета управления Виктор Козбаненко (7 млн руб. за заключение контракта с клининговой компанией на уборку помещений и территории вуза)¹², заместитель директора Московского научно-исследовательского онкологического института им. А.П. Герцена Сергей Безяев (29 млн руб. за заключение государственных контрактов на поставку высокотехнологического медицинского оборудования для института)¹³ и др.¹⁴

По данным Следственного комитета Российской Федерации, ущерб от коррупции в органах власти с начала года достиг без малого 8 млрд руб. При этом 1,3 млрд руб. были возвращены в казну, наложен арест на имущество на сумму 1,2 млрд руб. В производстве с начала года находилось более 20 тыс. уголовных дел о коррупции, что на 7 тыс. больше, чем в прошлом году. В 2012 г. в мировом индексе восприятия коррупции, составленном неправительственной организацией «Transparency International», Россия заняла 133-е место из 176 стран. В 2011 г. она была 143-й, но изменение в рейтинге, как поясняет «Transparency», обусловлено новой методикой подсчета, а не какими-либо успехами России¹⁵.

В косвенный материальный ущерб от коррупции следует включить и те негативные материальные последствия, которые могут наступить (или наступили позже) в результате нарушения условий государственных закупок. Например, недобросовестные поставщики, состоящие в сговоре с государственным заказчиком, экономят на материалах при строительстве зданий, нарушают технологические процедуры при выполнении работ или оказании услуг, нарушают сроки сдачи готовых работ и т.д., что может повлечь возникновение техногенных катастроф, материальные и людские потери, которые носят невосполнимый характер.

Переходя к нематериальным последствиям, сразу оговоримся, что их классификация схожа с факторами, детерминирующими коррупционную деятельность, и это неслучайно. Как и любой другой вид преступности, коррупционная деятельность детерминирует саму себя. Общество и власть,

находясь в отношениях подчиненности, вынуждены находить пути соприкосновения и решения возникающих проблем, при этом основной целью той и другой стороны является личное обогащение.

Социальные последствия коррупционной деятельности рассматриваются большинством отечественных и зарубежных специалистов в области социологии и права в качестве одной из основных характеристик криминогенных явлений¹⁶. Основной причиной «коррупционной скрытности» является взаимная заинтересованность обоих субъектов этой деятельности. Случаи огласки возникают только при проведении различных оперативно-розыскных мероприятий (провокация взятки), а также при неудовлетворенности достигнутыми результатами подобной «сделки».

Становясь достоянием гласности, факты коррупционной деятельности ставят под сомнение саму легитимность существования власти, а «резервирование» части доходов для подкупа должностных лиц ведет к снижению уровня жизни подавляющей части населения. Так, по экспертным оценкам фонда «ИНДЕМ», ежегодно около 55 млн россиян передают чиновникам различных органов власти в качестве взяток более 36 млрд долларов, из них только около 3 млрд долларов россияне вкладывают в рынок «бытовой коррупции»¹⁷, а остальные 33 млрд долларов выплачивают чиновникам российские бизнесмены¹⁸. По другим данным, общее количество получаемых чиновниками незаконных вознаграждений и выплат в течение года составляет не менее 520 млрд руб.¹⁹ Есть предположение, что объем взяток, получаемых российскими чиновниками, находится в пределах 16 млрд долларов²⁰. Специалистами отмечается, что только малые предприятия современного российского бизнеса ежегодно тратят на взятки чиновникам не менее 6 млрд долларов²¹. Эти данные о последствиях коррупционного поведения чиновничества находят свое подтверждение в работах отечественных ученых, проводящих социологические исследования феномена коррупции²².

Политические последствия коррупции выражаются в недоверии к органам государственной власти. Известный русский философ И.А. Ильин писал, что Россия при ее объемах и составе не будет существовать под слабой государственной властью, чем бы эта слабость не определялась: безволием правителей, противодействием партий или международной зависимостью. Русская госу-

дарственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе. Но эта власть должна быть не бюрократической, не централизованной, не далекой от населения и не грубонасильственной. Она должна быть ответственной и творческой, с «дальнозоркой» большой идеей, чистыми руками и жертвенным служением²³.

Сегодня коррупционная деятельность дискредитирует институт права как основной политический инструмент регулирования жизни государства и общества. В центр предвыборных дискуссий неизбежно выдвигаются вопросы о социальной цене реформ, социальной справедливости, коррупции и приоритетах будущей государственной политики²⁴.

Проводимые в настоящее время реформы антикоррупционного законодательства, а также изменения в информационной открытости государственной власти предполагают позитивные результаты. Так, нами в ходе опроса бывших сотрудников правоохранительных органов, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных к лишению свободы, был задан вопрос об оценке степени открытости и прозрачности антикоррупционной деятельности органов государственной власти (проанкетированы лица, осужденные к лишению свободы за преступления коррупционной направленности (ст. 159, 285, 286, 290 УК РФ) и отбывающие наказание в ИК-3 УФСИН России по Рязанской области, ИК-5 УФСИН России по Республике Мордовии, ИК-11 УФСИН России по Нижегородской области, ИК-13 УФСИН России по Свердловской области). Полученные результаты не позволяют положительно оценить проводимые реформы: лишь 10,8% опрошенных оценивают антикоррупционную деятельность органов государственной власти как открытую и прозрачную для общества; 42%, наоборот, отмечают ее закрытый характер; 32,8% – снижение степени открытости и прозрачности.

Нравственные (моральные) последствия коррупционной деятельности определяются существованием общества. Масштабы коррупционной деятельности формируют у населения двойные стандарты морали и поведения. Это приводит к тому, что мерой всего в обществе становятся деньги, значимость человека определяется размером его личного состояния независимо от способов его получения, происходит девальвация и слом цивилизованных социальных регуляторов поведения людей: норм морали, права, религии, общественного мнения и др.²⁵

Особо следует остановиться на оценке структурных свойств коррупционной пре-

ступности. В криминологии используют такой показатель, как индекс (коэффициент) пораженности преступностью различных слоев и групп населения. Этот показатель представляет собой отношение удельного веса преступников из определенной категории граждан ко всем гражданам данной категории в структуре населения²⁶. Величина этого показателя позволяет определить степень криминогенности общества, а также частоту воспроизводства преступников из общей среды населения. В целом данный показатель также определяет и влияние криминальной субкультуры на население в регионах, с его помощью можно определить влияние коррупционной преступности на правовой нигилизм чиновников и государственных деятелей.

Оценивая уровень коррумпированности аппарата чиновников, можно применить следующую формулу: $I_{\text{кп}} = n / N * 100\%$, где $I_{\text{кп}}$ – это индекс коррупционной пораженности государственной власти, n – количество должностных лиц, привлеченных за коррупционные преступления, N – общее количество должностных лиц в структурах государственной власти. Данный индекс также можно применять и к конкретным министерствам и ведомствам. Он позволит определить те структуры государственной власти, которые наиболее подвержены коррупционным рискам. На основании полученных данных можно более успешно планировать работу по предотвращению коррупционных фактов. Доказательством необходимости проведения такой работы служат результаты опроса осужденных сотрудников правоохранительных органов, о которых ранее упоминалось. Так, на вопрос «Как вы оцениваете свой уровень готовности в будущем совершать коррупциогенные поступки?» 30,8% ответили, что готовы их совершать вновь, так как в нашей стране это норма жизни, у 25,8% совершение такого поступка будет зависеть от конкретной ситуации, у 21% – от материальной выгоды, лишь 3,8% опрошенных отметили, что никогда не совершат коррупциогенных поступков.

Таким образом, анализ взаимосвязи негативных социальных явлений и коррупционной деятельности приводит к неутешительным выводам. Сегодня в России происходит перманентная деградация общественных отношений, что сказывается не только на внутривнутриполитической обстановке, но и на международном имидже России. В основе коррупционной деятельности лежит стремление государственных служащих к матери-

альному обогащению, при этом российская специфика проявляется в росте сумм взяток при существенном увеличении зарплаты чиновников. Данная особенность также обосновывается повышенным вниманием со стороны высших должностных лиц к проблемам коррупции в России, а это происходит на фоне всеобщей доступности информации о доходах чиновничьего аппарата.

Между тем открытость информационного пространства не сдерживает желания чиновников обладать незаслуженными ма-

териальными благами и пребывать в привилегированном социальном положении. Обладание властью без должного материального окружения социально развращает современного чиновника, а также выступает в качестве своеобразного стабилизатора, сохраняющего неизменность (неприкасаемость) его должностного положения. При этом причинные факторы коррупции, определяющие ее негативные социальные последствия, способствуют развитию «субкультуры коррупционного поведения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чершинцев В.С. Коррупция и российская уголовная политика // Российский следователь. 2007. № 7.

² См.: Покровский И.А. История римского права. СПб., 1918. С. 126.

³ См.: Занина Т.М., Позднякова Е.В. К вопросу о коррупции в органах внутренних дел // Общество и право. 2009. № 3. С. 240.

⁴ См.: Карпович О.Г. Коррупция в современной России. М., 2007. С. 33.

⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 88.

⁶ См.: Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. М., 2006.

⁷ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 г. № 460 (ред. от 13.03.2012 г.) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции» // Российская газета. 2010. № 79.

⁸ См.: Нечевин Д.К., Поляков М.М. Полномочия прокуратуры по противодействию коррупции в Российской Федерации: административно-правовые аспекты / Под ред. И.М. Мацкевича. М., 2013. С. 24.

⁹ См.: Мартыненко Б.К. Причины коррупционного насилия в современной России // Общество и право. 2009. № 5. С. 75.

¹⁰ См.: Нечевин Д.К., Поляков М.М. Полномочия прокуратуры по противодействию коррупции в Российской Федерации: административно-правовые аспекты. С. 9.

¹¹ См.: <http://v102.ru/investigation/37616.html>

¹² См.: www.compromat.ru/page_33127.htm

¹³ См.: www.s-pravdoy.ru/protiv-korruptcii/19319-2013-02-11-144720.html

¹⁴ См.: www.kasparov.ru/material.php?id=4E8C0D8704819

¹⁵ См.: www.mmmirkutsk.ru/sk-rossii-podschital-ushherb-ot-korruptcii/

¹⁶ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1999. С. 211.

¹⁷ См., напр.: Хамицкая Г. Пейджер – антикоррупционер // Российская газета. 2002. 22 авг.

¹⁸ См.: Воробьев В. ИНДЕМ – куда идем... // Там же. 29 июня; Выжutowич В. Портфельная революция // Там же. 2003. 17 мая.

¹⁹ См.: Шкель Т. Не пойман, но вор // Там же. 2002. 5 дек.

²⁰ См.: Ямашев Б. Присядьте пока... // Там же. 2003. 13 марта.

²¹ См.: Дегтярев А., Маликов Р. Коррупционная основа административных барьеров // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 85.

²² См.: Шебалова Л. Две взятки в год дают в среднем татарстанцы чиновникам разного уровня // Восточный экспресс. 2003. № 9 (110).

²³ См.: Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 490.

²⁴ См.: Левашов В.К. Российское общество и социальное знание // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 3. С. 36.

²⁵ См.: Кузнецов Ю.А., Силинский Ю.Р., Хомутова А.В. Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействия коррупции. Владивосток, 1999. С. 178–190.

²⁶ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2009. С. 70–71.

¹ См.: Chershincev V.S. Korruptcija i rossijskaja ugovolnaja politika // Rossijskij sledovatel'. 2007. № 7.

² См.: Pokrovskij I.A. Istorija rimskogo prava. SPb., 1918. S. 126.

³ См.: Zanima T.M., Pozdnjakova E.V. K voprosu o korruptcii v organah vnutrennih del // Obshhestvo i pravo. 2009. № 3. S. 240.

⁴ См.: Karpovich O.G. Korruptcija v sovremennoj Rossii. M., 2007. S. 33.

⁵ См.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.05.2009 g. № 537 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // Rossijskaja gazeta. 2009. № 88.

⁶ См.: Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii. M., 2006.

⁷ См.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.04.2010 g. № 460 (red. ot 13.03.2012 g.) «O Nacional'noj strategii protivodejstvija korruptcii i Nacional'nom plane protivodejstvija korruptcii» // Rossijskaja gazeta. 2010. № 79.

⁸ См.: Nechevin D.K., Poljakov M.M. Polnomochija prokuratury po protivodejstviju korruptcii v Rossijskoj Federacii: administrativno-pravovye aspekty / Pod red. I.M. Mackevicha. M., 2013. S. 24.

⁹ См.: Martynenko B.K. Prichiny korruptcionnogo nasilija v sovremennoj Rossii // Obshhestvo i pravo. 2009. № 5. S. 75.

¹⁰ См.: Nechevin D.K., Poljakov M.M. Polnomochija prokuratury po protivodejstviju korruptcii v Rossijskoj Federacii: administrativno-pravovye aspekty. S. 9.

¹¹ См.: <http://v102.ru/investigation/37616.html>

¹² См.: www.compromat.ru/page_33127.htm

¹³ См.: www.s-pravdoy.ru/protiv-korruptcii/19319-2013-02-11-144720.html

¹⁴ См.: www.kasparov.ru/material.php?id=4E8C0D8704819

¹⁵ См.: www.mmmirkutsk.ru/sk-rossii-podschital-ushherb-ot-korruptcii/

¹⁶ См.: Kriminologija: Ucheb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva, V.E. Jeminova. M., 1999. S. 211.

¹⁷ См., напр.: Hamickaja G. Pejdzher – antikorrupcioner // Rossijskaja gazeta. 2002. 22 avg.

¹⁸ См.: Vorob'ev V. INDEM – kuda idem... // Tam zhe. 29 ijunja; Vyzhutovich V. Portfel'naja revolucija // Tam zhe. 2003. 17 maja.

¹⁹ См.: Shkel' T. Ne pojman, no vor // Tam zhe. 2002. 5 dek.

²⁰ См.: Jamashev B. Prisdad'te poka... // Tam zhe. 2003. 13 marta.

²¹ См.: Degtjarev A., Malikov R. Korruptcionnaja osnova administrativnyh bar'erov // Voprosy jekonomiki. 2003. № 11. S. 85.

²² См.: Shebalova L. Dve vzjatki v god dajut v srednem tatarstancy chinovnikam raznogo urovnja // Vostochnyj jekspress. 2003. № 9 (110).

²³ См.: Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. M., 1994. T. 3. S. 490.

²⁴ См.: Levashov V.K. Rossijskoe obshhestvo i social'noe znanie // Monitoring obshhestvennogo mneniija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2009. № 3. S. 36.

²⁵ См.: Kuznecov Ju.A., Silinskij Ju.R., Homutova A.V. Rossijskoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo o merah protivodejstvija korruptcii. Vladivostok, 1999. S. 178–190.

²⁶ См.: Kriminologija: Ucheb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva i V.E. Jeminova. M., 2009. S. 70–71.

Объект посредничества во взяточничестве

Л.А. БУКАЛЕРОВА – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Ю.Б. ГАВРЮШКИН – доцент кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

В статье дается уголовно-правовая характеристика одного из наиболее распространенных и опасных проявлений коррупции – посредничества во взяточничестве, которое рассматривается на основе анализа норм уголовного права, законодательства о государственной и муниципальной службе, а также судебной и следственной практики. Сравниваются характер и степень общественной опасности посредничества во взяточничестве с общественной опасностью действий по непосредственному получению и даче взятки.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве; объект преступления; получение взятки; дача взятки; общественная опасность.

A mediation object in bribery

L.A. BUKALEROVA – a professor of the Criminal Law and Criminology chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Law, Professor;

YU.B. GAVRYUSHKIN – an associate professor of the chair of counteraction the illegal drug traffic, the All-Russian Refresher Training Institute of officers of the Russian Ministry of Internal Affairs

The penal characteristic features of one of the widely-spread and dangerous types of corruption - a mediation object in bribery are given in the article considered on the basis of the Criminal Law norms, the state and municipal service legislature including the judicial and investigating practice. The character and range of a public danger of mediation object in bribery and the public danger of actions concerning bribe taking and bribe in taking are compared in the article.

Key words: a mediation object in bribery; an object of a crime; bribe taking; bribe in taking; a public danger.

Посредничество во взяточничестве – одно из наиболее распространенных и опасных проявлений коррупции, обладающее высокой латентностью. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2012 г. была выявлена 31 010 преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (из них совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб – 911), в том числе взяточничество составило 9758 случаев, посредничество во взяточничестве – 399 (из них совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб – 417 и 84 соответственно), преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях – 2532¹.

Федеральным законом от 04.05.2011 г. 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в УК РФ была введена ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве»². Несмотря на то что субъект преступления не является должностным лицом, данная статья внесена в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»³.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁴ пояснил, что взяточничество

посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие.

Посредничество во взяточничестве, в том числе в исполнительной власти, опасно тем уроном, который оно причиняет в сфере государственного и общественного управления. Оно влечет за собой вредные последствия для государства, общества, личности. Также посредничество является активно действующим криминогенным фактором для ряда других тяжких преступлений.

Например, Следственный комитет Российской Федерации завершил расследование уголовного дела в отношении замдиректора департамента Счетной палаты Российской Федерации В. Корягина и инспектора инспекции по контролю за федеральной собственностью С. Климантова, обвиняемых в получении взятки в размере 120 тыс. долларов. Посредником в получении взятки был первый замглавы администрации Владивостока С. Дубовицкий. В 2007 г. Климантов проверял Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии Росмедтехнологий, где было выявлено отсутствие государственной регистрации прав собственности на земельные участки и объекты недвижимости, находящиеся на балансе центра. Тем не менее в 2004 г. с нарушением закона центром был заключен инвестиционный контракт на строительство жилого комплекса на земельном участке, находящемся в его ведении. За невключение этого нарушения в акт проверки сотрудники Счетной палаты попытались получить деньги с застройщика⁵.

Следует не согласиться с Г.К. Бурановым в том, что получение взятки как непосредственное посягательство на авторитет и интересы власти более вредоносно, чем дача взятки и посредничество во взяточничестве, так как нарушение объекта преступления происходит изнутри, самим субъектом управленческих отношений – должностным лицом. Взяткодатель и посредник воздействуют на объект извне, отдалены от него, фактически опосредуя результат через поведение взяткополучателя⁶. На наш взгляд, посредник является лицом, которое напрямую способствует получателю взятки, он яв-

ляется тем, кому виновный доверяет, в ряде случаев должностное лицо не стало бы совершать преступление без наличия надежного посредника.

Г.К. Буранов отмечает, что оценить соотношение опасности дачи взятки и посредничества во взяточничестве сложно. Резонно предполагать, что взяткодатель – более опасная фигура, чем посредник, поскольку без него взяточничество немислимо. С другой стороны, в определенных случаях криминальная сделка не может состояться без посредничества. Например, если взяткодатель и взяткополучатель не знакомы, бояться быть уличенными при непосредственном контакте и т.д., на первый план выдвигается посредник как основной участник сделки⁷.

По одному из уголовных дел суд в приговоре указал, что Дудин, являясь посредником, получив от Г. предназначенную для Пахомова взятку, скрыл ее, положив деньги в пакет, что следует из установленных судом обстоятельств дела, пытался устранить препятствия в получении взятки Пахомовым, выразившиеся в том, что тот опасался получить взятку лично⁸.

Таким образом, нельзя признать, что деяния посредника обладают меньшей общественной опасностью, чем действия взяткодателя и взяткополучателя. По сути, все трое являются соучастниками одного двухстороннего преступления (дача-получение взятки), так как обладают единым умыслом и при этом посягают на один объект.

Важно, что Верховный Суд Российской Федерации по одному из уголовных дел по ст. 291.1 УК РФ определил, что посредник Хаджимурадов совершил с использованием служебного положения особо тяжкое коррупционное преступление, представляющее повышенную общественную опасность⁹.

Роль посредника в совершении ряда должностных преступлений велика: зачастую взятки невозможны без его участия, на что указал Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении от 07.12.2010 г. № 66-О10-201 по делу К.Г. Селянцева и генерального директора ЗАО, осужденного по ч. 5 ст. 33, п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ. В 2008 г. ЗАО подало заявление об окончании строительства блоксекций и получении заключения о соответствии объектов проектной документации. В связи с тем, что при строительстве были сделаны некоторые упущения, эксперты указали на необходимость переделать документацию, но после устранения недостатков

заклучение, несмотря на неоднократные попытки, получено не было. Генеральный директор ЗАО К. обратился к К.Г. Селянцеву, занимавшему должность руководителя Агентства государственной экспертизы в строительстве области, который сказал, что Э.В. Дятлову, от которого зависело принятие решения, нужно заплатить определенную сумму. Суд в приговоре указал, что его роль при получении Э.В. Дятловым взятки была значительна и активна, именно он вел переговоры с К. и Э.В. Дятловым, предоставляя обоим информацию о результатах переговоров, без его участия получение взятки было бы невозможным¹⁰.

Видовым объектом любого преступления, входящего в гл. 30 УК РФ, А.У. Садыков считает общественные отношения и интересы, обеспечивающие законную и эффективную деятельность органов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

П.С. Яни его определяет как регулируемые соответствующими законодательными и подзаконными актами отношения в сфере деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, аппарата управления Вооруженных сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, а также в сфере деятельности государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций¹¹.

В названии гл. 30 УК РФ речь идет о государственной службе и службе в органах местного самоуправления. Понятие государственной службы содержится в Федеральном законе от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и некоторых других нормативных актах. Но при описании признаков большинства должностных преступлений и даже в дефиниции должностного лица термин «служба» законодателем не используется.

П.С. Яни, проанализировав более 22 тыс. решений высших судебных органов по уголовным делам, опубликованных к августу 2011 г. в СПС «КонсультантПлюс», пришел к выводу, что понятие должностного лица содержится в 1200 определениях и постановлениях, однако лишь в двух определениях судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации это понятие раскрывается со ссылкой на государственную гражданскую службу. Кроме того, значительное число субъектов должностных преступлений не являются госу-

дарственными либо иными служащими, например врачи и преподаватели.

Ссылка на законодательство о службе применяется при квалификации должностных преступлений лишь при установлении перечня специальных субъектов, названных в некоторых статьях гл. 30 УК РФ наряду с должностными лицами: государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, не являющихся должностными лицами. В тех же редких случаях, когда в описании признаков должностного преступления используются термины «служба» и даже «интересы службы» (например, в ч. 1 ст. 285 УК РФ), содержание этих понятий раскрывается в том числе и в высших актах судебного толкования закона (постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации) без ссылки на нормативные акты, в которых приведены понятия государственной службы и службы в органах местного самоуправления (например, п. 15 и 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 г. № 19)¹².

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» о службе упоминает также 20 раз, однако только при указании, что деяние было совершено именно «по службе». Поэтому мы согласны с автором, что попытка выработать дефиницию должностного преступления с использованием категории «служба» видится лишеной смысла.

Р.А. Гребенюк родовым объектом взяточничества считает общественные отношения, возникающие в связи с выполнением должностным лицом, а равно государственным или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, своего служебного долга в процессе осуществления государственной или муниципальной службы. Видовым объектом взяточничества являются общественные отношения, складывающиеся в процессе выполнения такой составляющей служебного долга должностного лица, как запрет получать вознаграждение от юридических и физических лиц в связи с исполнением служебных обязанностей¹³.

Следует согласиться с данным ученым в том, что на государственную власть как на способность государства управлять не может посягать ни одно из предусмотренных в УК РФ деяний. Эта способность предопределена самим свойством государства,

его природой. Возможны посягательства лишь на порядок осуществления государственной власти, который включает в себя, с одной стороны, внутренний распорядок функционирования государственных органов, а с другой – порядок сношений этих органов с объектами государственного управления. В первом случае следует вести речь о государственной службе, во втором – о порядке управления. В силу этого указание на государственную власть должно быть изъято из наименования гл. 30 УК РФ, а оптимальным названием должно стать «Преступления против интересов государственной и муниципальной службы»¹⁴.

Однако вызывает сомнения утверждение Р.А. Гребенюка о том, что видовым объектом взяточничества являются общественные отношения, складывающиеся в процессе выполнения такой составляющей служебного долга должностного лица, как запрет получать вознаграждение от юридических и физических лиц в связи с исполнением служебных обязанностей. Считаем, что уголовный закон не охраняет служебный долг должностного лица, выражающийся в запрете получать вознаграждение от юридических и физических лиц в связи с исполнением служебных обязанностей.

Заметим, что ранее ряд исследователей считали объектом должностных преступлений государственный аппарат или функционирование такового, то есть отношения властвования, а А.Н. Трайнин полагал, что должностные преступления в принципе не могут иметь родового объекта, так как сама постановка вопроса о родовом объекте данной группы преступлений есть логическая ошибка. Он указывал на важную политическую ценность, на которую посягает каждое должностное преступление, – государственную дисциплину. Б.С. Утевский считал объектом должностных преступлений управление социалистическим государством и социалистическим хозяйством, или «интересы этого управления». Автор указывал на необходимость различать управление государством как деятельность должностных лиц и порядок управления как определенные общественные отношения, установленные в государстве. Первое является общим объектом должностных преступлений, второе – преступлений против порядка управления. Как видно, родовый объект должностных преступлений у Б.С. Утевского лишен природы социальной связи.

Сравнивая название гл. 30 УК РФ с названиями подобных глав уголовных законов

других стран, можем сказать следующее: в УК Литвы 2000 г. содержится гл. XXXIII «Преступления и уголовные проступки против государственной службы и публичных интересов», УК Польши 1997 г. – «Преступления против деятельности государственных учреждений и органов местного самоуправления».

Авторы научных исследований по рассматриваемой проблеме в последние годы исходят из понимания видового объекта должностных преступлений как общественных отношений, складывающихся в процессе правильного функционирования органов государственной власти.

Итак, видовым объектом должностных преступлений является совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере государственной власти и нормальной управленческой деятельности государственных и муниципальных органов и учреждений.

Вопрос о непосредственном объекте посредничества во взяточничестве до сих пор не решен в теории уголовного права. Выделяются три принципиальных подхода: 1) непосредственный объект взяточничества может лежать вне сферы отношений, характеризующихся в качестве родового объекта (Б.С. Утевский, В.Д. Меньшагин); 2) непосредственный объект взяточничества совпадает с родовым, так что посягательство осуществляется прямо на родовый (видовой) объект (Н.П. Кучерявый, А.Б. Сахаров); 3) непосредственный объект соотносится с родовым (видовым) как часть и целое (Б.В. Здравомыслов, А.Я. Светлов, В.Ф. Кириченко).

В последние годы в теории уголовного права преобладает концепция отдельного звена или направления деятельности государственного аппарата, сформулированная еще Б.В. Здравомысловым: непосредственным объектом должностного преступления являются те конкретные общественные отношения, которые составляют содержание нормальной работы отдельного звена государственного или общественного аппарата либо отдельных организаций, учреждений.

В.Е. Мельникова пришла к выводу, что организация публичного аппарата строится из отдельных звеньев, осуществляющих функции по учету, контролю, управлению и т.п., каждому звену аппарата соответствует своя функция, поэтому непосредственным объектом взяточничества выступают основные направления правильной деятельности

отдельных звеньев государственного или общественного аппарата. Как видим, разрабатывая различные юридические критерии выделения непосредственного объекта взяточничества и иных должностных преступлений, указанные авторы искали его в структурных подразделениях самого аппарата.

Нельзя согласиться с В.И. Тюниным в том, что непосредственным объектом посредничества во взяточничестве являются общественные отношения, регламентирующие установленный порядок исполнения обязанностей должностными лицами без запрещенного законом материального вознаграждения¹⁵. Законный порядок прохождения службы исключает не только возмездное оказание услуг, но и ряд других

нормативно закрепленных правил, при этом субъект не является специальным.

Представляется, что решать вопрос о непосредственном объекте посредничества во взяточничестве нужно с нескольких позиций. Необходимо обозначить то общественное отношение, которое всегда нарушается при посредничестве во взяточничестве, оно и будет непосредственным объектом. В этой связи непосредственным объектом посредничества во взяточничестве являются те общественные отношения в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, которые непосредственно нарушены виновным при содействии взяткодателю или взяткополучателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 г. http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vIXMMRlab8.pdf. С. 28.

² См.: СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.

³ О проблемах ответственности за коррупцию см. подр.: Букалорова Л.А., Гаврюшкин Ю.Б. К вопросу о введении института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 167–171.

⁴ См.: Российская газета. 2013. 17 июля.

⁵ См.: Инспекцию Счетной палаты оформили уголовным делом // Коммерсантъ. 2009. 8 мая.

⁶ См.: Буранов Г.К. Наказуемость получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 30–32.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2010 г. № 33-009-30.

⁹ См.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2012 г. № 20-О12-19.

¹⁰ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. СПб., 2005. С. 52–53. Этот известный криминалист предлагал именовать гл. 30 УК РФ как «Преступления против интересов публичной службы».

¹² См.: Там же. С. 66.

¹³ См.: Гребенюк Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Тюнин В.И. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 21–23.

¹ Sm.: Sostojanie prestupnosti v Rossii za janvar'–dekabr' 2012 g. http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vIXMMRlab8.pdf. S. 28.

² Sm.: SZ RF. 2011. № 19. St. 2714.

³ O problemah otvetstvennosti za korrupciju sm. podr.: Bukaleroва L.A., Gavryushkin Ju.B. K voprosu o vvedenii instituta ugovolno-pravovogo vozdejstviya v otnoshenii juridicheskikh lic // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2012. № 4. S. 167–171.

⁴ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2013. 17 ijulja.

⁵ Sm.: Inspekciju Schetnoj palaty oformili ugovolnym delom // Kommersant#. 2009. 8 maja.

⁶ Sm.: Buranov G.K. Nakazuemost' poluchenija i dachi vzjatki, posrednichestva vo vzjatochnichestve // Rossijskaja justicija. 2012. № 2. S. 30–32.

⁷ Sm.: Tam zhe.

⁸ Sm.: Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 18.01.2010 g. № 33-009-30.

⁹ Sm.: Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.08.2012 g. № 20-O12-19.

¹⁰ Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».

¹¹ Sm.: Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestuplenija. SPb., 2005. S. 52–53. Jetot izvestnyj kriminalist predlagal imenovat' gl. 30 UK RF kak «Prestuplenija protiv interesov publichnoj sluzhby».

¹² Sm.: Tam zhe. S. 66.

¹³ Sm.: Grebenjuk R.A. Ugolovno-pravovaja i kriminologičeskaja harakteristika vzjatochnichestva: Dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2004.

¹⁴ Sm.: Tam zhe.

¹⁵ Sm.: Tjunin V.I. Posrednichestvo vo vzjatochnichestve (st. 291.1 UK RF) // Rossijskaja justicija. 2011. № 8. S. 21–23.

Уголовная политика: проблемы наказания в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации

Б.З. МАЛИКОВ – профессор кафедры уголовного права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются основные направления развития и реализации современной уголовной политики России через систему уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Автор оценивает значение и эффективность каждого из видов уголовных наказаний в единой уголовной политике России, анализирует последствия их законодательного установления, изменения или прекращения для судебной практики по уголовным делам, а также в целом для практики борьбы с преступностью в нашей стране.

Ключевые слова: уголовная политика; система уголовных наказаний; смертная казнь; лишение свободы; ограничение свободы; принудительные работы; исправительные работы; конфискация.

Criminal policy: the issues of execution in accordance with the penal code of the Russian Federation

B.Z. MALIKOV – professor of the Chair of Criminal Law, the Ufa Law Institute of the Ministry of Interior, Doctor of Law

The article deals with the basic directions of development and implementation of the modern Russian criminal policy by means of the system of criminal penalties and other criminal executive measures set out in the Penal Code of the Russian Federation. The author makes estimations of the meaning and effectiveness of every kind of criminal punishment in the unified criminal policy of Russia, analyzes the effects of their (punishments) legislative setting, amendment and cessation for court practice on criminal cases, and also for crime fight experience in our country as a whole.

Key words: criminal policy; penal system; death penalty; imprisonment; limitation of freedom; compulsory works; corrective labour; seizure.

Наиболее ярко охранительно-карательная политика России выражается в уголовном законодательстве в понятиях «наказание», «виды и система наказаний», «иные меры уголовно-правового характера», в институтах смягчения наказания, освобождения от наказания и его дальнейшего отбывания, в санкциях Особенной части УК РФ.

Современная уголовная политика в России идет по пути сужения применения лишения свободы на определенный срок (депенализация), внедрения в практику альтернатив лишению свободы, модернизации отдельных видов наказаний, неприменения смертной казни, реализации наказания в виде пожизненного лишения свободы, дифференциации кары с учетом объекта посягательства и общественной опасности совершенного преступления.

На момент введения в действие УК РФ (на 1 января 1997 г.) система наказаний (ст. 44) содержала 13 видов: штраф; лишение права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; конфискация имущества; ограничение свободы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. По сути она была «советской» и отражала дух прежней преимущественно жесткой карательной политики.

Необходимо отметить, что изначально заявленная в УК РФ охранительно-карательная политика в процессе реализации оказалась совершенно иной.

Относительная бедность населения не позволяла активно применять наказание в виде штрафа. Теперь штраф стал основным наказанием для противодействия взяточничеству, коммерческому подкупу и неза-

конному перемещению денежных средств. Этот вид наказания так и остался мерой уголовно-правового характера ограниченного применения.

Сравнительно новыми видами наказаний в УК РФ являются арест, ограничение свободы, обязательные работы, пожизненное лишение свободы. Первые три вида наказаний обрели в теории уголовного права наименование «отложенных» в силу того, что по объективным причинам их применение официально неоднократно откладывалось¹.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»² положения в части применения наказаний в виде обязательных работ, ареста и ограничения свободы предполагалось ввести в действие в течение пяти лет. Дефолт и кризисные явления в экономике страны не позволили этого сделать. Вследствие чего сроки введения в действие данных положений УК РФ были изменены: для обязательных работ – не позднее 2004 г., для ограничения свободы – не позднее 2005 г., для ареста – не позднее 2006 г.³

Федеральным законом Российской Федерации от 28.12.2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» был определен окончательный срок их введения – 5 января 2005 г.⁴

В уголовном законодательстве России трижды изменялась категория лиц, к которым могло применяться наказание в виде исправительных работ. Первоначально ст. 50 УК РФ предусматривала применение таковых к осужденным, которые отбывали их по месту работы. Затем федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ категория осужденных к данному виду наказания была изменена. Исправительные работы стали назначаться лицам, не имеющим основного места работы, в районе их места жительства⁵. Таким образом, этим законом были заужены правовые основания применения наказания, и контингент стал более сложным для его организации. В связи с чем данный вид наказания стал утрачивать свою эффективность и востребованность в судебной практике. Поэтому Федеральным законом Российской Федерации от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ч. 1 ст. 50 были

внесены изменения, согласно которым их сущность и содержание вновь обрели «советский» характер. Появились исправительные работы двух видов: а) с отбыванием по месту работы; б) в иных местах⁶.

Указанным федеральным законом из системы наказаний был исключен дополнительный вид наказания – конфискация имущества (п. «ж» ст. 44 УК РФ). До настоящего времени продолжается полемика о целесообразности принятия такого решения. На наш взгляд, когда от результатов приватизации была отстранена основная часть населения, а рынок в России обрел не совсем цивилизованный облик, росли недобросовестность производителей товаров и услуг и мошенничество, конфискация как вид уголовного наказания должна была играть определенную предупредительную и карательную роль.

Более десяти лет не был решен вопрос о применении наказаний в виде ареста и ограничения свободы. Политико-правовое решение о включении ареста в систему наказаний и санкции конкретных составов преступлений получило выражение в УК РФ 1996 г. Среди ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права по поводу ареста имела место критика изначальной политики введения данного вида наказания в предупредительно-карательную систему УК РФ (А.И. Зубков, В.А. Уткин)⁷.

До настоящего времени арест не применяется судами: для его исполнения не созданы надлежащие материальные и организационно-правовые условия. Следует отметить, что включение ареста в систему наказаний и санкции Особенной части УК РФ за 15-летний период его «отлагательного» состояния приводило к серьезным последствиям в судебном правоприменении и уголовно-исполнительной деятельности. Суды, не применяя арест, избирали либо лишение свободы, либо меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией осужденных. Негативным последствием такой практики, на наш взгляд, была и является вынужденность судов применять краткосрочное лишение свободы, для исполнения которого также нет надлежащих условий, либо увеличивать количество потенциальных «уклонистов» от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией.

Следует констатировать, что вопрос об аресте является актуальным и неоднозначным, имея в виду как возможность применения и исполнения данного вида наказания, так и принятие решения об исключении его

из системы наказаний и санкций Особенной части УК РФ.

Очередным шагом в «разблокировании» УК РФ в части применения наказания в виде ограничения свободы явилось принятие в декабре 2009 г. федерального закона № 377-ФЗ⁸. Следует отметить, что это было не ожидаемое решение по введению в действие норм УК РФ в части применения и исполнения одного из «отложенных» видов наказаний (ограничения свободы – ст. 53 в ред. 1996 г.): этим законом под наименованием «ограничение свободы» вводился совершенно новый по своей карательной сущности вид наказания⁹. Он стал представлять собой установление судом осужденному правовых ограничений, сдерживающих его пребывание вне дома в определенное время: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. При этом суд вправе возложить на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации (ст. 53 УК РФ в ред. федерального закона № 377-ФЗ).

В силу того, что осужденный к ограничению свободы теперь приговаривался к пребыванию на дому в свободное время, данный виртуальный вид наказания получил неформальное наименование – «домашний арест», что точнее отражает суть правовых ограничений, связанных с ним. Вместе с тем арест как вид наказания предполагает реальное и принудительное заключение осужденного в специализированном государственном учреждении, арестном доме или на гауптвахте с применением вооруженной охраны и постоянным надзором за его поведением. Признаков заключения осужденного на дому «ограничение свободы» не содержит. Реально (физически) «домашний арест» не ограничивает свободу

осужденного. Установление судом отмеченных правоограничений лишь направлено на коррекцию его поведения путем запретов, оберегает от попадания в неблагоприятные условия, которые способны провоцировать на совершение правонарушений. Нам представляется, что сущность таких правовых ограничений более напоминает административный надзор за лицами, отбывшими лишение свободы, введенный в правоохранительную практику с 1 июля 2011 г.¹⁰ Более того, роль ограничения свободы в качестве дополнительного наказания в определенной мере теперь снижена, так как функции надзора и административных ограничений могут осуществлять органы внутренних дел на основании п. 4 ст. 5 указанного федерального закона.

Введение федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ в систему наказаний и санкции УК РФ нового (старого) вида наказания – принудительных работ, по нашему мнению, также не обеспечивает большей предпочтительности в судебной практике применения наказаний, альтернативных лишению свободы. Дело в том, что принудительные работы – это «утяжеленный» дополнительными правоограничениями прежний вариант «ограничения свободы». Тем самым законодатель вернул в правовую материю, организационную структуру ФСИН России и деятельность судов проблемы конкуренции наказаний, дублирование функционирования таких организационных форм исполнения наказаний, как колонии-поселения и исправительные центры, расширил пределы усмотрения суда в применении наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Вместе с тем указанным федеральным законом ограничено применение лишения свободы за преступления небольшой тяжести, которые теперь составляют преступления с санкцией в Особенной части УК РФ до трех лет лишения свободы. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено за преступления данной категории лишь лицам, впервые их совершившим, и только при наличииотягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, а также осужденным за преступления, в санкциях которых в УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания. Это означает, что отмеченный контингент осужденных будет осуждаться условно или ему будут назначаться лишение свободы с отбыванием в

колонии-поселении или принудительные работы. Осужденные за преступления средней тяжести будут в соответствии с нормами ч. 1 ст. 58 УК РФ отбывать лишение свободы либо в колонии-поселении, либо в исправительной колонии общего режима, к ним будут применяться положения либо ч. 2 ст. 53.1 УК РФ о применении принудительных работ, либо ч. 1 ст. 73 об условном осуждении.

Новый вид «ограничения свободы» как основной вид наказания предусмотрен санкциями 66 статей УК РФ. Закон ввел ограничение свободы в качестве основного вида наказания еще в 21 статью и как дополнительный вид наказания в 22 статьи УК РФ. По расчетам ФСИН России этот вид наказания должен был снизить бремя расходов государства за счет осуждения к нему в пределах 110 тыс. чел. ежегодно. Как нам представляется, в данных расчетах, возможно, не учтено то, что по основаниям применения этот вид наказания будет конкурировать лишь с облегченной формой лишения свободы, отбываемой в колониях-поселениях. Применение ограничения свободы и назначение отбывания лишения свободы в колониях-поселениях рассчитаны на осужденных за преступления небольшой и средней тяжести (ч. 2 ст. 53 и ч. 1 ст. 58 УК РФ).

Более того, применение судами принудительных работ вместо реального отбывания лишения свободы также предусматривается в основном за преступления небольшой и средней тяжести (за тяжкие виды преступлений – только лицам, впервые осуждаемым за совершение этой категории преступлений на срок не свыше пяти лет (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ)).

Мы считаем, что ни ограничение свободы, ни принудительные работы не усиливают блок наказаний, альтернативных лишению свободы. Принудительные работы теперь при их назначении вынуждены конкурировать не только с лишением свободы, подлежащим отбыванию в колониях-поселениях, но и с условным осуждением. Применение принудительных работ и условного осуждения допустимо при назначении судом наказания в виде лишения свободы, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Это основание одинаково и для применения принудительных работ (ч. 2 ст. 53.1 УК РФ) и для условного осуждения (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Следует отметить, что суд не связан никакими ограничениями в применении условного осуждения, основания

которого затрагивают интересы достаточно широкого круга осужденных, правовые ограничения более льготны и предпочтительны, чем в исполнении принудительных работ. Еще есть один негатив у принудительных работ, который будет влиять и на судебную практику, и на эффективность самого наказания. Согласно норме ч. 5 ст. 53.1 УК РФ из заработной платы осужденного к принудительным работам должны производиться удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов. Это означает, что по своей карательной суровости принудительные работы превосходят лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении. Как показывает практика исполнения лишения свободы в колониях-поселениях, за последние годы контингент в этих учреждениях усложнился за счет увеличения доли осужденных за умышленные преступления. Среди правонарушений в данных учреждениях преобладают побеги и уклонения от отбывания наказания, совокупная доля которых составляет 83,4%. Проблема трудовой занятости в колониях-поселениях в полной мере не решена¹¹.

Неприменение смертной казни, на наш взгляд, ослабило правовые механизмы защиты жизни человека (ч. 2 ст. 105 УК РФ), жизни лиц, чья профессиональная деятельность связана с осуществлением властных полномочий, отправлением правосудия и правоохранительной деятельностью (ст. 277, 295, 317). Поэтому определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р нельзя признать легитимным¹² в связи с тем, что Российская Федерация еще не ратифицировала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни¹³.

Следует отметить, что Россия в вопросе применения смертной казни занимает странную позицию. В стране юридически действуют два взаимоисключающих правовых установления. С одной стороны, в ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации и п. «н» ст. 44, ст. 59, ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ устанавливаются конституционный характер применения смертной казни, уголовно-правовые условия и основания применения судами смертной казни. Отмеченные положения о возможности применения смертной казни отражают востребованность данной меры как средства уголовно-правовой защиты от посягательств на жизнь человека и отдель-

ных категорий лиц, которые подвергаются им в связи с профессиональной или общественной деятельностью. С другой стороны, в 1999 г. Конституционный Суд Российской Федерации приостановил действие УК РФ о применении смертной казни в силу того, что не на всей территории страны были введены суды с участием присяжных заседателей, которые наделены правом назначать наказание в виде смертной казни. С 2009 г. на всей территории Российской Федерации действуют суды с участием присяжных заседателей, то есть создан должный правовой режим для применения судами смертной казни в соответствии с Конституцией и УК РФ.

Следовательно, постановление Конституционного Суда Российской Федерации о введении с 2009 г. безоговорочного моратория на смертную казнь следует признать юридически неправомочным¹⁴, так как данный орган не может отменить предписание федерального закона о применении смертной казни (ст. 125 Конституции Российской Федерации).

Обществу и государству настало время определиться с данным видом наказания с учетом всех обстоятельств, его уголовно-правовой роли в сфере противодействия посягательствам на жизнь человека.

Действительно, в полемике по поводу применения смертной казни затрагивается проблема обеспечения права человека на жизнь, то есть защиты человека от преступных посягательств на его жизнь и защиты жизни преступника-убийцы, к которому может быть применена смертная казнь. В настоящее время смертная казнь как вид уголовного наказания не выполняет роль средства уголовно-правовой защиты жизни человека. Уголовная статистика и криминологические исследования пока не в состоянии утвердительно заявить о ненужности смертной казни. Криминальная практика показывает, что убийства имеют довольно широкий спектр по направленности (дети,

женщины, пожилые люди), целям (устранение конкурентов и обидчиков), мотивам (неприязнь, ненависть, завышенная оценка своей персоны), жестокости и характеру совершения (серийные и массовые, беззащитных и случайных лиц), региональному признаку (по посягательствам на жизнь сотрудников правоохранительных органов и представителей власти «лидируют» республика Северного Кавказа). Раскрытие убийств затруднено в силу современных «технологий» их совершения и особенно способов сокрытия преступлений, что меняет статистику. Указанные аспекты данных посягательств актуализируют проблему применения смертной казни в плане обеспечения права человека на жизнь и защиты жизни под страхом применения этого вида наказания.

Следует отметить, что пожизненное лишение свободы – это не только сохранение жизни лицам, совершившим особо тяжкие преступления, но и оставление надежды на свободу. Все-таки оно слабый по сравнению с жизнью человека фактор, способный удерживать от посягательств такого рода.

Как результат сложной на протяжении десятилетия уголовной и уголовно-исполнительной политики суды и исправительные учреждения столкнулись с неразрешимой проблемой безальтернативности лишения свободы. В этих условиях санкции конкретных статей Особенной части УК РФ утратили свой альтернативный характер. Поэтому в судебной практике стало доминировать лишь применение лишения свободы. Единственную реальную альтернативу ему составило условное осуждение, которое применялось как мера уголовно-правового характера к лицам, осужденным к лишению свободы. Указанные обстоятельства сформировали искаженную судебную практику в применении наказаний, в которой стали доминировать применение лишения свободы на определенный срок и условного осуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право. М., 1997. С. 443; Чернов А.Д. Лишение свободы как вид уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 19; Мелентьев М.П. Особенности применения отдельных видов уголовных наказаний: Учеб. пособие. Рязань, 2003. С. 9.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

³ См.: Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 4-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в федеральные законы "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации" и "О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: Zubkov A.I. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. M., 1997. S. 443; Chernov A.D. Lishenie svobody kak vid ugolovnogo nakazaniya: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1998. S. 19; Melent'ev M.P. Osobennosti primeneniya otdel'nyh vidov ugolovnyh nakazaniy: Ucheb. posobie. Rjazan', 2003. S. 9.

² См.: SZ RF. 1996. № 25. St. 2955.

³ См.: Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 g. № 4-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v federal'nye zakony "O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii" i "O vvedenii v dejstvie Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii"» // SPS «Konsul'tantPljus».

⁴ См.: СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 3.

⁵ См.: Российская газета. 2003. 16 дек.

⁶ См.: Там же. 2011. 9 дек.

⁷ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. А.И. Зубкова. М., 1997. С. 442.

⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Российская газета. 2009. 30 дек.

⁹ См.: Там же. 2011. 9 дек.

¹⁰ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Там же. 8 апр.

¹¹ См.: Предупреждение преступлений и иных правонарушений в колониях-поселениях: Учеб.-метод. пособие. М., 2007. С. 4, 5, 43.

¹² См.: Быков В.М. Имел ли право Конституционный Суд Российской Федерации приостановить действие Конституции Российской Федерации? www.justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=814

¹³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях"» // Российская газета. 2009. 27 нояб.

¹⁴ Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р в отношении положения п. 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 г. № 3-П установлено, что в системе действующего правового регулирования в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым ей и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, то есть на реализацию цели, закрепленной ст. 20 (ч. 2) Конституции Российской Федерации. Это означает, что исполнение данного постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

⁴ См.: SZ RF. 2005. № 1. St. 3.

⁵ См.: Rossijskaja gazeta. 2003. 16 dek.

⁶ См.: Tam zhe. 2011. 9 dek.

⁷ См.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: Ucheb. / Pod red. A.I. Zubkova. M., 1997. S. 442.

⁸ Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 27.12.2009 g. № 377-FZ «O vnesenii izmenenij v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s vvedeniem v dejstvie polozhenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii o nakazanii v vide ogranichenija svobody» // Rossijskaja gazeta. 2009. 30 dek.

⁹ См.: Там же. 2011. 9 дек.

¹⁰ См.: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 06.04.2011 g. № 64-FZ «Ob administrativnom nadzore za licami, osvoboždennymi iz mest lishenija svobody» // Там же. 8 апр.

¹¹ См.: Preduprezhdenie prestuplenij i inyh pravonarushenij v kolonijah-poselenijah: Ucheb.-metod. posobie. M., 2007. S. 4, 5, 43.

¹² См.: Bykov V.M. Imel li pravo Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii priostanovit' dejstvie Konstitucii Rossijskoj Federacii? www.justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=814

¹³ См.: Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19.11.2009 g. № 1344-O-R «O raz#jasnenii punkta 5 rezoljutivnoj chasti Postanovlenija Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 fevralja 1999 goda 3-P po delu o provere konstitucionnosti polozhenij stat'i 41 i chasti tret'ej stat'i 42 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovlenija Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 16 ijulja 1993 goda "O porjadke vvedenija v dejstvie Zakona Rossijskoj Federacii «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon RSFSR "O sudoustrojstve RSFSR", Ugolovnyj kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativnyh pravonarushenijah"» // Rossijskaja gazeta. 2009. 27 nojab.

¹⁴ Opredeleniem Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19.11.2009 g. № 1344-O-R v otnoshenii polozhenija p. 5 rezoljutivnoj chasti postanovlenija Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 02.02.1999 g. № 3-P ustanovleno, chto v sisteme dejstvujushhego pravovogo regulirovanija v rezul'tate dlitel'nogo moratorija na primenenie smertnoj kazni sformirovalis' ustojchive garantii prava cheloveka ne byt' podvergnutym ej i slozhilsja konstitucionno-pravovoj rezhim, v ramkah kotorogo s ucheto mezhdunarodno-pravovoj tendencii i objazatel'stv, vzjatyh na sebja Rossijskoj Federaciej, proishodit neobratimyj process, napravlennyj na otmenu smertnoj kazni kak iskljuchitel'noj mery nakazanija, nosjashhej vremennyj harakter («vpred' do ee otmeny») i dopuskaemoj lish' v techenie opredelenno perehodnogo perioda, to est' na realizaciju celi, zakreplenoj st. 20 (ch. 2) Konstitucii Rossijskoj Federacii. Jeto oznachaet, chto ispolnenie dannogo postanovlenija v chasti, kasajushhejsja vvedenija suda s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej na vsej territorii Rossijskoj Federacii, ne otkryvaet vozmozhnost' primenenija smertnoj kazni, v tom chisle po obvinitel'nomu prigovoru, vnesennomu na osnovanii verdikta prisjazhnyh zasedatelej.

Факторы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях

К.К. ГОРЯИНОВ – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Е.А. БАРАНОВА – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях ФСИН России, в свете реформирования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; исправительные учреждения; криминальная субкультура; предупреждение преступлений.

The factors of operational search prevention of crimes committed by convicts in correctional institutions

K.K. GORYAINOV – a principal researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Law, professor;

E.A. BARANOVA – the head of the Chair of operational search activity of the Vologda Institute of Law and Economics, Cand. Sc. (Law), an associate professor

The article deals with the issues of operational search prevention of crimes committed by convicts in correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia under conditions of reformation of the penal system.

Key words: operational search activity; correctional institutions; criminal subculture; prevention of crimes.

Внесение существенных, принципиальных корректив в уголовную и уголовно-исполнительную политику нашло свое отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р.

Общественно-политическая и экономическая ситуация в стране напрямую влияет на криминологическую и пенитенциарную обстановку, которую в целом нельзя признать положительно трансформирующейся. Поэтому есть необходимость сопоставить, что фактически сложилось, что можно ожидать в ближайшем будущем и как может реформируемая уголовно-исполнительная система ответить на эти вызовы.

Уголовное наказание в самом общем определении – это государственное принуждение, применяемое судом к лицу, виновному в совершении преступления, и выражающееся в причинении ему законодательно установленных лишений. Данное принуждение всегда ставит перед собой определенные цели: возмездия, кары,

устрашения, восстановления нарушенного правопорядка, социальной справедливости, предупреждения совершения нового преступления как виновными, так и другими лицами и т.п.¹

Органы и учреждения УИС функционально предназначены для принуждения в исполнении уголовного наказания. Это карательные органы государства. От качества исполнения данной функции зависит реализация многообразия свойств наказания, которые совокупно могут быть сведены к общепредупредительному и специально предупредительному его действию. Но УИС не может в полном объеме решать задачи исправления и перевоспитания осужденных, то есть формирования у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирования правопослушного поведения (ст. 9 УИК РФ). Данные задачи должны решаться совместно со всеми институтами государства и гражданского общества. Для значительной части осужденных это достаточно длительный, сложный, а в ряде случаев противоречивый процесс².

Согласно федеральному закону от 21 июня 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» учреждения УИС при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы обязаны создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях, обеспечивать привлечение осужденных к труду, осуществлять их общее и профессиональное образование, обеспечивать охрану здоровья и т.д. Иными словами, создавать, обеспечивать условия для раскаяния и искупления вины, для восстановления социальной справедливости, установленного в государстве и обществе правопорядка путем правомерного применения мер принуждения, ограничений прав и свобод виновных.

Условия исполнения наказания выступают необходимым компонентом для действия самого уголовного наказания, создавая предпосылки для отказа осужденных от преступных намерений в будущем, для общепредупредительного воздействия³. Условия сами по себе не могут породить новое явление или новое качество, но обеспечивают их определенное развитие, положительно или отрицательно направленное, необходимое для возникновения следствия. Например, в качестве условий возможно рассматривать дисциплинарную практику администрации мест лишения свободы, справедливость выносимых взысканий и поощрений.

По нашему мнению, ставить задачи перед исправительными учреждениями по исправлению осужденных, сокращению рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, и т.п. не совсем корректно. Но именно так сформулирована одна из целей концепции – сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам, которые должны стать основным средством исправления осужденных (разд. II и III).

Отдавая должное значимости психолого-педагогической работы с осужденными, их социализации, выразим сомнение в том, что эти направления деятельности исправительных учреждений являются основным средством исправления и сокращения рецидивной преступности.

Во-первых, в ст. 9 УИК РФ указано, что основными средствами исправления осужденных являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие. Эти средства должны применяться с учетом вида наказания, степени общественной опасности совершенных преступлений, личности осужденных и их поведения. Закон не делит эти средства на основные и второстепенные, не устанавливает приоритетов в указанном перечне, а отмечает лишь выбор тех из них, которые предпочтительны для разных категорий осужденных.

Во-вторых, надо учитывать особенности характеристики осужденных в местах лишения свободы. В концепции констатируется, что за последние годы возростала не только общая численность осужденных к лишению свободы, но и ухудшались их уголовно-правовые, криминологические и пенитенциарные характеристики. Количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления составляет более двух третей. Соответственно, увеличилась и доля приговоренных к длительным срокам лишения свободы. Почти половина отбывает наказание второй раз и более, что приводит к увеличению удельного веса социально деградировавших осужденных.

Большинство осужденных в местах лишения свободы относятся к лицам с достаточно устойчивыми криминальными взглядами, установками и образом жизни. Они могут быть отнесены к профессиональному и привычному типам преступников⁴. Более 80% при поступлении в места лишения свободы не имели профессиональных и трудовых навыков либо утратили их. Такой контингент осужденных чаще всего инертен к психолого-педагогическому воздействию либо отвергает его. В этой ситуации исправительные учреждения лишь временно, на период отбывания наказания, лишают их условий для совершения новых преступлений. Да и то не всегда.

В-третьих, следует принять во внимание сам факт принудительного содержания в местах лишения, ограничения прав и свобод осужденных, жестких режимных требований. В юридической литературе некоторые авторы справедливо отмечают противоречивый характер тех последствий, которые наступают в результате карательной деятельности. Так, В.Д. Филимонов и О.В. Филимонов полагают, что карательное воздействие направле-

но прежде всего на разрушение тех свойств личности, которые стали непосредственной причиной совершения преступления. Вызывая страдания, оно подавляет антиобщественные свойства личности осужденного и вынуждает его отказаться в своей последующей жизни от преступного способа удовлетворения своих потребностей. При этом часто разрушаются и подавляются некоторые социально полезные свойства личности, например решительность, настойчивость в достижении общественно полезных потребностей⁵. При этом психолого-педагогическое воздействие не может компенсировать негативные последствия пребывания осужденного в местах лишения свободы, особенно в условиях агрессивной среды, которая характерна для сообществ заключенных.

В-четвертых, следует учитывать особенности среды, складывающейся в местах лишения свободы. Значительная часть осужденных имеет в своем криминальном багаже нераскрытые преступления, отрицает свою вину и не раскаивается, сохраняет и поддерживает криминальные традиции и обычаи. Среди них достаточно много активных участников организованных преступных формирований. Они нередко выступают в роли лидеров или деятельных участников группировок осужденных отрицательной направленности. Все осужденные так или иначе участвуют в жизнедеятельности группировок. Это обусловлено, прежде всего, изоляционным характером существования осужденных, проявлением так называемой «психологии поля», в котором действуют силы притяжения и отталкивания.

Криминальная среда в местах лишения свободы формирует свою идеологию с широким набором присущих ей нормативных, этических идей, оправдывающих преступное мышление и поступки. Эта идеология составляет базу для уголовной субкультуры, нередко являясь питательной почвой для дальнейшей криминализации личности осужденного, определяя характер его пенитенциарного и постпенитенциарного поведения.

Неформальная организация осужденных опирается на определенные условия ее функционирования: изоляцию, режим, отчуждение и недоверие, деградацию социального положения. Большинство осужденных враждебно относятся к ограничению их возможностей в выборе поведения, к отчуждению от среды, в которой до прибытия в места лишения свободы они находились. Издержки изоляции от общества компенсируются тюремным «кодексом поведения»,

который является основой функционирования неформальных групп.

Отметим некоторые существенные элементы этой субкультуры:

а) распространенность уголовных традиций и обычаев, которая затрудняет, а в ряде случаев блокирует применение мер оперативно-профилактического, воспитательно-психологического характера в отношении осужденных, особенно лидеров и их ближайшего окружения;

б) большая скрытность внутренних организационных процессов, подкрепленных развитой многоступенчатой иерархической структурой, в основе которой лежит деление осужденных на «чужих» и «своих», стремление к приобретению роли и статуса для привилегированного существования в криминальной среде;

в) тайное общение, обеспечивающее постоянную связь, передачу информации как между осужденными, так и с сообщниками на свободе, а также используемое для подготовки и совершения преступлений, противодействия уголовному правосудию, криминальной контрразведывательной деятельности, поддержания неформальных группировок осужденных;

г) поддержание жесткой дисциплины в уголовной среде, отказ от сотрудничества с администрацией учреждений УИС, солидарность и поощрение тех, кто придерживается преступных традиций и обычаев.

В последние годы в местах лишения свободы получили распространение группы, созданные по национальному признаку. Этноосужденные⁶ не только являются продуктом криминальной субкультуры, но и имеют определенное духовное и социально-психологическое, хотя и деструктивное родство со своими этносами. Наряду с политическими, этнопсихологическими и другими факторами проявляется и религиозно-экстремистская мотивация. В групповом поведении такого рода этнических групп отмечается религиозный фанатизм, псевдорелигиозный экстремизм, закрытость, которые способны порождать в местах лишения свободы как общеуголовные преступные проявления, так и преступления против правосудия, порядка управления и общественной безопасности (побеги, дезорганизация деятельности исправительных учреждений, уклонение от отбывания наказания и др.).

Результат структурирования этнических групп по кланово-родовому признаку в местах лишения свободы является возникновение такого явления, как общность этносов,

то есть подчиненность группе и зависимость от нее, важность одобрения поведения со стороны группы, наличие внутригрупповой поддержки, ярко выраженное стремление к самоидентификации и традиционализму. Воздействие этнической сущности и полная зависимость от нее этноосужденных в сочетании с общекриминальной субкультурой укрепляют устойчивость противоправных взглядов и убеждений.

Таким образом, среда осужденных не способствует исправлению: у осужденных зачастую не наступает даже торможения криминализации, наоборот, она усиливается. И действительно, вряд ли можно блокировать, а тем более ликвидировать криминальные наклонности у осужденного, заставляя его находиться в течение длительного периода в окружении нескольких сотен убийц, бандитов и иных агрессивно настроенных лиц, профессиональных воров, грабителей, мошенников.

Следует отметить, что именно группировки отрицательной направленности организуют и осуществляют доставку с «воли» наркотических и психотропных веществ, алкоголя, денег, мобильных телефонов, колюще-режущих и иных запрещенных предметов. Порой данные группировки фактически контролируют ситуацию в исправительном учреждении.

Субкультура осужденных – один из факторов, блокирующих применяемые средства исправительного воздействия. Надо отметить, что правовые нормы действующего уголовного законодательства не имеют достаточного потенциала для своевременного и эффективного предотвращения и пресечения противодействия, осуществляемого группировками отрицательной направленности в местах лишения свободы. Нейтрализация противоправной деятельности лидеров

в местах лишения свободы осуществляется в основном посредством применения норм УИК РФ, комплексного использования средств, указанных в ст. 9, организационно-тактических приемов уголовно-исполнительного либо оперативно-розыскного характера.

Эффективность предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений прежде всего зависит от оперативно-розыскных возможностей исправительного учреждения: получения оперативно значимой информации по всем параметрам процесса отбывания наказания, постоянного контроля за лицами, криминальный потенциал которых требует реагирования на все выявленные факты подготовки правонарушений, в том числе со стороны группировок отрицательной направленности. Данное обстоятельство предопределяет необходимость усиления роли оперативно-розыскной деятельности в обеспечении безопасности функционирования исправительных учреждений, осуществлении превентивной составляющей в укреплении правопорядка за счет повышения результативности оперативно-розыскных усилий.

Использование оперативно-розыскной информации не только позволяет выявлять, предупреждать, пресекать преступления и нарушения режима, но и дает возможность более обоснованно выбирать методы и средства психолого-педагогического воздействия, тактику, более результативно проводить режимные мероприятия и в целом эффективнее управлять ситуацией в исправительных учреждениях. Поэтому в исполнении уголовных наказаний при воздействии на осужденных не может быть основных и второстепенных средств и методов. Все они должны взаимно дополнять друг друга, обеспечивая необходимый комплекс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Большая юридическая энциклопедия. М., 2007. С. 236.

² В этой связи представляется целесообразным наполнить ограничительным содержанием институт неснятой и непогашенной судимости для некоторых отбывших наказание осужденных. Существование данного института – это фактически продолжение уголовной ответственности, а не ее последствия.

³ Условия исполнения наказания – это регламентированные законодательством правила действий субъектов исполнения наказания, а также ситуации, обстоятельства, обстановка в процессе исполнения наказания (см.: Российский курс уголовно-исполнительного права. М., 2012. Т. 1. С. 366).

⁴ См.: Бурлаков И.Н. Криминологическая личность и индивидуальное предупреждение преступлений. СПб., 1998. С. 17.

⁵ См.: Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М., 2007. С. 248.

⁶ См.: Зюков А.М. Этноосужденные в местах лишения свободы и предупреждение правонарушений с их стороны: Учеб. пособие. М., 2006. С. 20.

¹ См.: Bol'shaja juridicheskaja jenciklopedija. M., 2007. S. 236.

² V jetoj svjazi predstavljajetsja celesoobraznym napolnit' ogranichitel'nym sodержaniem institut nesnjatoj i nepogashennoj sudimosti dlja nekotoryh otbyvshih nakazanie osuzhdennyh. Sushhestvovanie dannogo instituta – jeto fakticheski prodolzhenie ugovnoj otvetstvennosti, a ne ee posledstvija.

³ Uslovija ispolnenija nakazaniya – jeto reglamentirovannye zakonodatel'stvom pravila dejstvij sub#ektov ispolnenija nakazaniya, a takzhe situacii, obstojatel'stva, obstanovka v processe ispolnenija nakazaniya (sm.: Rossijskij kurs ugovolno-ispolnitel'nogo prava. M., 2012. T. 1. S. 366).

⁴ См.: Burlakov I.N. Kriminologicheskaja lichnost' i individual'noe preduprezhdenie prestuplenij. SPb., 1998. S. 17.

⁵ См.: Filimonov V.D., Filimonov O.V. Pravootnoshenija. Ugolovnye pravootnoshenija. Ugolovno-ispolnitel'nye pravootnoshenija. M., 2007. S. 248.

⁶ См.: Zjukov A.M. Jetnoosuzhdennye v mestah lishenija svobody i preduprezhdenie pravonarushenij s ih storony: Ucheb. posobie. M., 2006. S. 20.

Перспективы функционирования института условно-досрочного освобождения в условиях реформы уголовно-исполнительной системы

А.И. ДРОЗДОВ – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье на основе статистических данных, полученных из территориальных органов ФСИН России, сформулированы некоторые проблемы реализации института условно-досрочного освобождения на современном этапе. Автором представлены варианты модернизации существующей практики посредством внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; «социальный лифт»; реформа уголовно-исполнительной системы; осужденные к лишению свободы; исправительное учреждение.

Prospects of functioning of the institution of release on parole in accordance with the reform program of criminal executive system

A.I. DROZDOV – senior lecturer of the Chair of Criminal executive Law, the Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law)

The author states some issues of implementation of the institution of release on parole at the present stage and presents the variants of modernization of existing practice by means of current legislation amending.

Key words: release on parole; “social lift”; the reform of penal system; condemned to imprisonment; correctional facility.

Одним из направлений реформирования уголовно-исполнительной системы России стало создание системы «социальных лифтов» для осужденных к лишению свободы¹. Как известно, основная идея «социального лифта» состоит в возможности изменения условий своего пребывания на лучшие, более престижные. Однако лифт для осужденного к лишению свободы не предполагает никаких скачков: любое перемещение на более высокую ступень в системе прав и свобод должно быть последовательным. Только стабильно позитивное поведение может на каждом конкретном этапе предоставить льготы и преимущества для перехода на следующий уровень. Условно-досрочное освобождение в такой системе выступает конечным пунктом назначения.

Существующий порядок применения этой меры существенно «развратил» осужденных. Ведь сейчас формально УДО возможно для лиц, содержащихся в любых условиях отбывания наказания, даже в строгих. Такое положение дел влечет исправительную пассивность. Предусмотренные законом стимулирующие меры правопослушного поведения и исправления, такие как перевод в исправительное учреждение с менее строгим видом режима, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, не выдерживают сравнения с УДО, а потому применяются крайне редко.

В свете сказанного применение УДО в перспективе реформирования должно стать завершающим этапом процедуры ресоциализации, когда осужденный не просто

досиживает до того момента, когда по формальному критерию может условно-досрочно покинуть ИУ, а приходит к этому.

В статье приводятся данные о практике УДО осужденных за 2010 г. и за 3 месяца 2011 года², которые были получены в рамках организованного ФСИН России специального исследования, проведенного на экспериментальном этапе реализации программы внедрения системы «социальных лифтов». Полученные в ходе исследования данные демонстрируют реальное положение дел на момент начала эксперимента и те самые «субъективные оценки» поведения осужденных, которые необходимо преодолеть в ходе реформы.

В 2010 г. всего освобождено из исправительных учреждений 270 889 осужденных, за три месяца 2011 г. – 62 502, из них условно-досрочно – 113 665 осужденных (41,9% от общего числа освобожденных) и 27 038 (43,2%) соответственно.

Общее количество осужденных, обратившихся с ходатайством об УДО, составило 177 925 чел. в 2010 г. и 40 640 чел. за три месяца 2011 г.

Положительная характеристика была дана только 121 996 (68,5%) осужденным в 2010 г. и 29 063 (71,5%) осужденным за три месяца 2011 г., отрицательная – 55 929 (31,4%) и 11 577 (28,5%) соответственно.

Количество лиц, которым судом отказано в УДО, достигло 64 260 в 2010 г. и 13 602 за три месяца 2011 г. Если сопоставить эти цифры с общим количеством лиц, подававших соответствующие ходатайства, то можно сделать вывод о том, что суд отказывает в их удовлетворении примерно в одной трети всех случаев.

Обращает на себя внимание процентное соотношение расхождения мнений суда и администрации ИУ по вопросу оценки поведения осужденных. Количество осужденных с положительным заключением администрации ИУ, которым суд отказал в удовлетворении ходатайства об УДО, составило в 2010 г. 21 183 (32,9% от общего числа лиц, которым отказано в удовлетворении ходатайства об УДО), за три месяца 2011 г. – 763, то есть 35%.

В 2010 г. количество лиц, в отношении которых применялось УДО при наличии заключения администрации о нецелесообразности применения этой меры, составило 12 852 чел., то есть 11,3% от всех освобожденных условно-досрочно, за три месяца 2011 г. – 2738 чел., или 10,1%.

Разумеется, мнения администрации и суда не могут тотально совпадать. Существующая процедура УДО предполагает многосубъектную оценку степени исправления осужденного, однако решение при

этом принимается исключительно судом, а заключение администрации носит лишь рекомендательный характер.

Материальным критерием применения УДО по действующему законодательству является мнение суда о том, что для своего исправления осужденный к лишению свободы не нуждается в полном отбывании назначенного наказания. Формулировка эта лишена конкретики, а потому решение суда, справедливо оно или же откровенно коррупционно, формально всегда будет находиться в поле действия указанной нормы.

Как нам представляется, реформированная система стимулирующих мер должна быть построена с соблюдением принципов взаимозависимости ее элементов и последовательности их применения (от менее значимых к более привлекательным).

Следует вспомнить, что на стадии разработки концепции реформирования УИС высказывалось мнение о том, что УДО возможно только после перевода осужденного в неохраняемое ИУ и только по инициативе и при поддержке администрации учреждения³. Такая модель предлагалась при условии перехода к тюремной системе и существенного сокращения общего количества осужденных в местах лишения свободы. В этом случае состав осужденных в ИУ резко ухудшится, соответственно УДО будет применяться более чем избирательно, не столь массово, как сейчас.

Нельзя не признать, что на длительную перспективу эта идея весьма интересна. Если в результате реформы мы приблизимся к европейским моделям пенитенциарной системы, в рамках которых изоляция осужденного в закрытом учреждении представляет собой крайнюю меру защиты общества от человека, от которого нельзя защититься другим способом⁴, то в закрытых учреждениях окажутся действительно наиболее опасные субъекты. Их досрочное освобождение должно носить очень индивидуальный характер. Для того чтобы не создавать угрозу обществу, необходима будет проверка возможности пребывания такого лица в условиях отсутствия строгой физической изоляции, то есть в учреждении полуоткрытого типа. Целесообразно, чтобы досрочное освобождение применялось именно по такой схеме.

Однако вполне очевидно, что рассмотренный подход неосуществим в рамках действующей системы с имеющимся сейчас количеством заключенных. На сегодняшний день условно-досрочно покидает ИУ едва ли не половина от всех освобождающихся осужденных. Понятно, что эта цифра (113 665 чел. в 2010 г.) несопоставима с долей осужденных, которые переводятся в

колонии-поселения: в среднем около 2% от общего количества содержащихся в ИУ лиц (например, в 2008 г. был переведен всего 17 561 осужденный⁵). ИУ пока не приспособлены к массовой ротации осужденных.

При этом проблема модернизации УДО стоит уже сейчас. На переходном этапе, пока исправительные колонии не преобразованы в тюрьмы и применяется система коллективного содержания осужденных, необходимы менее радикальные, но в то же время действенные меры. То есть реформа УДО не должна лишить осужденных возможности освободиться по этому основанию, но призвана поставить данную меру в непосредственную зависимость от объективной оценки степени исправления осужденного.

Как известно, в 2010 г. на базе ИУ ряда территориальных органов ФСИН России прошел эксперимент по внедрению системы «социальных лифтов». Его идея состоит в том, чтобы осужденный четко понимал, что законопослушное поведение, стремление исправиться дает ему право на смягчение режима содержания вплоть до реального сокращения срока лишения свободы. Была разработана методика оценки поведения осужденного, включающая такие критерии, как соблюдение им порядка отбывания наказания, стремление к психофизической корректровке своей личности и принятие инициативных мер к ресоциализации, иные события и действия, свидетельствующие об активной позитивной позиции осужденного⁶. Оценка степени исправления осужденных осуществлялась комиссиями ИУ с привлечением представителей общественности и наиболее компетентных специалистов. По предложенной методике была проведена аттестация осужденных, по итогам которой комиссии ходатайствовали перед судом об изменении условий отбывания наказания в положительную либо отрицательную сторону. По оценкам специалистов, эксперимент дал положительные результаты⁷. Самое главное, что идея была в большей части позитивно воспринята осужденными, а потому ее можно назвать перспективной с точки зрения развития системы стимулирующих мер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 года». <http://www.fsin.su/document/>

² Исследование проведено в 2011 г. на базе 77 территориальных органов ФСИН России.

³ См.: <http://www.ukrprison.org.ua/index.php?id=1264936781>

⁴ См.: Интервью А.А. Реймера М. Барщевскому // Российская газета – Неделя. 2009. 15 окт.

Однако мы вынуждены констатировать, что все это представляет собой лишь внутриведомственное решение вопроса, которое не способно реально изменить практику применения УДО, поскольку субъектом принятия соответствующего решения является суд, который не связан рамками указанного эксперимента.

Очевидно, что встает проблема законодательного оформления материальных критериев, необходимых для принятия решения судом. Мы предлагаем внести в Уголовный кодекс Российской Федерации изменения, изложив абз. 1 ч. 3 ст. 79 УК РФ в следующей редакции:

«Условно-досрочное освобождение может быть применено только в отношении осужденных, содержащихся в облегченных условиях в исправительных колониях общего, строгого, особого режимов, облегченных или льготных условиях в воспитательных колониях или общем режиме в тюрьме, при наличии заключения комиссии исправительного учреждения о целесообразности применения указанной меры и после фактического отбытия...» (далее по тексту).

Целесообразно, чтобы работу осуществляли те самые комиссии, которые сформированы на основании методических рекомендаций по использованию системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России.

Для повышения эффективности предложенных мер аналогичные коррективы необходимо внести в ст. 80 УК РФ. Кроме того, данные преобразования должны происходить параллельно с изменением Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в части ст. 78 (следует закрепить возможность перевода в учреждение с менее строгим видом режима только из облегченных условий содержания или общего режима в тюрьме)⁸.

Предлагаемые меры в случае их реализации дадут возможность апробации всей системы «социальных лифтов» на современном этапе и помогут определить направления дальнейшего изменения законодательства в ходе реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

¹ См.: Распоряжение Правитель'ства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р «Ob utverzhdenii Konceptii razvitija ugovovno-ispolnitel'noj sistemy v Rossijskoj Federacii do 2020 goda». <http://www.fsin.su/document/>

² Issledovanie provedeno v 2011 g. na baze 77 territorial'nyh organov FSIN Rossii.

³ См.: <http://www.ukrprison.org.ua/index.php?id=1264936781>

⁴ См.: Interv'ju A.A. Rejmera M. Barshhevskomu // Rossijskaja gazeta – Nedelja. 2009. 15 okt.

⁵ См. подр.: Дроздов А.И. Изменение условий отбывания лишения свободы в механизме ресоциализации осужденных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 14.

⁶ См.: Методические рекомендации по использованию системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России. <http://fsin.su/structure/social/vospitatelnaya%20rabota/>

⁷ См.: Трофимов В.Ю. На «социальных лифтах» к европейским стандартам. Выступление начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России на пресс-конференции по теме «Новые формы воспитательной работы с осужденными» (13 апреля 2011 г.). <http://www.fsin.su/document/>

⁸ См. подр.: Дроздов А.И. Изменение условий отбывания лишения свободы в механизме ресоциализации осужденных. С. 118–121.

⁵ Sm. podr.: Drozdov A.I. Izmenenie uslovij otbyvanija lishenija svobody v mehanizme resocializacii osuzhdennyh: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2010. S. 14.

⁶ Sm.: Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniju sistemy «social'nyh liftov» v ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii. <http://fsin.su/structure/social/vospitatelnaya%20rabota/>

⁷ Sm.: Trofimov V.Ju. Na «social'nyh liftah» k evropejskim standartam. Vystuplenie nachal'nika upravlenija social'noj, psihologicheskoj i vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi FSIN Rossii na press-konferencii po teme «Novye formy vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi» (13 aprelja 2011 g.). <http://www.fsin.su/document/>

⁸ Sm. podr.: Drozdov A.I. Izmenenie uslovij otbyvanija lishenija svobody v mehanizme resocializacii osuzhdennyh. S. 118–121.

К вопросу о субъектах общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы

А.М. ПОТАПОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

А.С. АЛЕКСАНДРОВ – адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена субъектам общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы на современном этапе. Авторами затронуты аспекты становления и формирования данного института, выявлены проблемы в его законодательном регулировании.

Ключевые слова: общество; контроль; Общественная палата; СМИ; родительский комитет; попечительский совет; общественные объединения.

About the public control subjects supervising the exercise of prisoners' rights

A.M. POTAPOV – the head of the chair of the Penal Law and organization of educational work with prisoners, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law);

A.S. ALEKSANDROV – a postgraduate student of the chair of the Penal Law and organization of educational work with prisoners, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to the public control subjects supervising the exercise of prisoners' rights in the correctional institutions at present. The authors consider some historical facts of the formation and development of the institution. Some problems of its legislative regulation are revealed in the article.

Key words: society; control; the Public Chamber; mass media; the parent committee; the trusteeship council; public organizations.

Тема общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы является весьма актуальной в настоящее время. В первую очередь это связано с осуществляемыми как на уровне

государства, так и в общественной жизни преобразованиями.

Потребность общественности в контроле за реализацией прав, свобод и законных интересов осужденных в местах лишения

свободы является закономерной характеристикой гражданского общества, отражающей определенную степень его развития. Заметим, что для нашего государства общественный контроль в местах лишения свободы не является новеллой. Отечественная практика исполнения наказаний во многом обязана своим развитием именно общественности. Так, первые результаты улучшения положения арестантов и заключенных относятся к началу XIX в. и связаны с созданием Александром I в 1816 г. попечительных о тюрьмах обществ, в состав которых входили представители высших, наиболее уважаемых социальных сословий¹.

Советский период отличался повсеместным привлечением общественности к деятельности исправительных учреждений: это и образование распределительных комиссий, фактически состоявших из ее представителей², и работа наблюдательных комиссий, создаваемых в соответствии с Трудовым кодексом РСФСР 1924 г. С конца 1960-х гг. функционировали наблюдательные комиссии при исполнительных комитетах районных и городских советов депутатов трудящихся³. Члены наблюдательных комиссий следили за улучшением санитарно-бытовых условий и культурного обслуживания осужденных, осуществляли контроль за своевременным и правильным удовлетворением администрацией исправительного учреждения жалоб осужденных, а также проверяли правильность действий администрации колонии в отношении применения к осужденным условно-досрочного освобождения.

Современное законодательство предоставляет общественности право участвовать в исправлении осужденных и осуществлять контроль за соблюдением их прав. Возможность общественного контроля за деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц вытекает из ст. 30 и 32 Конституции Российской Федерации, гарантирующих свободу деятельности общественных объединений и закрепляющих их право участвовать в управлении делами государства. Более того, названные конституционные нормы получили развитие в Федеральном законе от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»⁴ и ряде других нормативных правовых актов.

Однако на практике реализация общественного контроля влечет за собой возник-

новение ряда проблем. В их числе следует назвать чуждость современному обществу идеи осуществления контроля за соблюдением прав осужденных, отбывающих лишение свободы. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами исследования по изучению мнения общественности относительно готовности к такого рода деятельности: более 50% опрошенных не поддерживают соответствующие начинания⁵. При этом реформирование пенитенциарной системы направлено в том числе и на обеспечение гласности в деятельности УИС, ее подконтрольности институтам гражданского общества, создание условий для участия общественности в решении стоящих перед системой задач. Думается, что все это должно получить свое проявление в усилении роли общественного контроля за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы.

Статья 23 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации регулирует осуществление общественного контроля за соблюдением прав осужденных к лишению свободы. К сожалению, данная норма не отражает всего субъектного состава общественного контроля за соблюдением прав осужденных, сформировавшегося к настоящему времени, а также существенно занижает контрольный и правозащитный потенциал общественной работы в местах лишения свободы.

Так, ч. 1 ст. 23 УИК РФ прямо указывает на общественные наблюдательные комиссии как единственный субъект гражданского общества, правомочный осуществлять общественный контроль в исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях. Часть 2 данной нормы лишь оговаривает отдельные формы деятельности общественных наблюдательных комиссий по осуществлению общественного контроля. При этом в ч. 3 общественным объединениям отведены только функции по оказанию содействия работе учреждений и органов, исполняющих наказания, и помощи в исправлении осужденных. Кроме того, в настоящее время более 30% состава региональных общественных наблюдательных комиссий образуют бывшие сотрудники правоохранительных органов, поскольку они заявили о своем желании участвовать в такого рода работе при полном отсутствии инициативы от других граждан⁶. С одной стороны, член наблюдательной комиссии, являвшийся в прошлом сотрудником правоохранительных органов и не понаслышке знающий пробле-

мы соблюдения прав осужденных, имеет большое преимущество перед членами комиссий без подобного опыта. С другой стороны, с учетом российской ментальности и наличия устоявшихся негласных традиций корпоративной солидарности вопрос об осуществлении качественного и непредвзятого контроля такими общественниками представляется спорным.

По нашему мнению, законодательный акцент на одном субъекте общественного контроля – общественных наблюдательных комиссиях – не в полной мере отражает сложившиеся тенденции развития гражданского общества. Субъектами общественного контроля в местах лишения свободы являются и другие общественные формирования: Общественный совет при ФСИН России (далее – Общественный совет) и общественные советы при территориальных органах ФСИН России; Общественная палата Российской Федерации (далее – Общественная палата) и общественные палаты субъектов Российской Федерации; неправительственные правозащитные организации; комиссии по делам несовершеннолетних; комиссии по вопросам помилования; попечительские советы и родительские комитеты при исправительных учреждениях; средства массовой информации. Более того, общественные объединения, уставной целью которых выступает контроль за соблюдением прав граждан, в том числе и осужденных к лишению свободы, также в полной мере можно считать самостоятельными субъектами общественного контроля.

Все названные общественные формирования реализуют различные, присущие только им формы осуществления общественного контроля в местах лишения свободы. Совокупность таких форм определяет круг соответствующих субъектов.

Так, правозащитная и контрольная деятельность Общественного совета выражается в следующем:

- информирование руководства ФСИН России о нарушениях прав и законных интересов осужденных в местах лишения свободы;
- обсуждение проблем деятельности исправительных учреждений на заседаниях;
- запрос сведений о деятельности учреждений и органов ФСИН России в сфере соблюдения прав человека;
- посещения исправительных учреждений представителями Общественного совета во время выездных заседаний или совместно с общественными наблюдательными комиссиями.

Таким образом, Общественный совет выступает действенным субъектом общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы в силу присущей ему публичности, а также вовлеченности общественных организаций в работу УИС.

Общественная палата в целях реализации функции общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы вправе:

- проводить слушания по общественно важным проблемам, связанным с исполнением уголовных наказаний;
- давать заключения о нарушениях законодательства Российской Федерации персоналом исправительных учреждений и направлять указанные заключения в компетентные государственные органы или должностным лицам;
- проводить экспертизу проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, проектов нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и Минюста России, касающихся вопросов деятельности исправительных учреждений;
- приглашать руководителей Минюста и ФСИН России на пленарные заседания Общественной палаты;
- направлять своих членов для участия в работе комитетов и комиссий Совета Федерации и Государственной Думы, а также в заседаниях коллегий Минюста и ФСИН России;
- направлять запросы должностным лицам Минюста, ФСИН России и в территориальные органы ФСИН России.

Таким образом, деятельность рассмотренных субъектов наглядно свидетельствует о необходимости отхода от законодательного позиционирования общественных наблюдательных комиссий в качестве единственного субъекта общественного контроля в местах лишения свободы.

Кроме того, действующее законодательство не в полной мере отвечает заявленным целям реформирования пенитенциарной системы. Решением данной проблемы может стать возвращение ст. 23 УИК РФ к первоначальной редакции. По нашему мнению, она, не конкретизируя состав субъектов общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы, охватывала наиболее широкий их круг, тем самым увеличивая правозащитный и контрольный потенциал общественности, заинтересованной в соблюдении прав осужденных.

В целях повышения контрольных и право-защитных возможностей субъектов общественного контроля за обеспечением прав осужденных в местах лишения свободы предлагается расширить перечень органов, переписка с которыми и обращения к которым не подлежат цензуре. Для этого необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 12 и ч. 4 ст. 15 УИК РФ, закрепив в них таких субъектов общественного контроля, как Общественный совет при ФСИН России и общественные советы при территориальных органах ФСИН России, а также Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Российской Федерации.

Одновременно с этим для обеспечения большей прозрачности в деятельности УИС целесообразно расширить перечень субъектов, имеющих право посещать учреж-

дения и органы, исполняющие наказания, без специального на то разрешения, посредством внесения изменений в ч. 1 ст. 24 УИК РФ, а именно изложив ее п. «д» в следующей редакции: «депутаты, общественные наблюдательные комиссии и их члены – в пределах соответствующих территорий, представители Общественного совета при ФСИН России и территориальных органов ФСИН России, а также члены Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат субъектов Российской Федерации».

Реализация обозначенных законодательных инициатив должна способствовать повышению эффективности общественного контроля за исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы в части его субъектного состава.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Матвеева А.П. Теоретические и организационно-правовые аспекты взаимодействия уголовно-исполнительной системы с общественными объединениями: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 88.

² См.: Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23.07.1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового (временная инструкция)». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_325.htm

³ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.09.1965 г. «Об утверждении положения о наблюдательных комиссиях». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6300.htm

⁴ См.: Российская газета. 2008. 18 июня.

⁵ Опрос был проведен среди сотрудников исправительных учреждений Вологодской, Кемеровской и Новосибирской областей в 2012 г. Всего опрошено 800 сотрудников, а также 70 граждан, относящихся к различным социальным группам.

⁶ См.: <http://www.kommersant.ru/doc/2204759>

¹ См.: Matveeva A.P. Teoreticheskie i organizacionno-pravovye aspekty vzaimodejstvija ugovovno-ispolnitel'noj sistemy s obshhestvennymi ob#edinenijami: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2005. S. 88.

² См.: Postanovlenie Narodnogo komissariata justicii RSFSR ot 23.07.1918 g. «O lishenii svobody kak o mere nakazaniya i o porjadke otbyvanija takovogo (vremennaja instrukcija)». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_325.htm

³ См.: Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 30.09.1965 g. «Ob utverzhenii polozhenija o nabljudatel'nyh komissijah». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6300.htm

⁴ См.: Rossijskaja gazeta. 2008. 18 ijunja.

⁵ Opros byl proveden sredi sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij Vologodskoj, Kemerovskoj i Novosibirskoj oblastej v 2012 g. Vsego oprosheno 800 sotrudnikov, a takzhe 70 grazhdan, otnosjashhhsja k razlichnym social'nym gruppam.

⁶ См.: <http://www.kommersant.ru/doc/2204759>

Особенности процесса исправления несовершеннолетних осужденных к лишению свободы

А.Л. САНТАШОВ – заместитель директора Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

В.Б. ШАБАНОВ – заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются особенности и принципы организации исправительного процесса в отношении несовершеннолетних осужденных; проанализированы нормы уголовно-исполнительного права, обеспечивающие социальное регулирование применения средств исправления; уделено внимание организации исправления несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях.

Ключевые слова: исправительный процесс; лишение свободы; несовершеннолетние; исполнение наказаний; воспитательные колонии.

Some peculiar traits of the correctional process of juvenile delinquents

A.L. SANTASHOV – deputy director for studies of the North – West Institute of the Moscow State Law University named after O. Kutafin, Cand.Sc. (Law), docent;

V.B. SHABANOV – deputy director for science of the Academy of the Ministry of Home Affairs of the Republic of Belarus, Doctor of Law, professor

The authors consider peculiarities and organizational principles of the correctional process concerning juvenile delinquents and analyze criminal – executive law norms provided social regulation of correctional measures treatment. They pay attention to the organization of the correctional process in juvenile delinquents facility.

Key words: correctional process; imprisonment; minors; execution of a punishment; juvenile delinquents facilities.

Совокупность закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве средств исправления осужденных в ходе применения образует исправительное воздействие, которое представляет собой особый вид воспитательного, педагогического процесса, осуществляемого при исполнении наказаний, то есть в условиях реализации мер государственного принуждения, ограничения прав, свобод и законных интересов осужденных. Они не присущи педагогическому процессу, протекающему, например, в школах, высших учебных заведениях, в воинских частях и т.д.

Вследствие того что процесс исправления осужденных носит педагогический характер, законодатель не преследует цели урегулирования всех аспектов его организации, так как «педагогический процесс – это процесс динамичный, творческий, требующий постоянного поиска лучших форм и методов воздействия»¹. Но поскольку в

данном случае он организуется в специфических условиях и с особым контингентом (лицами, преступившими закон), наиболее важные его моменты подлежат регламентации нормами уголовно-исполнительного права².

Безусловно, основные средства исправления осужденных применяются при реализации наказания в виде лишения свободы на определенный срок, характерными признаками которого являются:

- срочный характер исполнения и применения мер исправительного воздействия;
- наличие специально создаваемых учреждений, исполняющих данный вид уголовного наказания;
- установление правоограничений в режиме отбывания наказания;
- закрепление правовых оснований освобождения от наказания: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена неотбытой части наказания более

мягким видом наказания; освобождение от наказания в связи с болезнью осужденного, изменением обстановки; отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей; освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда; помилование или амнистия³.

Процесс исправления несовершеннолетних лиц в условиях лишения свободы имеет свои специфические черты, которые обусловлены психолого-возрастными особенностями данной группы осужденных. Как и всякий воспитательный процесс, он представляет собой совокупность объективных и субъективных факторов воздействия на лицо. К объективным факторам относятся условия, создаваемые государством для исправления несовершеннолетних правонарушителей, материальная и производственная база, социально-психологические отношения и контакты между несовершеннолетними осужденными и между администрацией воспитательной колонии и лицами, отбывающими в ней наказание. В качестве субъективных факторов выступают сознательная и целеустремленная деятельность сотрудников, их профессиональное мастерство, умение познать особенности личности воспитуемого, найти и правильно использовать наиболее действенные средства для изменения его ценностных ориентаций, взглядов, поведения, отношения к людям и т.п.

Субъектами исправительного процесса, организуемого в ВК, являются начальники отрядов, старшие воспитатели и руководители, лица из числа администрации и представителей общественности, а объектом – несовершеннолетние осужденные.

Очевидно, что процесс исправления осужденных, содержащихся в ВК, обладает определенной спецификой. Во-первых, здесь присутствует такой объект воздействия, как несовершеннолетний осужденный. В ряде случаев воспитательное воздействие направляется одновременно на некое множество указанных лиц (группы, коллективы, отряды и т.д.).

Во-вторых, одна из особенностей данного процесса состоит в том, что в качестве субъекта воздействия выступают сотрудники уголовно-исполнительной системы, учителя общеобразовательных школ, мастера профтехучилищ, представители общественных формирований, члены попечи-

тельских советов, родительских комитетов и в некоторых случаях сами осужденные.

Наконец, в-третьих, деятельность колоний данного вида предполагает реализацию особого комплекса методологических положений и направлений, определяющих содержание, методы и формы исправления несовершеннолетних осужденных и все его основные средства.

Правовые нормы, регламентирующие исправительный процесс в ВК, предполагают комплексность применения всех средств исправления осужденных. Это дает возможность в условиях исполнения наказания осуществлять основные виды социально полезной деятельности: трудовую, учебную, общественную. В процессе этого происходит развитие и формирование личности несовершеннолетнего осужденного. Строгие правовые рамки способствуют выработке уважения к законам и настраивают воспитанника на правопослушный образ жизни. Подобным же образом действует и то обстоятельство, что в нормах уголовно-исполнительного права закрепляются также права осужденных, реализация которых предъявляет определенные требования к деятельности субъекта исправительного процесса. Подтверждением вышесказанного является законодательное предписание, согласно которому в целях исправления осужденных к лишению свободы и подготовки их к самостоятельной жизни организуется единый учебно-воспитательный процесс, направленный на формирование у них законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, получение начального профессионального образования, профессиональной подготовки, повышение образовательного и культурного уровня. Таким образом, организационно-воспитательная функция уголовно-исполнительного права, которая обеспечивает основные средства исправления осужденных, выражается в его воспитательно-организующем воздействии на отношения, возникающие в процессе привлечения осужденных к общественно полезному труду, проведения с ними воспитательной работы, осуществления общеобразовательного обучения, профессиональной подготовки⁴.

Особую роль в раскрытии сущности процесса исправления несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, играет ряд закономерностей и принципов, несоблюдение которых может рассматриваться как своеобразное препятствие на пути к до-

стижению обозначенных целей наказания. К числу основных закономерностей, которые способствуют успешности рассматриваемого процесса, следует отнести:

- обусловленность целей, задач и содержания процесса исправления несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, характером и уровнем развития общественных отношений;
- формирование личности в системе межличностных отношений;
- руководящую роль субъекта в процессе воспитательного воздействия;
- зависимость результатов исправления от авторитета воспитателя;
- обусловленность системы исправления несовершеннолетних осужденных целостным характером объекта воздействия⁵.

Основными принципами являются:

- гуманизм, демократизм, законность, справедливость и приоритет общечеловеческих ценностей применительно ко всем аспектам процесса исправления;
- соединение наказания с исправительным воздействием;
- дифференциация и индивидуализация исполнения наказания;
- организация системы обратной связи и постоянная корректировка педагогических усилий;
- педагогизация и психологизация исправительного процесса;
- единство требований и уважение к личности;
- активизация объекта исправительного процесса⁶.

Процесс исправления несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, осуществляется посредством применения основных средств, регламентированных законом, и направлен на достижение целей и задач уголовно-исполнительного законодательства. Средства исправления осужденных взаимосвязаны между собой, образуют единую систему и требуют не только социального регулирования, но и социально-управленческого воздействия, ибо процесс исправления любой категории осужденных – это прежде всего управление людьми. Именно в сфере применения средств исправления осужденных в воспитательных колониях находит свое конкретное выраже-

ние сочетание социального регулирования и социального управления. Последние обретают правовую основу в структуре уголовно-исполнительного законодательства: социальное регулирование – в порядке и условиях применения средств исправления осужденных; социальное управление – в порядке деятельности ВК.

В состав уголовно-исполнительного права входят нормы и институты, обеспечивающие социальное регулирование применения названных средств (например, порядок привлечения к труду несовершеннолетних осужденных, порядок применения к ним мер взыскания, порядок участия общественных объединений в работе ВК и др.), а также нормы, в которых заложены алгоритмы процесса управления. Так, на администрацию указанных учреждений возлагается обязанность по переводу для дальнейшего отбывания наказания из ВК в исправительную колонию для совершеннолетних преступников общего режима отрицательно характеризующихся осужденных к лишению свободы. Суть воздействия данных предписаний заключается в создании состояния упорядоченности объекта (осужденных, отбывающих наказание) и субъекта управления (представителей администрации), а также отношений между ними.

В науке рассматриваемая функция процесса управления получила название «организация»⁷. Так, речь можно вести, к примеру, об организации учебно-воспитательного процесса в воспитательной колонии. Действительно, в нормах уголовно-исполнительного права в общей и конкретной форме фиксируется схема управления, которая выступает как эффективное средство, влияющее на процесс исправления несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы.

Следовательно, исправительный процесс в отношении несовершеннолетних осужденных представляет собой специфическую разновидность социализации личности – ее ресоциализацию, а потому выступает в качестве объекта социального регулирования и социального управления. Сочетание последних представляет собой нормированную социальную деятельность исправительных учреждений для несовершеннолетних.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ковтун В.П. Некоторые вопросы правового регулирования воспитательной системы в ЛТП // Правовые основы функционирования органов, исполняющих наказания. М., 1990. С. 135.

² См. подр.: Сундунов Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. Казань, 1980. С. 166–167.

³ См.: Фефелов В.А. Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. Рязань, 1998. С. 293.

⁴ См.: Мелентьев М.П. Функции и структура советского исправительно-трудового права. Рязань, 1987. С. 82.

⁵ См.: Исправительная (пенитенциарная) педагогика / Под ред. А.И. Зубкова, М.П. Стуровой. Рязань, 1993. С. 34–40; Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 15–16.

⁶ См. подр.: Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права: проблемы особенной части. М., 1985. С. 11–112; Стурова М.П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений: Дис. ... д-ра пед. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1991. С. 12–30; Байдаков Г.П. Некоторые вопросы разработки системы основных принципов процесса исправления и перевоспитания осужденных // Правовые и организационные основы функционирования системы органов, исполняющих уголовные наказания. М., 1991. С. 3–4.

⁷ См. подр.: Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань, 2001. С. 524.

¹ Kovtun V.P. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovanija vospitatel'noj sistemy v LTP // Pravovye osnovy funkcionirovanija organov, ispolnjajushhih nakazanija. M., 1990. S. 135.

² Sm. podr.: Sundurov F.R. Lishenie svobody i social'no-psihologicheskie predposylki ego jeffektivnosti. Kazan', 1980. S. 166–167.

³ Sm.: Fefelov V.A. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Obshhaja chast'. Rjazan', 1998. S. 293.

⁴ Sm.: Melent'ev M.P. Funkcii i struktura sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava. Rjazan', 1987. S. 82.

⁵ Sm.: Ispravitel'naja (penitenciarnaja) pedagogika / Pod red. A.I. Zubkova, M.P. Sturovoj. Rjazan', 1993. S. 34–40; Babajan S.L. Pravovoe regulirovanie primenenija mer pooshhrenija i vzyskanija v vospitatel'nom vozdejstvii na osuzhdennyh k lisheniju svobody: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2003. S. 15–16.

⁶ Sm. podr.: Struchkov N.A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava: problemy osobennoj chasti. M., 1985. S. 11–112; Sturova M.P. Vospitatel'naja sistema ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij: Dis. ... d-ra ped. nauk v forme nauchnogo doklada, vypolnjajushhego takzhe funkcii avtoreferata. M., 1991. S. 12–30; Bajdakov G.P. Nekotorye voprosy razrabotki sistemy osnovnyh principov processa ispravlenija i perevospitanija osuzhdennyh // Pravovye i organizacionnye osnovy funkcionirovanija sistemy organov, ispolnjajushhih ugovolnye nakazanija. M., 1991. S. 3–4.

⁷ Sm. podr.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Obshhaja chast': Ucheb. / Pod obshh. red. Ju.I. Kalinina. Rjazan', 2001. S. 524.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Особенности производства по делам об административных правонарушениях в исправительных учреждениях

Н.А. МЕЛЬНИКОВА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье исследуются вопросы производства по делам об административных правонарушениях, его особенности применительно к деятельности исправительных учреждений, а также освещаются проблемы правового регулирования и организации административно-юрисдикционной деятельности последних и пути их решения.

Ключевые слова: административно-юрисдикционная деятельность исправительных учреждений; уголовно-исполнительная система; административная ответственность; производство по делам об административных правонарушениях.

Some specific features of the investigation of administrative offence cases in correctional institutions

N.A. MELNIKOVA – an associate professor of the chair of administrative and legal disciplines, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law)

The article deals with issues of the investigation of administrative offence cases, their characteristic features with regard to the activity of correctional institutions, the problems of legal regulation and the organization of administrative and jurisdictional activity of the latter ones, the ways of their solution are considered in the article.

Key words: administrative and jurisdictional activity of correctional institutions; the penal system; administrative responsibility; an investigation of administrative offence cases.

Специфика уголовно-исполнительной системы как субъекта правоохранительной деятельности предопределяет закрепление за исправительными учреждениями функций по поддержанию правопорядка, общественной безопасности, борьбе с правонарушениями и их профилактике. Поэтому законодатель совершенно оправданно наделил ИУ соответствующими полномочиями, среди которых особое место занимают юрисдикционные.

Административно-юрисдикционная деятельность в ИУ осуществляется наравне с уголовно-процессуальной, оперативно-

розыскной и уголовно-исполнительной. Именно она выступает качественной характеристикой учреждений как субъектов государственного управления. Такая особенность, как непосредственное отношение к сфере исполнения уголовных наказаний, отражается на ее предмете.

На сегодняшний день особый интерес в рамках административной деятельности вызывает производство по делам об административных правонарушениях.

Деятельность сотрудников ИУ по выявлению и пресечению административных правонарушений представляет собой важ-

ный элемент обеспечения установленного режима функционирования учреждений. Порядок производства по делам об административных правонарушениях в ИУ регулируется нормами, которые содержатся в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях¹. Однако в силу специфики рассматриваемой сферы отдельные аспекты регламентируются ведомственными нормативными актами. В частности, перечень предметов, запрещенных осужденным в ИУ, закреплен в Правилах внутреннего порядка, утвержденных приказами Минюста России по каждому виду учреждений². Также во исполнение положения ч. 2 ст. 27.3 КоАП РФ Федеральной службой исполнения наказаний издан приказ от 08.06.2009 г. № 246 «Об утверждении Перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях»³ (далее – приказ ФСИН России № 246). Анализ положений данного документа указывает на его несоответствие реалиям сегодняшнего дня. Так, в перечне должностных лиц подавляющее большинство составляют руководители центрального аппарата ФСИН России, территориальных органов и начальники учреждений. На практике же составлением административных протоколов в конкретных учреждениях занимаются оперативные дежурные, а всем административно-юрисдикционным производством – сотрудники оперативного отдела, отделов охраны, безопасности. Полагаем, что они также должны быть отнесены к категории должных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях. Кроме этого, в перечне, утвержденном приказом ФСИН России № 246, не учтены новые положения, внесенные в КоАП РФ, а именно то, что п. 5 ч. 5 ст. 28.3 предусматривает возможность составления протоколов об административных правонарушениях по ст. 9.19, 17.7, 17.9 и ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ должностными лицами соответствующих органов уголовно-исполнительной системы. Полагаем, что рассматриваемый приказ в части полномочий должностных лиц УИС следует дополнить для устранения несоответствия действующему законодательству.

Наравне с полномочием по составлению протоколов по отдельным правонарушениям должностные лица ИУ наделены и полномочиями по применению мер обеспечения производства и рассмотрению дел об административных правонарушениях.

Это означает, что сотрудники учреждений являются полноправными субъектами производства по делам об административных правонарушениях, реализующими властные полномочия. Однако следует заметить, что сотрудники могут выступать субъектами производства не на всех его стадиях. Это установлено в нормах КоАП РФ и зависит от конкретных составов административных правонарушений.

Все составы административных правонарушений, в документировании которых могут принимать участие сотрудники ИУ, можно подразделить на две группы.

Первую составляют правонарушения, которые условно можно назвать общими: они могут быть совершены и в пенитенциарной сфере, и в других сферах жизнедеятельности общества. Данные составы предусмотрены ст. 9.19, ч. 1 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.5, ст. 19.6, 19.7, 17.7, 17.9, ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

Вторая группа включает правонарушения, характерные только для деятельности уголовно-исполнительной системы, поэтому обозначим их как специальные. Сюда следует отнести два состава: «Неповиновение законному распоряжению сотрудника... органа или учреждения уголовно-исполнительной системы» (ч. 2 ст. 19.3 КоАП РФ) и «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах или изоляторах временного содержания» (ст. 19.1 КоАП РФ).

При совершении правонарушений, входящих в первую группу, сотрудники ИУ имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях, применять соответствующие меры обеспечения. По существу дела рассматривают судьи. Следовательно, в данном случае сотрудники принимают участие только в первой стадии производства – возбуждении дела.

Как уже было отмечено, для решения поставленных административным законодательством задач сотрудники ИУ при выявлении административных правонарушений могут применять меры обеспечения производства, а именно доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, изъятие вещей и документов, привод (ст. 27.1 КоАП РФ).

Часть 2 ст. 27.3 КоАП РФ закрепляет положение, согласно которому конкретный перечень лиц, уполномоченных осуществлять административное задержание, установ-

ливается соответствующим федеральным органом власти. Применительно к УИС таковой в настоящее время отсутствует. В связи с этим полагаем возможным внести соответствующие дополнения в приказ ФСИН России № 246. Подобный опыт объединения в одном ведомственном акте перечня должностных лиц, правомочных и составлять протокол, и осуществлять административное задержание, уже реализован в ряде органов исполнительной власти⁴.

В случае когда имеют место правонарушения второй группы, сотрудники ИУ помимо составления протокола и применения мер обеспечения производства уполномочены участвовать во второй стадии производства. Данной функцией наделены начальники органов и учреждений УИС (ч. 1 ст. 23.4 КоАП РФ).

При этом важно указать, что практика рассмотрения дел по ст. 19.12 КоАП РФ начальниками ИУ отсутствует. Причиной является то, что законодатель предусмотрел данное полномочие применительно к административным правонарушениям, предметами которых являются вещи, изъятые из оборота. Но в реальности приходится работать с вещами, не изъятыми из оборота, но запрещенными к передаче осужденным, что уже предполагает передачу материалов дела на рассмотрение мировому судье. Кроме того, передача изъятых из оборота предметов зачастую образует состав более общественно опасного правонарушения – преступления (например, ст. 222, 228.1, 228.2, 234 УК РФ). Указанное приводит к тому, что предоставленное начальникам учреждений УИС право на рассмотрение административных правонарушений становится нереализуемым.

Критического осмысления заслуживает и ч. 2 ст. 23.4 КоАП РФ, закрепляющая перечень должностных лиц, имеющих право от имени органов и учреждений УИС рассматривать дела об административных правонарушениях. К таковым законодатель относит начальников арестных домов, исправительных учреждений, следственных изоляторов и изоляторов временного содержания.

Однако изоляторы временного содержания входят в структуру МВД, ФСБ России и не являются частью уголовно-исполнительной системы. Следовательно, компетенцию их начальников по рассмотрению соответствующих административных правонарушений необходимо исключить из ст. 23.4 КоАП РФ.

Виды учреждений, исполняющих наказание, определены в ст. 16 УИК РФ. К ним относятся: уголовно-исполнительные инспекции, арестные дома, исправительные центры, воспитательные колонии, колонии-поселения, лечебные исправительные учреждения, исправительные колонии, тюрьмы, следственные изоляторы. В ст. 23.4 КоАП РФ неполностью и неточно обозначены данные учреждения и не упоминаются начальники органов УИС. Для того чтобы не загромождать наименованиями учреждений УИС текст статьи, видится возможным ограничиться формулировкой «начальники органов и учреждений УИС».

Также в результате анализа диспозиции ст. 19.12 КоАП РФ становится очевидной необходимость закрепления перечня предметов, веществ и продуктов питания, приобретение, хранение, использование которых запрещено осужденным на уровне закона (в настоящее время данный перечень определяется ведомственным правовым актом). Мы разделяем точку зрения В.А. Поникарова о целесообразности закрепления данного перечня в федеральном законе, например в действующем УИК РФ, в виде приложения⁵.

Таким образом, ИУ наделены полномочиями непосредственно осуществлять процессуальные действия в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Производству по делам об административных правонарушениях в исправительных учреждениях присущи общие черты производства по делам об административных правонарушениях как одному из видов следственного, однако оно наделено и специфическими чертами. К особенностям реализации данного производства можно отнести следующее:

1. Административно-правовые нормы, регламентирующие производство по делам об административных правонарушениях, содержатся не только в КоАП РФ, но и в УИК РФ, а также в ведомственных правовых актах (приказах Минюста и ФСИН России).

2. Специальными составами в сфере деятельности уголовно-исполнительной системы, по которым может быть возбуждено дело об административном правонарушении, являются составы, предусмотренные ч. 2 ст. 19.3 и ст. 19.12 КоАП РФ.

3. Лицами, в отношении которых осуществляется производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 19.3 или ст. 19.12 КоАП РФ, могут быть физические лица, достигшие на

момент совершения административного правонарушения 16 лет и вменяемые (общий субъект), за исключением осужденных, подозреваемых и обвиняемых, находящихся в СИЗО.

4. Субъектами, наделенными властными полномочиями по осуществлению соответствующих процессуальных действий в рамках производства, в частности мер

обеспечения производства, выступают сотрудники учреждений; рассматривать дела об административных правонарушениях от имени ИУ вправе начальники учреждений.

В целом требуется дальнейшая работа по совершенствованию правовой и методической основы производства по делам об административных правонарушениях в уголовно-исполнительной системе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

² См., напр.: Приказ Минюста России от 06.10.2006 г. № 311 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 44; Приказ Минюста России от 03.11.2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Там же. 2005. № 47; Приказ Минюста России от 14.10.2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» // Там же. № 46.

³ См.: Российская газета. 2009. 14 авг.

⁴ См., напр.: Приказ МВД России от 05.05.2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 36.

⁵ См.: Поникаров В.А. Основы административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе (организационно-правовые аспекты): Моногр. М., 2007. С. 231–232.

¹ См.: SZ RF. 2002. № 1 (Ch. 1). St. 1.

² См., напр.: Prikaz Minjusta Rossii ot 06.10.2006 g. № 311 «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego raspordadka vospitateľnyh kolonij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy» // Bjuľleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2006. № 44; Prikaz Minjusta Rossii ot 03.11.2005 g. № 205 «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego raspordadka ispravitel'nyh uchrezhdenij» // Tam zhe. 2005. № 47; Prikaz Minjusta Rossii ot 14.10.2005 g. № 189 «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego raspordadka sledstvennyh izoljatorov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy» // Tam zhe. № 46.

³ См.: Rossijskaja gazeta. 2009. 14 avg.

⁴ См., напр.: Prikaz MVD Rossii ot 05.05.2012 g. № 403 «O polnomochijah dolzhnostnyh lic sistemy MVD Rossii po sostavleniju protokolov ob administrativnyh pravonarushenijah i administrativnomu zaderzhaniju» // Bjuľleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2012. № 36.

⁵ См.: Poniarov V.A. Osnovy administrativno-jurisdikcionnoj dejatel'nosti v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme (organizacionno-pravovye aspekty): Monogr. M., 2007. S. 231–232.

Административно-правовое положение и понятие служащего государственной правоохранительной службы

Р.В. НАГОРНЫХ – директор Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена проблеме определения административно-правового положения и понятия служащего государственной правоохранительной службы. По мнению автора, правовое положение служащих государственной правоохранительной службы выступает неотъемлемой составляющей характеристики содержания самой государственной правоохранительной службы.

Ключевые слова: административно-правовое положение; государственный служащий; правоохранительная служба.

The administrative and legal status of a government official of the law enforcement agency

R.V. NAGORNYCH – the director of the North-West Institute of the Moscow State University of Law, Cand. Sc. (Law), an associate professor

The article deals with such definitions as an administrative and legal status and a government official of the law enforcement agency. In author's judgment the status of the government officials acts as integral part of the law enforcement agency as such.

Key words: administrative and legal status; government official; law enforcement agency.

Одним из важнейших направлений административно-правового регулирования государственной правоохранительной службы является закрепление основ правового положения ее служащих.

Категория «правовое положение служащих государственной правоохранительной службы» выступает неотъемлемой составляющей характеристики содержания самой государственной правоохранительной службы. Не только цели и задачи правоохранительной деятельности, формы и методы работы правоохранительных органов, но и субъектный состав, особенности правового положения служащих государственной правоохранительной службы определяют специфику последней.

На место категории «правовое положение государственных служащих» в содержании института государственной службы прямо указывает один из ведущих административистов Ю.Н. Стариков. По его мнению, «правовой статус (правовое положение) государственных служащих – это содержание (сущность) государственно-служебных отношений», «каждый государственный служащий имеет определенный нормативными

правовыми актами Российской Федерации и ее субъектов правовой статус, который является центральным элементом правового института государственной службы, поскольку все остальные элементы призваны "обслуживать" функционирование государственной службы и служащих (кадрового персонала)», «другие элементы правового института государственной службы конкретизируют, уточняют правовой статус государственных служащих и позволяют в полной мере реализовать его потенциал»¹.

На сегодняшний день в законодательстве не содержится определения субъекта государственной правоохранительной службы – ее служащего. Более того, нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения, связанные с прохождением правоохранительной службы, а также с определением правового положения ее субъектов, вместо термина «государственный служащий» используют термин «сотрудник».

Так, согласно указу Президента Российской Федерации «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств» сотрудниками ор-

ганов наркоконтроля являются граждане, проходящие службу в органах наркоконтроля, которым присвоены специальные звания². В соответствии со ст. 10 закона «О службе в органах внутренних дел» сотрудник органов внутренних дел – это гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава³. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 114-ФЗ (в ред. от 06.12.2011 г.) «О службе в таможенных органах Российской Федерации»⁴, используя термин «сотрудник таможенного органа», вместе с тем соответствующего понятия не раскрывает.

В этой связи следует согласиться с учеными, которые указывают на не соответствующий современным тенденциям правового регулирования характер применяемого в действующем законодательстве о правоохранительной службе термина «сотрудник»⁵. Ведь закон «О системе государственной службы Российской Федерации» использует сочетание «государственный служащий», разграничивая понятия «федеральный государственный служащий» и «государственный гражданский служащий субъекта Российской Федерации»⁶.

В юридической литературе также отсутствует единство подхода к определению понятия «служащий правоохранительной службы». В учебнике «Административное право России. Общая часть» под редакцией С.А. Старостина предлагается следующее доктринальное определение: «Служащим правоохранительной службы является гражданин Российской Федерации, добровольно взявший на себя обязательства по осуществлению профессиональной служебной деятельности на должностях правоохранительной службы в правоохранительных или иных органах, службах и учреждениях в соответствии с правовым актом о назначении на должность, контрактом и принесением присяги, соответствующий дополнительным требованиям по состоянию здоровья и социальным критериям, имеющий специальное звание или классный чин и получающий денежное содержание и иные виды материально-технического обеспечения за счет средств федерального бюджета»⁷.

В проекте федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации»⁸ используется термин «сотрудники

правоохранительной службы» в значении «граждане Российской Федерации, состоящие на должностях правоохранительной службы в федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрена правоохранительная служба, их территориальных органах и организациях (в том числе курсанты и слушатели) и заключившие контракт о службе (учебе), которым присвоены специальные звания, а также находящиеся за штатом соответствующего федерального правоохранительного органа, его территориального органа или организации, в распоряжении соответствующего федерального правоохранительного органа, его территориального органа или организации, прикомандированные к органам государственной власти и организациям».

Анализ законодательства о государственной службе позволяет нам, прежде чем сформулировать определение понятия «служащий государственной правоохранительной службы», обозначить ряд его основных аспектов.

Во-первых, служащими государственной правоохранительной службы могут быть только граждане Российской Федерации. Государственная служебная деятельность иностранных граждан и лиц без гражданства не допускается. В отличие от законодательства о государственной гражданской службе⁹, каких-либо исключений для иностранных граждан в этом плане законодательство о государственной правоохранительной службе не содержит.

Во-вторых, служащие правоохранительной службы имеют статус федеральных государственных служащих. Это следует из нормы ст. 7 закона «О системе государственной службы Российской Федерации», в которой закреплено, что правоохранительная служба представляет собой вид федеральной государственной службы¹⁰. В корреспонденции со ст. 10 этого же закона под федеральным государственным служащим понимается «гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должностях федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета». Нанимателем федерального государственного служащего является Российская Федерация.

В-третьих, служащие правоохранительной службы занимают исключительно должности государственной правоохранительной службы, перечень которых определен

законодательством, и профессионально реализуют возложенные на них конкретной должностью права и обязанности. Хотелось бы подчеркнуть, что этот аспект является особенно важным для характеристики понятия «служащий правоохранительной службы». Именно правовой статус государственной должности есть необходимая составляющая правового положения служащего правоохранительной службы.

В-четвертых, служебная деятельность такого рода специальных субъектов осуществляется в государственных органах, службах и учреждениях, выполняющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина. В этой связи в юридической литературе государственных служащих правоохранительной службы относят к категории милитаризованных государственных служащих¹¹.

В-пятых, служащим правоохранительной службы присваиваются специальные квалификационные разряды – специальные звания и классные чины.

В-шестых, служащим правоохранительной службы выплачивается денежное довольствие за счет средств федерального бюджета.

Таким образом, служащим государственной правоохранительной службы можно считать имеющего специальное звание (или классный чин) гражданина Российской Федерации, профессионально реализующего права и обязанности, возложенные на него должностью государственной правоохранительной службы, в государственных органах, службах и учреждениях, выполняющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина, и получающего денежное довольствие за счет средств федерального бюджета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стариков Ю.Н. Служебное право: Учеб. М., 1996. С. 318–319.

² См.: Указ Президента РФ от 05.06.2003 г. № 613 «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» // СЗ РФ. 2003. № 23. Ст. 2197.

³ См.: Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Там же. 2011. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020.

⁴ См.: Там же. 1997. № 30. Ст. 3586.

⁵ См.: Сванидзе Г.К. Административно-правовой статус служащих таможенных органов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 70.

⁶ См.: Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

⁷ Административное право России. Общая часть: Учеб. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Старостина. М., 2010. С. 117–118.

⁸ См.: <http://www.mirt-d.ru/pravoohran.html>

⁹ См. подр.: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (п. 7 ч. 1 ст. 16) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

¹⁰ См.: Там же. 2003. № 22. Ст. 2063.

¹¹ См., напр.: Бахрах Д.Н. Административное право России: Учеб. для вузов. М., 2002. С. 230; Анисимов А.Л. Особенности регулирования труда сотрудников органов внутренних дел // Трудовое право. 2009. № 1. С. 98.

¹ Starikov Ju.N. Sluzhebnoe pravo: Ucheb. M., 1996. S. 318–319.

² Sm.: Ukaz Prezidenta RF ot 05.06.2003 g. № 613 «O pravoohranitel'noj sluzhbe v organah po kontrolju za oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshhestv» // SZ RF. 2003. № 23. St. 2197.

³ Sm.: Federal'nyj zakon ot 30.11.2011 g. № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnese-nii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Tam zhe. 2011. № 49 (Ch. 1). St. 7020.

⁴ Sm.: Tam zhe. 1997. № 30. St. 3586.

⁵ Sm.: Svanidze G.K. Administrativno-pravovoj status sluzhashchih tamozhennyh organov: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. S. 70. ⁶ Sm.: Federal'nyj zakon ot 27.05.2003 g. № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2003. № 22. St. 2063.

⁷ Administrativnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': Ucheb. / Pod red. d-ra jurid. nauk, prof. S.A. Starostina. M., 2010. S. 117–118.

⁸ Sm.: <http://www.mirt-d.ru/pravoohran.html>

⁹ Sm. podr.: Federal'nyj zakon ot 27.07.2004 g. № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» (p. 7 ch. 1 st. 16) // SZ RF. 2004. № 31. St. 3215.

¹⁰ Sm.: Tam zhe. 2003. № 22. St. 2063.

¹¹ Sm., napr.: Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii: Ucheb. dlja vuzov. M., 2002. S. 230; Anisimov A.L. Osobennosti regulirovaniya truda sotrudnikov organov vnutrennih del // Trudovoe pravo. 2009. № 1. S. 98.

Право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в свете изменений действующего уголовно-процессуального законодательства России

Н.В. СОФИЙЧУК – заместитель директора по научной работе Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается вопрос о возможности и эффективности реализации права каждого осужденного за преступление на пересмотр судебного решения вышестоящим судом в связи с введением в УПК РФ института апелляционного обжалования всех решений, вынесенных судом первой инстанции. Автор анализирует мнения ученых, имеющуюся статистику апелляционного пересмотра судебных решений в Российской Федерации, вносит предложения по совершенствованию данного института в целях обеспечения возможности эффективной реализации рассматриваемого права.

Ключевые слова: право осужденного за преступление на пересмотр судебного решения вышестоящим судом; апелляция; институт апелляционного обжалования; пересмотр судебных решений вышестоящей инстанцией; суд второй инстанции; свобода апелляционного обжалования.

Convict's right of appeal and judgment revision according to the changes in the current Criminal Legislation of Russia

N.V. SOFIJCHUK – the deputy director of the North-West Institute of the Moscow State University of Law, Cand. Sc. (Law), an associate professor

The author considers how every convict can efficiently exercise his right for the revision of the judgment within the Institution of Statutory Appeal of all judgments delivered by the court of first instance. She reviews scientists' opinions, available statistics of judgment revision in RF, makes the proposals on the development of this institution.

Key words: right of the convict; appeal; revision of judgment; higher authorities; court of appellate jurisdiction; freedom of statutory appeal.

С 1 января 2013 г. вступили в силу изменения в УПК РФ, касающиеся пересмотра судебных решений по уголовным делам судом второй инстанции. В п. 53.1 ст. 5 УПК РФ законодатель четко определил, что в настоящее время судом второй инстанции является суд апелляционной инстанции. Как этот факт может повлиять на эффективность реализации права каждого осужденного за преступление на пересмотр судебного решения вышестоящим судом в настоящее время – вопрос не риторический, а лежащий в плоскости правоприменения.

Следует отметить, что в России право на апелляционное обжалование судебных решений предоставлялось участникам уголовного судопроизводства вплоть до конца 1917 г., когда Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» апелляция была упразднена¹. До 2000 г. уголовному судопроизводству России была известна лишь

одна форма судебного разбирательства в суде второй инстанции – кассационное производство. Позднее, с введением Федеральным законом от 07.08.2000 г. № 119-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» должностей мировых судей, апелляционный порядок пересмотра уголовного дела был восстановлен. Введенный в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ в ч. 2 ст. 354 закрепил право апелляционного обжалования не вступивших в законную силу решений мировых судей. Так, с 2002 г. в уголовном процессе России существовали обе формы судебного разбирательства в суде второй инстанции – и кассация, и апелляция. Они решали идентичные задачи, обладая при этом различными концептуальными подходами к их решению. Апелляция применялась к решениям мировых судей, а для решений федеральных судов существовала кассационная форма их обжалования².

Таким образом, еще не так давно была реальностью ситуация, при которой для защиты прав участников по уголовным делам небольшой и средней тяжести предусматривались более надежные гарантии, нежели для участников уголовного процесса по наиболее сложным уголовным делам. В этой связи Л.Б. Алексеева отмечает, что в России сложилась парадоксальная ситуация, в силу которой «приговор мирового судьи, которым не может быть назначено наказание свыше трех лет лишения свободы, может быть пересмотрен в апелляционном порядке, в кассационном порядке и три раза в порядке надзора. Приговор же суда субъекта Российской Федерации, которым может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, может быть пересмотрен в кассационном порядке и один раз в порядке надзора»³. Безусловно, имело место нарушение равенства граждан перед законом.

Такая система судопроизводства по уголовным делам критиковалась и научным сообществом России, и экспертами Европейского суда по правам человека⁴. Они отмечали, что суд без возможности пересмотра дела не может быть эффективным инструментом защиты прав граждан. С этим соглашались и отечественные ученые, когда говорили, что «наша кассация» действительно не отвечает требованию Конституции, в соответствии с которым каждый осужденный имеет право на пересмотр своего дела вышестоящим судом. Однако как раз пересмотреть дело не получалось. Во-первых, потому что кассационная инстанция не оценивала доказательства по делу и не вдавалась в рассмотрение его фактической стороны, а ограничивалась лишь проверкой решения суда по письменным материалам дела, без проведения следственных действий. Во-вторых, для решений Верховного Суда Российской Федерации, вынесенных по первой инстанции, пересмотр дела в суде второй инстанции осуществлялся не вышестоящим судом, что породило исключение из правила, закрепленного Конституцией Российской Федерации.

В настоящее время право обвиняемого на пересмотр его дела вышестоящей судебной инстанцией полностью реализовано в действующем УПК РФ возможностью обжалования приговора, не вступившего в законную силу, в апелляционном порядке. Эффективность такой системы проверена практикой многих государств, где апелляция как правовой институт складывалась в течение долгого времени. Например, в Ан-

гли единственным способом оспаривания и проверки любых судебных актов является апелляция, причем допускается повторное апелляционное обжалование одного и того же решения⁵.

В России новая форма рассмотрения уголовных дел начала функционировать с 1 января 2013 г. в порядке гл. 45.1 УПК РФ. Так, в нашей стране в первом полугодии 2013 г. судами первой инстанции всего было рассмотрено 477 697 уголовных дел и 185 556 апелляционных уголовных дел, что составляет примерно 40% от общего числа уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции⁶. Еще рано давать какие-либо оценки эффективности реализации права обвиняемых на пересмотр судебных решений, вынесенных судом первой инстанции, в новом формате, но следует отметить, что таким правом воспользовались участники почти половины уголовных дел, оконченных производством.

Сегодня апелляция в уголовном судопроизводстве – единственная форма пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу. Она претерпела существенную трансформацию в процедурном урегулировании. В то время как кассационная инстанция стала «исключительным» судом, что вызывает определенную критику в научном сообществе. Некоторые ученые не согласны с позицией законодателя и считают, что на стадии суда второй инстанции должны быть сохранены две формы пересмотра уголовного дела – и апелляция, и кассация. Перевод кассации в разряд экстраординарных форм с 2013 г. они называют крайне неудачным решением законодателя, ущемляющим права участников⁷.

Позволим себе не согласиться с данным мнением и высказать ряд собственных соображений на этот счет.

Во-первых, отметим, что право на пересмотр судебного решения вышестоящим судом является одной из важнейших гарантий прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве. Оно закреплено в ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации и полностью соответствует международным правовым актам⁸. Конституционно-правовой принцип права на пересмотр судебных решений находит свое закрепление и дальнейшее развитие в нормах российского уголовно-процессуального законодательства. Статья 19 УПК РФ закрепляет право участников на обжалование действий (бездействий) и решений суда, прокурора, следователя, органа дознания и

право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом в качестве принципа уголовного судопроизводства.

Содержание гл. 45.1 УПК РФ позволяет констатировать абсолютный характер рассматриваемого нами права: оно не может быть ограничено ни по кругу лиц, ни по видам судебных приговоров, подлежащих пересмотру, ни по иным обстоятельствам. Уголовно-процессуальный закон наделяет правом апелляционного обжалования широкий круг участников судопроизводства, каждый из которых может обжаловать любые судебные решения, как итоговые, так и промежуточные; обжаловать как законность, так справедливость и обоснованность судебного решения в части, определяемой самим участником; подать жалобу на его родном языке или на другом языке, которым он владеет; дополнить, изменить, отозвать поданную жалобу (представление); подать жалобу (представление) без уплаты государственной пошлины.

Таким образом, в полной мере можно говорить о свободе апелляционного обжалования, что является одним из проявлений общего конституционного положения о праве граждан обжаловать действия государственных органов и должностных лиц (ст. 46 Конституции Российской Федерации). Кроме того, в отличие от кассационного и надзорного производства, в суде второй инстанции (апелляции) действует деволутивный порядок обжалования, при котором жалоба (представление) является достаточным поводом к возбуждению апелляционного производства и подлежит обязательному рассмотрению. Это важный тезис, поскольку в нем в полной мере отражается возможность граждан воспользоваться данным правом, когда его реализация не зависит от каких-либо обстоятельств (не нужно дожидаться вступления в силу решения суда) или воли каких-либо должностных лиц, а значит, эффективность реализации данного конституционного права граждан существенно возрастает.

Вместе с тем нельзя забывать, что реализация права на пересмотр судебного решения вышестоящим судом предполагает целостность нескольких составляющих компонентов, которые необходимо исследовать в комплексе: это право на обращение в суд, рассмотрение дела тем судом, к компетенции которого оно относится, право на устранение судебной ошибки, на исполнение судебного акта. Однако это тема для отдельного исследования.

Во-вторых, следует отметить, что до настоящего времени доктрина уголовного

процесса России не выработала концептуального понятия «стадии суда второй инстанции». Отсюда и результаты реформы суда второй инстанции кажутся неубедительными с точки зрения реализации обвиняемым (осужденным) права на пересмотр судебного решения вышестоящей инстанцией. Дело в том, что современное определение (п. 53.1 ст. 5 УПК РФ) не объясняет смысл стадии, а просто называет ее форму – апелляционная инстанция. В этой связи полагаем целесообразным выделить критерии, по которым уголовно-процессуальный закон Российской Федерации мог бы отличать форму суда второй инстанции от иных видов пересмотра судебных решений (например, в зависимости от оснований отмены или изменений решений суда).

На наш взгляд, под стадией суда второй инстанции следует понимать самостоятельную стадию уголовного процесса, в ходе которой в апелляционном суде осуществляется проверка законности, обоснованности и справедливости решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, путем нового судебного разбирательства с проведением следственных действий. Остальные формы обжалования решений должны применяться в исключительных случаях, например при наличии существенных нарушений уголовно-процессуального закона или неправильном применении закона.

Вводя определение стадии суда второй инстанции, закон не только четко определил бы судебную инстанцию для обращения при реализации права граждан в рамках ст. 50 Конституции Российской Федерации, но и очертил бы возможности реализации данного права в вышестоящей инстанции. Главное, в чем состоит суть предоставленного гражданам права на пересмотр судебного решения вышестоящим судом, – это возможность повторно использовать свои процессуальные права в том же объеме, без каких-либо исключений, поскольку идея суда второй инстанции состоит именно в повторном исследовании доказательств, это так называемый повторный суд первой инстанции.

В-третьих, еще одной важной составляющей проблемы реализации права обвиняемого на пересмотр судебного решения вышестоящей инстанцией является множественность иных судебных инстанций – кассационная, надзорная инстанции, пересмотр дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. С одной стороны, нет ничего плохого в том, что гражданину предоставлены иные возможности и формы для

защиты своих нарушенных прав, но с другой стороны, у каждого дела, в зависимости от того, каким судом оно было рассмотрено в первой инстанции, образуется собственная «пирамида» из контролирурующих инстанций. Решение о том, что стадия суда второй инстанции должна быть организована в специальном звене судебной системы, – это вопрос дальнейших законодательных перспектив. Ученые высказывают мнение о недопустимости возложения функций суда второй инстанции на суды первой инстанции⁹. Они считают это организационно недопустимым, так как такая нагрузка на суды объективно влечет снижение качества их деятельности, увеличение судебных ошибок.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что процесс реформирования стадии суда

второй инстанции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации еще далек от завершения. Возросшая активность субъектов процессуальных отношений, осваивающих ранее не используемые способы защиты своих прав, вплоть до обращения в Европейский суд по правам человека, свидетельствует о потребности в более четкой законодательной разработке данного направления. Даже с учетом имеющихся отдельных положительных новелл в законодательстве на сегодняшний день не прослеживается четко выстроенной системы пересмотра судебных решений, а значит, преждевременно говорить об эффективной реализации права обвиняемого (осужденного) на пересмотр решений вышестоящим судом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 24 нояб.

² Под апелляцией (от лат. *appellatio* – обращение, воззвание) понимался пересмотр, как правило, вышестоящей судебной инстанцией уголовных дел по существу как по юридическим, так и по фактическим основаниям, но в пределах жалоб, поданных сторонами. Кассация (от фр. *casser* – сломать, уничтожить) – это пересмотр вышестоящей судебной инстанцией в пределах жалоб сторон не вступивших в законную силу решений нижестоящего суда лишь по юридическим основаниям (см., напр.: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 2004. С. 61; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Ч. 2; Сидорова Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. Томск, 2006. С. 13, 16; Червоткин А.С. Апелляция и кассация: Пособие для судей. М., 2010. С. 61–62).

³ Алексеева Л.Б. Некоторые проблемы пересмотра судебных решений // *Lex Russica*. 2010. № 3. С. 432.

⁴ См.: Гуськова А.П. Избр. тр. Оренбург, 2008. С. 65; Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 59.; Интернет-конференция Совета Европы и Европейского суда по правам человека «Европейские стандарты защиты прав человека. Обеспечение доступа в Российской Федерации» (Москва, 12 февраля 2002 г.). www.espch.ru; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». www.espch.ru

⁵ См.: Кузовков И.А. Теоретические проблемы апелляционного производства в судах Англии и Уэльса: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16.

⁶ См.: Основные показатели деятельности судов общей юрисдикции за I полугодие 2013 г. www.mos-gorsud.ru/news/?id=697

⁷ См., напр.: Тенденции развития современного права: Материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. (3 октября 2012 г.). Новосибирск, 2012. С. 39.

⁸ См., напр.: Протокол от 22.11.1984 г. № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (т. 2); Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995 г. (п. 2 ст. 7); Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. (п. 2 ст. 34).

⁹ См., напр.: Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 18; Усольцев Ю.М. Реформа стадии суда второй инстанции в уголовном процессе России // Тенденции развития современного права. С. 52.

¹ См.: Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 24 нояб.

² Под апелляцией (от лат. *appellatio* – обращение, воззвание) понимался пересмотр, как правило, вышестоящей судебной инстанцией уголовных дел по существу как по юридическим, так и по фактическим основаниям, но в пределах жалоб, поданных сторонами. Кассация (от фр. *casser* – сломать, уничтожить) – это пересмотр вышестоящей судебной инстанцией в пределах жалоб сторон не вступивших в законную силу решений нижестоящего суда лишь по юридическим основаниям (см., напр.: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 2004. С. 61; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Ч. 2; Сидорова Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. Томск, 2006. С. 13, 16; Червоткин А.С. Апелляция и кассация: Пособие для судей. М., 2010. С. 61–62).

³ Алексеева Л.Б. Некоторые проблемы пересмотра судебных решений // *Lex Russica*. 2010. № 3. С. 432.

⁴ См.: Гуськова А.П. Избр. тр. Оренбург, 2008. С. 65; Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 59.; Интернет-конференция Совета Европы и Европейского суда по правам человека «Европейские стандарты защиты прав человека. Обеспечение доступа в Российской Федерации» (Москва, 12 февраля 2002 г.). www.espch.ru; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». www.espch.ru

⁵ См.: Кузовков И.А. Теоретические проблемы апелляционного производства в судах Англии и Уэльса: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16.

⁶ См.: Основные показатели деятельности судов общей юрисдикции за I полугодие 2013 г. www.mos-gorsud.ru/news/?id=697

⁷ См., напр.: Тенденции развития современного права: Материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. (3 октября 2012 г.). Новосибирск, 2012. С. 39.

⁸ См., напр.: Протокол от 22.11.1984 г. № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (т. 2); Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995 г. (п. 2 ст. 7); Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. (п. 2 ст. 34).

⁹ См., напр.: Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 18; Усольцев Ю.М. Реформа стадии суда второй инстанции в уголовном процессе России // Тенденции развития современного права. С. 52.

Правоохранительная и правозащитная функции Конституционного Суда Российской Федерации

Н.В. МОТОРОВА – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье дается сравнительный научный анализ правоохранительной и правозащитной функций органа конституционного правосудия России. С теоретических позиций рассматриваются основные особенности обозначенных направлений деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, выясняются различия в их содержании. В подтверждение выводов автора приводятся статистические данные. Затронутые в статье вопросы представляют научный и практический интерес.

Ключевые слова: функции органа государственной власти; полномочия органа государственной власти; конституционный контроль; защита прав и свобод граждан; охрана прав и свобод граждан.

Law enforcement and advocacy function of the Constitutional Court of the Russian Federation

N.V. MOTOROVA – a lecturer of the administrative and legal disciplines chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the comparative and scientific analysis of law enforcement and advocacy function of the constitutional justice body of Russia. The main features of those areas in the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation based on theory are considered in the article, the difference in their content is also determined.

Key words: a function of the state body; the authorities of the state body; constitutional control; protection of the rights and freedoms of citizens; safety of the rights and freedoms of citizens.

В настоящее время защита прав человека и гражданина по-прежнему остается весьма актуальной темой. Огромную роль в ее обеспечении играет судебная власть. Функция судебной защиты прав и свобод человека и гражданина естественным образом вытекает из места и роли судебной власти в обществе: последняя призвана разрешать разнообразные социальные конфликты, возникающие в правовой сфере и живо затрагивающие интересы людей. Учреждение публичной властью особых органов для охраны имущественных, личных и иных прав граждан обусловлено ее заинтересованностью в стабильности общественных отношений, в немалой степени зависящей от правовой защищенности членов общества¹.

Весомый вклад в обеспечение реализации конституционных прав и свобод граждан вносит Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляющий правоохранительную и правозащитную деятельность посредством конституционного контроля. Рассматривая обращения граждан, иных субъектов, он исключает из правового поля

нормы, искажающие смысл конституционных прав и свобод и препятствующие их осуществлению. При этом иные проявления деятельности суда также прямо или косвенно направлены на защиту прав и свобод личности. Охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, являющиеся самостоятельными направлениями деятельности всех органов государственной власти, присутствуют и в числе функций Конституционного Суда Российской Федерации. Подчеркнем, что в научной литературе функции органа государственной власти определяются именно как основные направления его деятельности².

Функции органа конституционного правосудия представляют собой основные направления деятельности конституционных судов, преследующих достижение цели и выполнение задач конституционного правосудия. Функции конституционных судов реализуются через их полномочия, закрепленные в законодательстве, и называются юрисдикционными или компетенционными. По значимости и распространенности их можно подразделить на основные (тол-

кование конституции, конституционный контроль, защита прав и свобод человека и гражданина, разрешение споров о компетенции) и дополнительные (содействие законотворчеству, реализация конституционной ответственности, дача экспертных заключений по конституционным вопросам, осуществление учредительно-регистрационных актов по вопросам конституционного значения)³. Таким образом, защита прав и свобод граждан исследователями определяется как одна из основных функций конституционных судов, в то время как охрана прав граждан, как правило, не упоминается в качестве самостоятельного направления деятельности этих органов.

На практике в процессе функционирования большинства органов государственной власти охрана и защита прав граждан существуют в неразрывной связи. Безусловно, реализуются они и органами конституционного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации, принимая к производству дела в порядке конкретного нормоконтроля в связи с применением оспариваемой нормы в отношении определенного лица, никак не ограничен целью защиты конституционных прав только этого субъекта, как это предусмотрено, к примеру, в гражданском судопроизводстве, где решение может касаться только участвующих в деле лиц. Последствия решений, принятых в порядке судебного конституционного контроля, значительно шире по объему затрагиваемых общественных отношений⁴. Путем принятия решения по конкретному делу орган конституционного правосудия не только защищает нарушенное конституционное право или решает иной конституционно-правовой спор, но и выполняет превентивную функцию, суть которой составляет предупреждение правонарушений в будущем. Конституционный Суд Российской Федерации посредством правовых позиций, сформулированных в решениях, предостерегает и законодателей, и правоприменителей от будущих ошибок, обозначая конституционно-правовую трактовку положений нормативных правовых актов или практики их применения. Поэтому очевидным является тот факт, что наряду с правозащитной деятельностью Конституционным Судом Российской Федерации осуществляется и правоохранительная.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 125) Конституционный Суд Российской Федерации:

1. Разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации:

а) федеральных законов, нормативных актов Президента, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации;

б) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

в) договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

г) не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

2. Разрешает споры о компетенции:

а) между федеральными органами государственной власти;

б) органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

в) высшими государственными органами субъектов Российской Федерации.

3. По жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле.

4. Дает толкование Конституции Российской Федерации.

5. Дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления.

К закрепленным в Основном законе полномочиям органа конституционного контроля согласно законодательству также относятся:

1. Право выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения⁵.

2. Право осуществлять проверку соответствия Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума⁶.

3. Право участвовать в процедурах принятия в состав Российской Федерации нового субъекта, проверяя заключенный при этом договор на соответствие Конституции Российской Федерации⁷.

Через закрепленные в Конституции Российской Федерации и национальном за-

конодательстве полномочия Конституционного Суда Российской Федерации реализуются основные юрисдикционные функции органа конституционного правосудия, а именно: собственно конституционный контроль, то есть проверка на соответствие Основному закону различных нормативных правовых актов, защита прав и свобод человека, толкование Конституции, разрешение споров о компетенции. С основными функциями тесно связаны функции дополнительные: содействие законотворчеству, осуществление экспертных заключений и учредительно-регистрационных актов по вопросам конституционного значения⁸.

Основной функцией Конституционного Суда Российской Федерации является функция конституционного контроля – самостоятельное направление государственно-властной деятельности.

В юридической литературе даются различные определения понятия конституционного контроля. Так, М.А. Нудель характеризует его как проверку законов с точки зрения их соответствия Конституции⁹. Д.Л. Златопольский усматривает в конституционном контроле проверку соблюдения конституции и конституционных законов, а также соответствия всех других актов высших органов государства Конституции¹⁰. Немецкий ученый А. Бланкенагель определяет конституционный контроль как деятельность, заключающуюся в ограничении власти и разрешении конфликтов¹¹. Н.В. Витрук под конституционным контролем подразумевает специфическую функцию компетентных органов публичной власти по обеспечению верховенства Конституции в системе нормативных актов, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений на всей территории государства¹².

Рассмотренные трактовки, отражая сущность конституционного контроля, не определяют его места в деятельности государства. Думается, более точным и четким определением является следующее: конституционный контроль – это особый вид правоохранительной деятельности в государстве, заключающийся в проверке соответствия законов и иных нормативных актов конституции данной страны независимыми от законодательной и исполнительной власти судебными или специальными контрольными органами по обращениям уполномоченных на то лиц или по инициативе самого контролирующего органа¹³.

Конституционный контроль является основной функцией Конституционного Суда

Российской Федерации, посредством его орган конституционного правосудия реализует иные направления своей деятельности, в том числе защиту и охрану прав и свобод граждан.

Охрана и защита прав и свобод человека и гражданина – преобладающее направление деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что рассмотрение обращений граждан и их объединений занимает в практике деятельности органа конституционного контроля ведущее место. В подтверждение этого можно привести статистические данные о количестве обращений, ежегодно поступающих в суд, и, соответственно, вынесенных решений Конституционного Суда Российской Федерации. Эти показатели свидетельствуют о том, какую огромную работу прделывает орган конституционного правосудия по охране и защите прав и свобод граждан.

Охрана и защита прав и свобод граждан в большинстве исследований рассматривается как единое направление деятельности различных органов государственной власти, в том числе и Конституционного Суда Российской Федерации. Так, Н.В. Витрук отмечает, что в научной литературе понятия и термины правовой охраны и правовой защиты, правоохранительной и правозащитной деятельности чаще всего представляют собой синонимы, взаимозаменяющие друг друга¹⁴.

В то же время многие исследователи проводят границу между правовой охраной и правовой защитой¹⁵. Например, С. Сабиенов считает, что понятие охраны в юридическом смысле – это позитивное, статичное состояние норм права, направленных непосредственно на ограждение осуществления субъективных прав и законных интересов граждан от возможных нарушений. При этом охрана прав и интересов граждан реализуется вне конкретных правоотношений, тогда как защита уже нарушенных прав всегда происходит в рамках конкретных деликтных правоотношений, возникновение которых нежелательно с точки зрения интересов как человека, так и государства. Данный автор выделяет и другие отличительные признаки охраны права в сравнении с его защитой: 1) охрана прав осуществляется посредством как правовых, так и неправовых форм деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных организаций, защита реализуется только через правовые формы деятельности компетентных органов или уполномоченных

лиц; 2) меры охраны права могут быть сосредоточены в правовых и иных социальных нормах, защита права предполагает наличие и действие конкретных средств и способов, которые устанавливаются государством и закрепляются исключительно в нормах права¹⁶. Таким образом, С. Сабикенов под правовой охраной подразумевает нормативное закрепление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, а также гарантий их реализации, в то время как защита прав видится ему в качестве деятельности уполномоченных органов в рамках конкретных правоотношений.

Н.И. Матузов также отмечает, что охрана и защита субъективного права не есть одно и то же. Права человека охраняются постоянно, а защита осуществляется только тогда, когда имеет место их нарушение. Защита по сути является одним из элементов охраны, одной из ее форм¹⁷.

В.Н. Бутылин под охраной прав граждан понимает деятельность по профилактике и пресечению правонарушений, а защиту прав определяет как деятельность по восстановлению нарушенных прав и применению в необходимых случаях мер наказания за виновные правонарушения¹⁸.

Н.В. Витрук отмечает, что более верным является различие правовой охраны и правовой защиты по содержанию. Содержание правовой охраны, правоохранительной деятельности включает профилактику правонарушений, пресечение правонарушений, осуществление иных правообеспечительных мер при выявлении и определении состава правонарушений, установление правонарушителей в процессуальном порядке, закрепленном в законе, со стороны государства и его органов и должностных лиц. Содержание защиты права охватывает основания ее необходимости, цели ее осуществления, а также действия как носителя права (по использованию законных средств и форм (порядка) защиты), так и компетентных органов и должностных лиц, обязанных осуществлять защиту нарушенных прав, иных органов и объединений, других субъектов права, содействующих этому¹⁹.

Анализ представленных точек зрения позволяет выявить существенные характеристики, с опорой на которые можно выделить отличительные особенности таких видов публичной деятельности, как охрана и защита прав граждан. К данным характеристикам следует отнести: 1) момент возникновения (правовая охрана осуществляется непрерывно, правовая защита – только при нарушении); 2) содержание.

На основе приведенных теоретических выкладок возможно формулирование вывода о том, что охрана и защита прав граждан – два самостоятельных направления деятельности органа конституционного правосудия²⁰. В подтверждение этого можно привести ряд положений.

Во-первых, для охраны и защиты прав граждан Конституционным Судом Российской Федерации как видов публичной деятельности характерны различные моменты возникновения. Охрана прав граждан осуществляется Конституционным Судом Российской Федерации постоянно при рассмотрении большинства категорий дел по обращениям различных субъектов (как граждан и их объединений, так и, например, судебных органов, группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, представительных (законодательных) органов субъектов Федерации), а также при толковании Конституции Российской Федерации. Свидетельством этого выступают различные решения органа конституционного правосудия²¹.

Защита прав граждан реализуется судом посредством рассмотрения их жалоб о нарушении конституционных прав и свобод. Специфика данного рода деятельности заключается в том, что орган конституционного правосудия предпринимает определенные действия только тогда, когда конституционные права человека нарушаются законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, о чем должно быть сообщено суду в виде жалобы. Защита прав граждан может осуществляться также и по обращениям иных субъектов, а именно: судебных органов, Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, Генерального прокурора Российской Федерации. Таким образом, защита прав граждан как вид публичной деятельности имеет место только с момента возникновения нарушения конституционного права.

Во-вторых, можно обнаружить отличия и в содержании правовой охраны и правовой защиты, осуществляемых Конституционным Судом Российской Федерации. Используя теоретические конструкции, предложенные Н.В. Витруком²², к правоохранительной деятельности органа конституционного правосудия можно отнести: 1) профилактику правонарушений, а именно деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по предупреждению нарушений в нормативном регулировании конституционных прав и свобод граждан

со стороны законодателя; 2) пресечение правонарушений, заключающееся в распространении решений суда о признании неконституционными отдельных правовых положений на аналогичные нормы других нормативных правовых актов.

Правозащитная деятельность органа конституционного контроля имеет иное содержание и включает:

1. Основания необходимости защиты права – правонарушение, а именно применение законодательных норм, нарушающих конституционные права и свободы граждан, в конкретном деле. При этом всегда присутствует спор между государством в лице законодательного органа и гражданином о соответствии положений закона Конституции Российской Федерации, то есть о том, соответствует ли конституционным положениям законодательное регулирование одного или нескольких основных прав и свобод гражданина. Следует также подчеркнуть особенность основания необходимости защиты прав, которая заключается в том, что таковым может послужить и намерение применения нормы, нарушающей права и свободы граждан.

2. Цель правовой защиты – устранение препятствий в реализации конституционных прав и свобод граждан, восстановление нарушенных прав. В ходе конституционного судопроизводства защита осуществляется посредством признания не соответствующими Конституции Российской Федерации положений законодательных актов, что ведет к утрате их юридической силы.

3. Действия носителя права или иного уполномоченного субъекта, заключающиеся в обращении с жалобой на нарушение конституционных прав законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, в Конституционный Суд Российской Федерации.

4. Действия органа конституционного правосудия, а именно рассмотрение в особой процессуальной форме обращений граждан, иных уполномоченных субъектов и принятие соответствующих решений, в результате чего а) устраняются препятствия в осуществлении конституционных прав и свобод граждан в виде неконституционных положений нормативных правовых актов, б) законодательные и иные органы государственной власти при-

нуждаются к изменению данных норм права и аналогичных им, а также норм, основанных на неконституционных положениях.

Таким образом, охрана и защита прав граждан являются самостоятельными видами деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Охрана прав граждан органом конституционного контроля представляет собой постоянную деятельность, направленную на предупреждение и пресечение попыток ограничения, ущемления или нарушения конституционных прав и свобод граждан законодательными органами путем принятия соответствующего закона. Защита прав и свобод граждан Конституционным Судом Российской Федерации – это деятельность по устранению препятствий в реализации конституционных прав и свобод граждан в виде неконституционных положений нормативных правовых актов, принуждению законодательных и иных органов государственной власти к изменению данных норм права и аналогичных им, а также норм, основанных на неконституционных положениях, осуществляемая на основании обращений граждан и их объединений, других заинтересованных субъектов.

И охранительная, и защитная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации представляет собой форму активно-властного отношения органа конституционного контроля к нарушениям конституционных прав и свобод граждан, их причинам и последствиям в целях способствования их реализации. Как отмечалось ранее, и защитная, и охранительная виды деятельности суда при всех различиях имеют много общих черт и характеристик, таких как предмет деятельности, властность ее осуществления, правовая опосредованность, процессуальная упорядоченность и др.²³ Охрана и защита конституционных прав и свобод граждан тесно взаимосвязаны и при их практическом осуществлении. В свете этого представляется вполне обоснованной позиция Н.И. Матузова, согласно которой «защита есть момент охраны, одна из ее форм»²⁴. Применительно к деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по охране и защите конституционных прав и свобод граждан она в полной мере отражает взаимосвязь данных направлений его работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Филиппов П.М. Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов, 1987. С. 27.

² См. подр.: Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: Курс лекций. М., 2008. С. 62–65; Бачило И.Л. Функции органов управления: право-

¹ См.: Filippov P.M. Sudebnaja zashhita i pravosudie v SSSR. Saratov, 1987. S. 27.

² См. подр.: Anishina V.I. Osnovy sudebnoj vlasti i pravosudija v Rossijskoj Federacii: Kurs lekcij. M., 2008. S. 62–65; Bachilo I.L. Funkcii organov upravlenija: pravovye problemy

вые проблемы оформления и реализации. М., 1976; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1997. С. 80.

³ См. подр.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. М., 2005. С. 244.

⁴ См.: Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации. С. 216–217.

⁵ См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁶ См.: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

⁷ См.: Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4916.

⁸ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. С. 245.

⁹ См.: Нудель М.А. Конституционный контроль в капиталистических странах. М., 1968. С. 7.

¹⁰ См.: Златопольский Д.Л., Воеводин Л.Д. Государственное право зарубежных социалистических стран. М., 1984. С. 68.

¹¹ См.: Бланкенгель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102.

¹² См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. С. 48.

¹³ См.: Российская юридическая энциклопедия / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1999. С. 456.

¹⁴ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 358.

¹⁵ См.: Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). М., 2005; Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в России: опыт системного конституционного осмысления. Ростов н/Д, 2003; Она же. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д, 2005; Стрёмов А.В. Правовая защита человека. М., 2007.

¹⁶ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. С. 360.

¹⁷ См. подр.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 111–143.

¹⁸ См.: Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 83.

¹⁹ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. С. 363.

²⁰ При этом мы никоим образом не отрицаем, что охрана и защита прав граждан являются близкими и взаимосвязанными видами публичной деятельности органа конституционного контроля, имеющими большое количество общих характеристик.

²¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2009 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта "б" пункта 4 постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с запросом Верховного Суда Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2009. № 22. Ст. 2752; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.02.2009 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 2, 3 и 4 статьи 22 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" и пунктов 2 и 4 части 2 статьи 13 Закона Псковской области "О государственной гражданской службе Псковской области" в связи с запросом Псковского областного Собрания депутатов» // Там же. № 7. Ст. 890.

²² См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. С. 362–366.

²³ См.: Там же. С. 366–374.

²⁴ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 131.

оформления и реализации. М., 1976; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1997. С. 80.

³ См. подр.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. М., 2005. С. 244.

⁴ См.: Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации. С. 216–217.

⁵ См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁶ См.: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

⁷ См.: Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4916.

⁸ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. С. 245.

⁹ См.: Нудель М.А. Конституционный контроль в капиталистических странах. М., 1968. С. 7.

¹⁰ См.: Златопольский Д.Л., Воеводин Л.Д. Государственное право зарубежных социалистических стран. М., 1984. С. 68.

¹¹ См.: Бланкенгель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102.

¹² См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. С. 48.

¹³ См.: Российская юридическая энциклопедия / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1999. С. 456.

¹⁴ См.: Витрук Н.В. Общная теория правового положения личности. М., 2008. С. 358.

¹⁵ См.: Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). М., 2005; Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в России: опыт системного конституционного осмысления. Ростов н/Д, 2003; Она же. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д, 2005; Стрёмов А.В. Правовая защита человека. М., 2007.

¹⁶ См.: Витрук Н.В. Общная теория правового положения личности. С. 360.

¹⁷ См. подр.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 111–143.

¹⁸ См.: Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 83.

¹⁹ См.: Витрук Н.В. Общная теория правового положения личности. С. 363.

²⁰ При этом мы никоим образом не отрицаем, что охрана и защита прав граждан являются близкими и взаимосвязанными видами публичной деятельности органа конституционного контроля, имеющими большое количество общих характеристик.

²¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2009 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта "б" пункта 4 постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с запросом Верховного Суда Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2009. № 22. Ст. 2752; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.02.2009 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 2, 3 и 4 статьи 22 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" и пунктов 2 и 4 части 2 статьи 13 Закона Псковской области "О государственной гражданской службе Псковской области" в связи с запросом Псковского областного Собрания депутатов» // Там же. № 7. Ст. 890.

²² См.: Витрук Н.В. Общная теория правового положения личности. С. 362–366.

²³ См.: Там же. С. 366–374.

²⁴ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 131.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

К проблеме определения понятия и предмета постпенитенциарной педагогики

С.И. ЗЛОБИН – начальник Пермского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор

В статье рассматривается становление постпенитенциарной педагогики как науки дается интерпретация понятия, предмета, категорий постпенитенциарной педагогики, анализируются особенности постпенитенциарной адаптации и ресоциализации.

Ключевые слова: постпенитенциарная педагогика; постпенитенциарный период; профилактика рецидивных преступлений.

Concerning the problem of definition of the concept and subject of Post-Penitentiary Pedagogic

S.I. ZLOBIN – the director of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Education, professor

The article is devoted to the question of the modern development of Post-Penitentiary Pedagogic as a new scientific discipline. The author suggests his own interpretation of the concept, subject and basic categories of Post-Penitentiary Pedagogic and analyses the peculiar traits of the post-penitentiary adaptation and resocialization.

Key words: Post-Penitentiary Pedagogic; post-penitentiary period; recidivism prevention.

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденной указом Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. № 761¹, в числе мер, направленных на улучшение положения лиц в период нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы и в постпенитенциарный период, предусматривается «распространение на лиц, осужденных к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте и освободившихся в возрасте от 18 до 23 лет, права на получение социальной поддержки, сопровождение и постпенитенциарную реабилитацию со стороны служб, осуществляющих эту работу».

Именно уровень рецидивной преступности, как полагает Е.А. Тохова, является показателем эффективности воспитательно-профилактической и испра-

вительно-карательной работы в местах лишения свободы, результатом деятельности уголовно-исполнительной системы в целом и ее структурных подразделений².

В последнее десятилетие, по оценкам В.М. Позднякова, в России при среднегодовом приросте преступлений на 4,5% наблюдается рост количества ранее судимых осужденных в среднем на 12,4%. Юристы все чаще говорят о необходимости разработки более действенной системы предупреждения постпенитенциарного рецидива³. Однако данная работа не может быть эффективной без понимания задач и предмета постпенитенциарной педагогики, которая, по мнению В.Я. Кикоть, как самостоятельная отрасль пока не сформировалась⁴.

Вопросы постпенитенциарного воспитания становились объектом изучения таких

ученых, как В.И. Колесов⁵, В.М. Садовникова⁶, В.А. Уткин⁷, отдельные аспекты постпенитенциарной педагогики рассматривались в работах Ю.В. Андреевой⁸, Р.М. Рыбак⁹, Н.Ф. Уфимцевой¹⁰.

Но в отечественной науке, по оценкам В.И. Колесова, практически отсутствуют специальные исследования, раскрывающие собственно социально-педагогический аспект воспитания в системе постпенитенциарной адаптации бывших осужденных¹¹. Не сформирован и понятийный аппарат постпенитенциарной педагогики.

Так, ученые-юристы рассматривают постпенитенциарную педагогику как вид профилактики совершения рецидивных преступлений лицами, отбывшими уголовные наказания, и как разновидность воспитательной деятельности¹², а не как раздел педагогики, в то же время выделяя такую отрасль права, как постпенитенциарное право¹³.

Достаточно часто исследователи юридического профиля процесс адаптации и ресоциализации именуют термином «постпенитенциарный период» или «постпенитенциарная практика», при этом используют методы постпенитенциарной педагогики¹⁴. Например, А.И. Абатуров рассматривает постпенитенциарный контроль как один из основных методов в отечественной постпенитенциарной педагогике¹⁵. Также следует отметить, что в основном исследования посвящены постпенитенциарной адаптации и ресоциализации.

Ресоциализация – это возобновленная или вторичная социализация. Ресоциализация и социальная адаптация являются понятиями взаимосвязанными и взаимодополняющими. Процесс ресоциализации может включать в себя несколько видов адаптации. М.Н. Садовникова выделяет постпенитенциарную стадию как важнейшую в ресоциализации¹⁶.

Постпенитенциарная адаптация – это двусторонний процесс приспособления личности судимого к социальной среде, связанный с комплексом мер, которые проводятся государственными учреждениями, органами и институтами общественности, носят добровольный или принудительный характер, применяются в целях закрепления результатов исправительного воздействия и предупреждения совершения новых преступлений¹⁷.

М.Т. Дибиров, В.М. Трубников, И.В. Шмаров понятия «социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы» и «постпенитенциарная адаптация» рассматривают как синонимичные. Но, на наш

взгляд, формулировка «постпенитенциарная адаптация» более корректна.

Ряд исследователей полагают, что постпенитенциарная система воспитания входит в систему постпенитенциарной адаптации. В данном случае происходит сужение понятия «система воспитания» как одного из ключевых в педагогике. Вероятно, это связано с отсутствием четкого определения понятия и предмета постпенитенциарной педагогики.

А.М. Столяренко, подчеркивая связь постпенитенциарной педагогики с пенитенциарной, превентивной и социально-юридической педагогикой, а также ее актуальность в условиях гуманизации и демократизации общества, с одной стороны, и реальной криминализации – с другой, рассматривает ее как раздел юридической педагогики, разрабатывающий и реализующий педагогические пути и способы эффективного осуществления постпенитенциарной работы¹⁸.

Постпенитенциарная педагогика – это отрасль педагогической науки, изучающая деятельность по исправлению лиц, совершивших преступления и осужденных к различным видам наказаний, в постпенитенциарный период.

Объект – лица, освобожденные из мест заключения, процесс их ресоциализации и среда, в которую они попадают после освобождения.

Объектом постпенитенциарного контроля в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» являются совершеннолетние лица, освобожденные или освобожденные из исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость.

Предмет постпенитенциарной педагогики – целостный педагогический процесс, направленный на профилактику совершения социально неадаптивной личностью рецидивных преступлений и ресоциализацию. Данный процесс включает в себя целый комплекс мер, которые нашли отражение в задачах постпенитенциарной педагогики:

- предотвращение асоциальных поступков ресоциализирующейся личности;
- создание социально-нравственных установок поведения и конструктивных ориентиров в сфере общественно полезной деятельности и жизнедеятельности;
- активизация субъектной позиции путем включения в мир общечеловеческих ценностей;

– социально-педагогическое сопровождение и поддержка субъектного и личностного роста, включая оказание правовой и социально-психологической помощи после возвращения из учреждений пенитенциарной системы¹⁹.

Специалисты полагают, что постпенитенциарную педагогику нельзя рассматривать в отрыве от пенитенциарной, которая меняет человека как личность. Однако, в отличие от пенитенциарной педагогики (важнейшей категорией которой является исправление осужденных) и общей педагогики (где глав-

ное – это воспитание, образование, обучение), категориями постпенитенциарной педагогики выступают социальная адаптация, ресоциализация.

Сегодня перед Федеральной службой исполнения наказаний и институтами гражданского общества стоит задача адаптации и ресоциализации лиц, отбывших наказание. Для этого необходима, с одной стороны, слаженная работа пенитенциарной и постпенитенциарной систем, а с другой – разработка теоретических основ постпенитенциарной педагогики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Тохова Е.А. Понятие и современное состояние постпенитенциарного рецидива преступлений // Евразийский юридический журнал. 2010. № 3. С. 86–88.

³ См.: Поздняков В.М. Задачи пенитенциарных психологов при современной реформе уголовно-исполнительной системы России // Психология и право. 2012. № 3. <http://psyjournals.ru/psyandlaw>

⁴ См.: Кикоть В.Я., Столяренко А.М. Юридическая педагогика: Учеб. для студентов вузов. М., 2004.

⁵ См.: Колесов В.И., Олейников В.С. Социально-профессиональное образование в системе постпенитенциарной адаптации личности: Моногр. СПб., 2007.

⁶ См.: Садовникова М.Н. Некоторые проблемы ресоциализации несовершеннолетних на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 81.

⁷ См.: Уткин В.А. Принцип соединения наказания с иными мерами воспитательного воздействия в истории советского исправительно-трудового права // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью / Под. ред. А.Л. Ременсона, В.Д. Филимонова. Томск, 1980; Он же. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984.

⁸ См.: Андреева Ю.В. Постпенитенциарная адаптация лиц, осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008.

⁹ См.: Рыбак М.С. Воспитательная работа как средство ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях: Учеб.-метод. пособие. Саратов, 1998.

¹⁰ См.: Уфимцева Н.Ф. Самодеятельные организации пенитенциарных учреждений как форма социально-педагогической реабилитации осужденных: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2010.

¹¹ См.: Колесов В.И. Социально-педагогические основы управления воспитанием в системе постпенитенциарной адаптации бывших осужденных: Дис. ... д-ра пед. наук. Петрозаводск, 2006.

¹² См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2002.

¹³ См.: Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

¹⁴ См.: Феллер Я.В. «Первые 7»: проект социально-правового интерактива для несовершеннолетних, находящихся в Новосибирской воспитательной колонии и по решению суда готовящихся к условно-досрочному освобождению. Новосибирск, 2008.

¹⁵ См.: Абатуров А.И. Становление института постпенитенциарного контроля в России (1844–2009 гг.) // Вопросы права и политики. 2012. № 4. С. 134–173.

¹⁶ См.: Садовникова М.Н. Некоторые проблемы ресоциализации несовершеннолетних на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 55–59.

¹⁷ См.: Андреева Ю.В. Постпенитенциарная адаптация лиц, осужденных к лишению свободы.

¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Тохова Е.А. Понятие и современное состояние постпенитенциарного рецидива преступлений // Евразийский юридический журнал. 2010. № 3. С. 86–88.

³ См.: Поздняков В.М. Задачи пенитенциарных психологов при современной реформе уголовно-исполнительной системы России // Психология и право. 2012. № 3. <http://psyjournals.ru/psyandlaw>

⁴ См.: Кикоть В.Я., Столяренко А.М. Юридическая педагогика: Учеб. для студентов вузов. М., 2004.

⁵ См.: Колесов В.И., Олейников В.С. Социально-профессиональное образование в системе постпенитенциарной адаптации личности: Моногр. СПб., 2007.

⁶ См.: Садовникова М.Н. Некоторые проблемы ресоциализации несовершеннолетних на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 81.

⁷ См.: Уткин В.А. Принцип соединения наказания с иными мерами воспитательного воздействия в истории советского исправительно-трудового права // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью / Под. ред. А.Л. Ременсона, В.Д. Филимонова. Томск, 1980; Он же. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984.

⁸ См.: Андреева Ю.В. Постпенитенциарная адаптация лиц, осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008.

⁹ См.: Рыбак М.С. Воспитательная работа как средство ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях: Учеб.-метод. пособие. Саратов, 1998.

¹⁰ См.: Уфимцева Н.Ф. Самодеятельные организации пенитенциарных учреждений как форма социально-педагогической реабилитации осужденных: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2010.

¹¹ См.: Колесов В.И. Социально-педагогические основы управления воспитанием в системе постпенитенциарной адаптации бывших осужденных: Дис. ... д-ра пед. наук. Петрозаводск, 2006.

¹² См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2002.

¹³ См.: Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

¹⁴ См.: Феллер Я.В. «Первые 7»: проект социально-правового интерактива для несовершеннолетних, находящихся в Новосибирской воспитательной колонии и по решению суда готовящихся к условно-досрочному освобождению. Новосибирск, 2008.

¹⁵ См.: Абатуров А.И. Становление института постпенитенциарного контроля в России (1844–2009 гг.) // Вопросы права и политики. 2012. № 4. С. 134–173.

¹⁶ См.: Садовникова М.Н. Некоторые проблемы ресоциализации несовершеннолетних на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 55–59.

¹⁷ См.: Андреева Ю.В. Постпенитенциарная адаптация лиц, осужденных к лишению свободы.

¹⁸ См.: Столяренко А.М. Юридическая педагогика: Курс лекций. М., 2000.

¹⁹ См.: Колесов В.И., Барболин М.П. Организационно-педагогическая модель воспроизводства социальной сущности человека в условиях постпенитенциарной системы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 50. С. 192–194.

¹⁸ Sm.: Stoljarenko A.M. Juridicheskaja pedagogika: Kurs lekcij. M., 2000.

¹⁹ Sm.: Kolesov V.I., Barbolin M.P. Organizacionno-pedagogicheskaja model' vosproizvodstva social'noj sushhnosti cheloveka v uslovijah postpenitenciarnoj sistemy // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2008. № 50. S. 192–194.

Изучение личности осужденных к пожизненному лишению свободы как основа проведения социально-психологической работы

Е.С. ТРЕТЬЯК – профессор кафедры педагогики и методики преподавания истории и общественных дисциплин Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко, кандидат психологических наук, доктор педагогических наук, доцент

В статье рассматриваются различные подходы к характеристике осужденных к пожизненному лишению свободы, анализируются психологические концепции развития личности, криминологическая, демографическая, психологическая, поведенческая и другие характеристики осужденных с целью определения наиболее оптимальных условий для их адаптации к среде исправительного учреждения.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы; составляющие психолого-педагогической характеристики осужденного; адаптация осужденного; социально-психологическая работа.

The study of personality sentenced to life imprisonment as the basis of social and psychological activity

E.S. TRETJAK – professor of the Chair of pedagogy and methodology of history and social studies teaching of the Chernigov National Pedagogical University named after T. Shevchenko, Cand.Sc. (Psychology), Doctor of Education, docent

The author considers various approaches to the characteristics of life – sentenced convicts. The aim of the article is to analyze psychological conception of personality development and criminological, demographic, psychological, behavioral and other characteristics in order to determine the best possible conditions for convicts' adaptation penitentiary institution environment.

Key words: life – sentence imprisonment; components of convicts' psychological and pedagogical characteristics; adaptation of the convicted person; social and psychological activity.

Социально-педагогическое и психологическое сопровождение осужденных к пожизненному лишению свободы – одно из самых сложных направлений в работе психолога (социального работника). Это связано с тем, что, формально оставаясь членами общества, данные лица практически навсегда изолируются от него, что накладывает отпечаток на восприятие ими как наказания, так и мероприятий, которые проводят с ними сотрудники колонии.

Пожизненное лишение свободы является наиболее суровым из видов наказаний, указанных в ст. 51 УК Украины. Вместе с тем это не означает, что осужденный к нему будет отбывать срок до конца своей жизни, поскольку в предусмотренных законом случаях возможна его замена другим видом наказания. Так, ч. 2 ст. 87 УК Украины устанавливает, что актом помилования может быть осуществлена замена осужденному назначенного судом наказания в виде пожизнен-

ного лишения свободы на лишение свободы сроком не менее 25 лет.

В Положении о порядке помилования, утвержденном указом Президента Украины от 16.09.2010 г. № 902, говорится о том, что прошение о помиловании лица, осужденного к пожизненному лишению свободы, может быть подано лишь после отбытия им не менее 20 лет назначенного наказания (абз. 2 п. 4).

В соответствии со ст. 150 УИК Украины мужчины, осужденные к пожизненному лишению свободы, отбывают наказание в секторах максимального уровня безопасности исправительных колоний среднего уровня безопасности и исправительных колониях максимального уровня безопасности. Осужденные женщины отбывают данный вид наказания в секторах среднего уровня безопасности исправительных колоний минимального уровня безопасности с общими условиями содержания и исправительных колониях среднего уровня безопасности.

На участках, где содержатся осужденные к пожизненному лишению свободы, дополнительно вводится должность пенитенциарного психолога.

Статьей 151 УИК Украины регламентирован порядок и условия исполнения и отбытия рассматриваемого вида наказания. Так, осужденные мужского пола содержатся в помещениях камерного типа, как правило, по два человека. Согласно информации, размещенной на официальном сайте Государственной пенитенциарной службы Украины, на 1 июля 2013 г. отбывали наказание в виде пожизненного лишения свободы 1845 чел., из них 23 женщины.

Осужденный пожизненно длительное время не имеет возможности удовлетворять некоторые свои основные (жизненные) психические потребности, что приводит к различным моральным и психологическим отклонениям в поведении и деятельности. Такое явление объясняют психической депривацией (депривация стимульная (сенсорная), депривация значений (когнитивная), депривация идентичности (социальная), депривация эмоционального отношения)¹.

Процесс вхождения осужденного к пожизненному лишению свободы в систему отношений с ближайшим к нему социальным окружением сопровождается перестройкой его поведения под влиянием специфических условий окружающей среды, в том числе и воздействий пенитенциарного персонала. В данном случае срабатывает механизм при-

способления: осужденный рассчитывает на определенные послабления режима и положительную характеристику в будущем, когда встанет вопрос о возможности применения к нему акта помилования.

Осужденные к пожизненному лишению свободы каждый день совершают одни и те же действия в строго определенное время, выполняют одинаковые социальные роли, что несвойственно людям, живущим на свободе. Такая строгая регламентация усиливает воспоминания и фантазии, что может спровоцировать психические заболевания. В данной ситуации особое значение приобретает социально-психологическая работа с осужденными, направленная на повышение у них уровня эмоциональной устойчивости, стабилизацию психических состояний и адаптацию.

С целью индивидуализации работы с осужденными к пожизненному лишению свободы необходимо определить, что собой представляет тот или иной человек. Пенитенциарный психолог, используя различные методики (методика определения состояния депрессии, методика определения стрессового состояния, цветной тест Люшера, методика Айзенка, методика Спилбергера, методика Лири, опросник Равенна, большой и малый тест MMPI, тест на совместимость, методика САН (самочувствие, активность, настроение) и др.), анализирует, насколько часто приговоренный впадает в депрессию и как на него действует стресс, как проявляются его индивидуальные психологические свойства личности, чем вызывается ситуативная тревожность, какое значение для осужденного имеет система межличностных отношений, как у него протекают познавательные процессы, как он решает поставленные перед ним задачи и т.п.

Учитывая важность характеристики личности осужденного для организации социально-психологической работы, рассмотрим различные подходы ученых к ее составлению. В частности, к признакам, которые характеризуют преступника, криминологи М. Беляев, И. Волгарева, М. Кропачев относят социально-демографические, личностно-ролевые, социально-психологические, а также уровень морального и правового сознания, психические отклонения и аномалии, уголовно-правовые, общечеловеческие значимые положительные качества². Данная информация о преступнике позволяет выявить тенденции, способствующие совершению правонарушений в определенном регионе людьми разного возрас-

та, пола, уровня образования, семейного положения, проживающими в городе или сельской местности.

А. Бандурка, Т. Денисова, В. Трубников предлагают следующую схему изучения личности осужденного: демографические признаки (пол, возраст, социальный статус и семейное положение); признаки, характеризующие образовательный уровень личности; качества морально-психологического характера (честность, порядочность, принципиальность, готовность взять на себя ответственность); психические свойства (эмоциональная устойчивость, внутренняя дисциплинированность, твердость характера); биофизические свойства (состояние здоровья, особенности физической конституции)³. Данные признаки позволяют учитывать возраст осужденного, его социальный статус, семейное положение при привлечении его к труду, определении степени влияния на других, возможности семьи в поддержке социально значимых связей. Информация об образовательном уровне осужденного может быть использована при получении им профессии или повышении образовательного уровня. Знания о качествах морально-психологического характера, психических свойствах, биофизических свойствах могут быть использованы при распределении по камерам, медицинском обеспечении, проведении профилактических мероприятий.

Г. Хохряков сосредоточивает внимание на возрастных характеристиках осужденного, отмечая, что «длительные сроки пребывания в учреждении обуславливают определенные личностные изменения, которые сказываются на поведении осужденного в течение всего времени пребывания в учреждении. Учет данных изменений позволит построить систему не только управления поведением осужденного во время отбывания наказания, но и определить наиболее эффективные способы воздействия на него с целью возвращения в общество личности с социально полезными установками, склонностью к законопослушному поведению и восстановленными социально полезными связями»⁴.

Пожизненный срок пребывания в местах лишения свободы приводит к почти полной утрате социально полезных связей. С. Кушнарев отмечает, что «неудачи самоутверждения, самовыражения, которые нередко сопровождают общение осужденного с социальной средой, приводят к свертыванию отношений с внешним миром, самоизоляции, депрессивному состоянию»⁵.

Все это указывает на то, что пенитенциарный персонал при организации социально-психологической работы с осужденными к пожизненному лишению свободы должен учитывать их возрастные характеристики, чтобы целенаправленно проводить психологическую и информационную работу, осуществлять профилактику конфликтных ситуаций и агрессивных проявлений. Возрастные особенности в совокупности с воздействием на осужденного как внешних, так и внутренних факторов детерминируют поведение, мотивами которого выступают те или иные личностные черты и качества, потребности, ценностные ориентации, жизненные ситуации и т.д. При этом потребности могут быть деформированными (искривленными) и вступать в противоречие с существующими правовыми и моральными нормами. Но даже эти потребности под воздействием сдерживающих факторов (четко установленный характер взаимодействия осужденного с внешней и внутренней средой; достаточный объем информации; оценка возможностей осужденного и использование их с учетом режимных ограничений; защита от уголовного произвола; организация правовых, психологических и социальных мероприятий и т.д.) либо нейтрализуются, либо реализовываются в так называемых замещающих действиях (сублимация).

Вопросы о семейном положении, составе семьи являются обязательными составляющими социально-демографической характеристики осужденного к пожизненному лишению свободы⁶. Поддержка осужденным связей с женой, детьми, родителями и другими родственниками, как правило, положительно сказывается на его психическом состоянии, поведении, соблюдении им установленных правил, формировании жизненных ценностей, определении перспектив. Вместе с тем, как указывает О. Фролов, «занятия преступной деятельностью, судимость на длительный, неопределенный срок, проблемы с психическим и соматическим здоровьем, злоупотребление алкоголем или наркотиками в прошлом негативно сказываются на семейных отношениях осужденных к пожизненному лишению свободы»⁷.

Определение уровня образования осужденного, его интеллектуального потенциала в сочетании с психологическими свойствами личности, духовными качествами необходимо для программ дифференцированного воспитательного воздействия.

Криминология в социально-демографической характеристике правонарушителя

среди социально значимых свойств личности преступника важное место отводит таким признакам, как место рождения и проживания, гражданство, род занятий, принадлежность к определенной социальной группе⁸.

Наряду с социально-демографической характеристикой пенитенциарный персонал изучает социально-психологические свойства личности осужденных, чтобы формировать у них установки, мотивацию, волевые качества, характер, систему потребностей и др. В. Аверин указывает на то, что «в социологии личность представляет собой устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида, это продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством деятельности и общения»⁹.

Вместе с тем А. Лазурский основную задачу личности видит в приспособлении (адаптации) к окружающей среде. Степень адаптации отражается на трех уровнях: нижнем (внешняя среда максимально влияет на психику человека и вызывает противоречия между ее возможностями и усвоенными им навыками), среднем (выбор занятий, исходя из своих способностей), высоком (вызывает желание изменить среду в соответствии со своими влечениями и потребностями)¹⁰.

Согласно украинскому уголовному законодательству одно из центральных мест в характеристике осужденного занимает его отношение к труду и поведению. Эти показатели учитываются при применении прогрессивной системы наказания, предусматривающей изменение условий содержания.

В психологии отношение делится на положительное и отрицательное, его компонентами выступают эмоции, оценки, поведение¹¹. Важное значение имеет эмоциональный компонент, способствующий формированию отношения человека к общению, объектам среды, людям и самому себе, выражающегося с помощью чувств, которые могут быть противоположны по знаку (симпатия – антипатия и др.). Познавательный (оценочный) компонент также характеризует отношение личности осужденного к восприятию, оценке и объяснению объектов среды (моральных ценностей, убеждений, идеалов и т.д.). Поведенческий компонент способствует выбору стратегии и тактики поведения личности и выражается посредством потребностей. В динамике развития личности осужденного его психические свойства определенным образом связываются друг с другом и образуются

сложные структуры: характер, направленность, способности. Поведение осужденного обеспечивается этим синтезом отношений.

Так, К. Платонов рассматривает личность как динамическую систему, развивающуюся во времени, которая изменяет состав своих элементов и связей между ними при сохранении функции¹², а другой известный психолог А. Леонтьев делает упор на то, что личность человека вырабатывается (создается) общественными отношениями и личностным смыслом деятельности. Если субъект обладает внутренней активностью, то через внешнюю деятельность он себя изменяет. «Иерархия деятельностей» связана, по мнению исследователя, с состояниями организма, которые обусловлены потребностями, мотивами (мотивами-целями, мотивами-стимулами), эмоциями, значением и личностным смыслом той или иной деятельности¹³.

В то же время нельзя не согласиться с Л. Божович, что целостная структура личности определяется прежде всего ее направленностью, основу которой составляет все течение жизни как «устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека»¹⁴. Не вызывает сомнений то, что содержание направленности личности осужденного обуславливает все его особенности: интересы, стремления, переживания, черты характера. Поэтому при составлении характеристики на осужденного необходимо учитывать, к удовлетворению каких потребностей он наиболее склонен. Недаром, Д. Узнадзе акцентирует внимание на потребности и ситуации ее удовлетворения, что вызывает у субъекта специфическое состояние – установку как «склонность, направленность, готовность к совершению определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности»¹⁵.

Не противоречит этой концепции и позиция В. Ядова, который отмечает, что «поведение личности регулируется диспозиционной системой (установками), однако в каждой конкретной ситуации в зависимости от ее цели ведущая роль принадлежит определенному уровню диспозиций»¹⁶. Как известно, диспозиция формируется при наличии потребности и соответствующей ей ситуации, в которой она может быть реализована. Иерархии диспозиций соответствуют иерархия потребностей и иерархия

ситуаций. Иерархия потребностей классифицируется по принципу предметной направленности человеческих потребностей как потребностей физического и социального существования (психофизиологические, витальные потребности; потребности в ближайшем семейном окружении; потребности включения в многочисленные малые группы и коллективы; потребности включения в целостную социальную систему). Таким образом, целенаправленная последовательность поступков образует поведение в той или иной сфере деятельности, которая представляется для осужденного максимально значимой.

При составлении характеристики на осужденных к пожизненному лишению свободы нельзя не учитывать типологию В. Сулицкого, в которой представлены следующие типы: застревающий, эксцентричный, неадаптированный, безответственный¹⁷.

Первому типу (застревающий) преступников свойственны высокая обидчивость, заикливание на негативных переживаниях, отчуждение и погружение в себя, что сопровождается формированием аффективно заряженных идей, признаки нарушения контактов с реальностью, при этом личные отношения организуются на базе представлений, слабо поддаются коррекции. Реальное общение заменяет псевдообщение, данные осужденные могут переносить свои переживания и претензии на окружающих. Отношения с другими неустойчивы, эти люди легко обижаются. В большинстве случаев им присущи апатия, раздражительность, депрессивные состояния, погружения в себя, плохая память и концентрация внимания, возможны нарушения мышления.

Второй тип (эксцентричный) преступников имеет следующие характеристики: они непредсказуемы, импульсивны, имеют невысокий уровень образования (8–10 классов), часто меняли место работы, большинство ранее были осуждены за преступления против личности, на момент совершения убийства не работали. Они отличаются подчеркнутым нонконформизмом (неповиновением среде) и противопоставлением своих субъективных установок, взглядов и мнений окружению, а некоторые отличаются минимальной приспособляемостью к внешним социальным требованиям и очень остро реагируют на конфликтные ситуации. Их индивидуализм только углубляется при противодействии окружению. Коррекция поведения таких осужденных сложна.

Осужденные третьего типа (неадаптированный) характеризуются плохой социальной приспособляемостью, склонностью к агрессии, неспособностью четко осознавать социальные нормы. Часто их преступления бессмысленные, плохо спланированные, импульсивные. Неспособность к социализации и своеобразие мышления становятся основными моментами, определяющими их социальную опасность.

Лица, принадлежащие к четвертому типу (безответственный), имеют тенденцию к чрезмерной активности и импульсивности, безответственности и недоверию. Они сочетают в себе возбудимость, цикличность настроений и состояний, характеризующихся безнравственностью, склонностью к обману. Для удовлетворения своих желаний и честолюбия могут тратить массу энергии и усилий, однако не в состоянии взять на себя какие-то обязанности и ответственность. При первом знакомстве способны произвести положительное впечатление. Они лишь внешне доброжелательны, в основе их поведения лежит эгоцентричность.

Обобщая вышеприведенные подходы к характеристике личности осужденного, можно выделить ее основные составляющие:

1) внутренние механизмы адаптации (особенности внимания, памяти, воображения и мышления, способность к волевому усилию, эмоциональность, импульсивность, темперамент, умственная одаренность, характер; влияние внешней среды на психику осужденного, реализацию его возможностей, склонностей, способностей и потребность приспособить эту среду в соответствии со своими желаниями);

2) отношение к внутренней и внешней среде (как относится к себе и другим людям, какие выражает при этом чувства; как оценивает окружающих с позиции морали, убеждений, идеалов; какую выбирает стратегию и тактику поведения в отношении значимых (ценных) людей, какие потребности пытается при этом удовлетворить; как объясняет свое отношение (положительное или отрицательное) к другим людям, самому себе);

3) факторы, влияющие на выбор определенной формы поведения (свойства личности осужденного; система потребностей, интересов и идеалов; интеллектуальные, волевые и эмоциональные свойства; направленность (желания, интересы, склонности, стремления, идеалы, убеждения, мировоззрение, переживания, черты характера); опыт (знания, умения, навыки и привычки);

индивидуальные особенности психических процессов (память, эмоции, чувства, мышление); возрастные особенности; состояния организма; мотивы (мотивы-цели, мотивы-стимулы); реалии бытия, образ жизни, конкретная деятельность; отношение к тру-

ду, людям, вещам, определенной стороне действительности; установка на удовлетворение определенной потребности (психофизиологической, в семье, включение в социальную систему и т.д.) или действия в ситуации взаимодействия).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Варій М.Й. Загальна психологія: Підручник. Київ, 2007.

² См.: Кримінологія: Учеб. / Под ред. В.В. Орехова. СПб., 1992. С. 90–91.

³ См.: Бандурка А.М., Денисова Т.А., Трубников В.М. Общая теория социальной адаптации освобожденных от отбывания наказания (правовой и социально-психологический анализ уголовно-исполнительной политики по реабилитации осужденных). Харьков: Запорожье, 2002. С. 66.

⁴ Хохряков Г.Ф., Голубев В.П., Кудряков В.П. Личность в условиях изоляции от общества: значение социально-психологических закономерностей поведения для исполнения наказания, исправления и перевоспитания осужденных в ИТУ. М., 1983. С. 463.

⁵ Кушнар'ов С.В. Геронтологічні проблеми пенітенціарної теорії та практики // Проблеми пенітенціарної теорії та практики. 2000. № 5. С. 179–182.

⁶ Заключенные, приговоренные к длительному или пожизненному сроку лишения свободы: Информ. материалы. М., 2000.

⁷ Фролов О. Кримінологічна характеристика осіб, засуджених до довічного ув'язнення // Пожизненное заключение: Международные стандарты и практика в Украине и за рубежом / Сост. А. П. Букалов. Донецк, 2001.

⁸ См.: Хохряков Г.Ф., Голубев В.П., Кудряков В.П. Личность в условиях изоляции от общества: значение социально-психологических закономерностей поведения для исполнения наказания, исправления и перевоспитания осужденных в ИТУ. С. 463.

⁹ См.: Аверин В.А. Психология личности: Учеб. пособие. СПб., 1999.

¹⁰ См.: Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. М., 1995.

¹¹ Мясисhev В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.

¹² См.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.

¹³ Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

¹⁴ См.: Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте (психологическое исследование). М., 1968.

¹⁵ Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.

¹⁶ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. В.А. Ядова. Л., 1979.

¹⁷ См.: Сулицкий В. Соціально-психологічні аспекти утримання засуджених до довічного позбавлення волі. www.politik.org.ua.

¹ См.: Varij M.J. Zagal'na psihologija: Pidruchnik. Kiev, 2007.

² См.: Kriminologija: Ucheb. / Pod red. V.V. Orehova. SPb., 1992. S. 90–91.

³ См.: Bandurka A.M., Denisova T.A., Trubnikov V.M. Obsbhaja teorija social'noj adaptacii osvobodzhdennyh ot otbyvanija nakazanja (pravovoj i social'no-psihologicheskij analiz ugovovno-ispolnitel'noj politiki po reabilitacii osuzhdennyh). Har'kov; Zaporozh'e, 2002. S. 66.

⁴ Hohrjakov G.F., Golubev V.P., Kudrjakov V.P. Lichnost' v uslovijah izoljacii ot obshhestva: znachenie social'no-psihologicheskikh zakonomernostej povedenija dlja ispolnenija nakazanja, ispravlenija i perevospitanija osuzhdennyh v ITU. M., 1983. S. 463.

⁵ Kushnar'ov S.V. Gerontologichni problemi penitenciarної теорії та практики // Problemi penitenciarної теорії та практики. 2000. № 5. С. 179–182.

⁶ Zakljuchennye, prigovorenyye k dlitel'nomu ili pozhiznennomu roku lishenija svobody: Inform. materialy. M., 2000.

⁷ Frolov O. Kriminologichna charakteristika osib, zasudzhenih do dovichnogo uv'jaznennja // Pozhiznennoe zakljuchenie: Mezhdunarodnye standarty i praktika v Ukraine i za rubezhom / Sost. A. P. Bukalov. Doneck, 2001.

⁸ См.: Hohrjakov G.F., Golubev V.P., Kudrjakov V.P. Lichnost' v uslovijah izoljacii ot obshhestva: znachenie social'no-psihologicheskikh zakonomernostej povedenija dlja ispolnenija nakazanja, ispravlenija i perevospitanija osuzhdennyh v ITU. S. 463.

⁹ См.: Averin V.A. Psihologija lichnosti: Ucheb. posobie. SPb., 1999.

¹⁰ См.: Lazurskij A.F. Ocherk nauki o harakterah. M., 1995.

¹¹ Mjasishhev V.N. Lichnost' i nevrozy. L., 1960.

¹² См.: Platonov K.K. Struktura i razvitie lichnosti. M., 1986.

¹³ Leont'ev A.N. Dejatel'nost', soznanie, lichnost'. M., 1975.

¹⁴ См.: Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste (psihologicheskoe issledovanie). M., 1968.

¹⁵ Uznadze D.N. Psihologicheskie issledovanija. M., 1966.

¹⁶ Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti / Pod. red. V.A. Jadova. L., 1979.

¹⁷ См.: Sulic'kij V. Social'no-psihologichni aspekti utrimannja zasudzhenih do dovichnogo pozbavlennja voli. www.politik.org.ua.

Психологические особенности несовершеннолетних преступников, влияющие на их ресоциализацию

С.В. МАРИШИН – старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье рассматриваются результаты исследования психологических особенностей несовершеннолетних преступников, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Предлагаются направления психокоррекционной работы для их ресоциализации.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; ресоциализация; психокоррекция; девиантные подростки; самосознание; самооценка; мотивационная сфера.

Psychological peculiarities of juvenile offenders, affecting their re-socialization

S.V. MARISHIN – senior teacher of the Department of juridical psychology and pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of psychological Sciences

The article considers results of research of psychological specifics of youth offenders serving a sentence of imprisonment. Offered directions of psycho-correction work for their re-socialization.

Key words: juvenile offenders; resocialization; psycho-correction; deviating teenagers; self-awareness; self-esteem; motivation sphere.

Рассматривая проблему преступности несовершеннолетних, мы акцентируем свое внимание не на тех внешних и внутренних факторах, которые привели подростка к преступлению, а на возможности ресоциализации несовершеннолетних, уже совершивших преступление и отбывающих наказание в виде лишения свободы. Для того чтобы разработать действенные меры психолого-педагогического характера, необходимо изучить психологические особенности данной категории преступников. В первую очередь следует учитывать их возрастные особенности.

В пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних содержатся правонарушители подросткового и раннего юношеского возрастов. А.Е. Личко, охватывая данный период развития, писал, что «в качестве общих особенностей этого возраста отмечается изменчивость настроения с переходами от безудержного веселья к унынию и сочетание ряда полярных качеств, выступающих попеременно. К ним относятся особая подростковая сензитивность – чувствительность к оценке другими своей внешности, способностей, умений и, наряду с этим, излишняя

самоуверенность и чрезмерная критичность в отношении окружающих. Тонкая чувствительность порой уживается с поразительной черствостью, болезненная застенчивость – с развязностью, желание быть признанным и оцененным другими – с подчеркнутой независимостью, борьба с авторитетами – с обожествлением случайных кумиров, чувственное фантазирование – с сухим мудрствованием»¹.

П.М. Якобсон утверждал, что подростковый возраст является переходным от детства к юношеству. В подростковом возрасте закладываются основы мировоззрения, формируются характер и другие психические особенности человека, которые оказывают существенное влияние на его поведение, образ мыслей, чувства и отношение к людям и окружающему миру. Однако подростку еще недостает собственного опыта для определения оптимальной модели поведения, поэтому склонность к подражанию является характерной особенностью этого возраста. В качестве объекта для подражания в первую очередь выбирается «сильная» личность, которая не всегда может служить положительным примером. Также для под-

ростка характерны легкая возбудимость, резкая смена настроений и переживаний. От тяжело переживаемой обиды он способен даже на самоубийство².

По мнению А.А. Реана, огромное значение в этом возрасте приобретает общение со сверстниками, которое становится острой потребностью подростка и связано с его многими переживаниями. Общение с товарищами – источник не только появления новых интересов, но и становления норм поведения³.

С.Л. Рубинштейн, характеризуя процесс формирования самосознания у подростков, выделяет его несколько ступеней – от наивного неведения в отношении себя к все более определенной и иногда резко колеблющейся самооценке⁴. Центр внимания подростков все более переносится от внешней стороны личности к внутренней, от более или менее случайных черт к характеру в целом. С этим связаны осознание, иногда преувеличенное, своего своеобразия и переход к духовным, идеологическим масштабам самооценки. В результате человек самоопределяется как личность на более высоком уровне.

Говоря о самооценке делинквентных подростков, мы обнаруживаем две противоположных точки зрения. А.Р. Ратинов утверждает, что неадекватная, завышенная самооценка, связанная с социальной дезадаптацией личности, создает достаточно широкую зону конфликтных ситуаций, а при определенных условиях способствует проявлению и делинквентного поведения подростка⁵. Вместе с тем, по мнению Г.К. Валицкас и Ю.Б. Гиппенрейтер, уровень самооценки у несовершеннолетних правонарушителей ниже, чем у правопослушных подростков⁶. По данным исследования А.А. Реана, уровень физической агрессии подростков коррелирует с уровнем общей самооценки личности⁷. Чем выше была самооценка, тем больше была выражена и склонность к проявлению физической агрессии.

Л. Берковитц ввел между фрустрацией и агрессивным поведением две переменные: гнев как побудительный компонент и пусковые раздражители, запускающие агрессивную реакцию⁸. Гнев возникает, когда достижение целей, на которые направлено действие субъекта, блокируется. Однако гнев сам по себе еще не ведет к агрессивному поведению. Для этого необходимы адекватные ему пусковые раздражители, которые субъект должен путем размыш-

ления связать с источником гнева, то есть с причиной фрустрации. Эту точку зрения также разделяют не все ученые. Так, А. Бандура считает, что эмоция гнева не является ни необходимым, ни достаточным условием агрессии⁹. Главная роль принадлежит, с его точки зрения, научению путем наблюдения за образцом, то есть подражания. В концепции А. Бандуры агрессивное поведение объясняется как с позиции теории научения, так и с позиции когнитивных теорий мотивации.

В.С. Мухина отмечает, что у подростка «чувства пылкие, подчас ничто не может остановить его в стремлении к избранной цели: для него не существует в этот миг ни нравственных препон, ни страха перед людьми и даже перед лицом смерти. Кроме собственной цели – весь мир ничто. Но уходит порыв. Расточительство душевной и физической энергии не проходит даром – вот он уже впал в оцепенение, он вял и бездействен. Он опустошен, и кажется, ничто не придаст ему сил. Но еще чуть-чуть – и он вновь охвачен страстью новой цели»¹⁰.

По своему строению мотивационная сфера подростков характеризуется не рядомположенностью мотивов, а их иерархической структурой, наличием определенной системы соподчинения различных мотивационных тенденций на основе ведущих общественно значимых и ставших ценными для личности мотивов. По механизму действия мотивы становятся не непосредственно действующими, а возникающими на основе сознательно поставленной цели и сознательно принятого намерения¹¹.

Так называемые немотивированные поступки, частые в подростковом возрасте, вовсе не беспричинны. Просто их мотивы вследствие тех или иных обстоятельств не осознаются подростком и не поддаются логическому анализу. Чтобы понять их, «следует четко разграничивать напряженность, а нередко и внутреннюю конфликтность психики подростка и социальную конфликтность поведения»¹².

В раннем юношеском возрасте завершается переходный период, устанавливается динамический стереотип, четче вырисовывается характер, он становится более устойчивым. Юноши действуют более осознанно, в их поступках проявляются организованность и уравновешенность, повышенный интерес к жизненным явлениям, у них возрастает чувство ответственности за свои поступки.

В связи с углублением мировоззрения в системе взглядов и убеждений целенаправ-

леннее проявляется воля, а характер приобретает ярко выраженные индивидуальные особенности.

Основное значение ранней юности в развитии человека определяется тем, что в этом возрасте он превращается в личность с определенными взглядами на жизнь и на свои обязанности¹³.

Воспитанникам воспитательных колоний в известной мере свойственны типовые особенности подросткового и юношеского возрастов, но они не могут быть механически положены в основу разработки методики педагогического воздействия на правонарушителей.

Психология несовершеннолетних правонарушителей, тем более подвергнутых уголовному наказанию в виде лишения свободы, очень сложна и имеет существенные особенности. Прежде всего, в воспитательных колониях содержатся лица, осужденные за преступления, педагогически запущенные, имеющие извращенные потребности и дурные наклонности, приобретенные в результате плохого воспитания, а иногда в результате отрицательного влияния преступной среды.

Им свойственны неуравновешенность, упрямство, импульсивность. Мотивы поведения в большинстве случаев неясны и противоречивы, внутренняя позиция замаскирована и нелегко обнаруживается, в силу чего не всякое педагогическое воздействие достигает своей цели. Многие из несовершеннолетних правонарушителей, особенно те, кто подвергался влиянию взрослых преступников, проявляют склонность к воровским обычаям и традициям, превратно понимают общественный долг, честь, романтику, проявляют браваду и ложный героизм, противопоставляют себя коллективу.

Характеристика личности несовершеннолетних в воспитательных колониях свидетельствует о том, что, хотя степень педагогической запущенности их может быть различна, всем им в той или иной мере присущи определенные антиобщественные наклонности, отрицательные черты характера, которые наряду с другими обстоятельствами сыграли определенную роль в совершении преступления.

В проведенном нами в 2009 г. исследовании принимали участие 113 осужденных Бобровской воспитательной колонии УФСИН России по Воронежской области, отбывающих наказание за различные виды преступлений. Для диагностики использовались следующие методики:

– многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В) И. Фаренберга, Х. Зарга, Р. Гампела;

– опросник агрессивности Басса – Дарки;

– тест А. Ассингера «Оценка агрессивности в отношениях»;

– тест «Самооценка психических состояний» (по Айзенку).

Анализ результатов психологического обследования по тесту «Многофакторный личностный опросник FPI» показал, что у 38,5% исследуемых высокий уровень невротизации личности, у 31,5% повышенный уровень психопатизации, создающий предпосылки для импульсивного поведения, у 11,2% обнаружено наличие признаков психопатологического депрессивного синдрома в эмоциональном состоянии, в поведении, отношений к себе и социальной среде. Треть исследуемых (35,3%) характеризуется неустойчивым эмоциональным состоянием со склонностью к аффективному реагированию. Не проявляют социальной активности, не имеют потребности в общении 28,4% осужденных; имеют низкую защищенность к воздействию стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, базирующуюся на слабой уверенности в себе, пессимистичности, 32,6%. У 31,4% воспитанников выявлен высокий уровень психопатизации, характеризующийся агрессивным отношением к социальному окружению и выраженным стремлением к доминированию, 25,3% осужденных предрасположены к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, протекающему по пассивно-оборонительному типу, имеет место тревожность, скованность, неуверенность, следствием чего являются трудности в социальных контактах. У 36,2% исследуемых выявлена неустойчивость эмоционального состояния, проявляющаяся в частых колебаниях настроения, повышенной возбудимости, раздражительности, недостаточной саморегуляции.

Психологическое обследование по тесту «Опросник агрессивности Басса – Дарки» показало следующие результаты: 20,6% исследуемых имеют низкий уровень агрессивности, 32,1% – высокий, 47,3% проявляют агрессивность в пределах нормы, у 48,1% воспитанников выявлен высокий уровень враждебности.

Анализируя результаты психологического обследования по тесту А. Ассингера «Оценка агрессивности в отношениях», мы видим, что 30,2% исследуемых излишне агрессивны, притом нередко бывают неуравно-

вешенными и жестокими по отношению к другим; 50,5% умеренно агрессивны, достаточно честолюбивы и самоуверенны; 19,3% чрезмерно миролюбивы, что обусловлено недостаточной уверенностью в собственных силах и возможностях. У 21% осужденных агрессивность носит скорее разрушительный, чем конструктивный характер: они склонны к непродуманным поступкам и ожесточенным дискуссиям, пренебрежительно относятся к людям и своим поведением провоцируют конфликтные ситуации, которых вполне могли бы избежать; 18,8% чрезмерно замкнуты.

Тест «Самооценка психических состояний» (по Айзенку) показал, что 27,3% исследуемых очень тревожны; 22,1% имеют низкую самооценку, избегают трудностей, боятся неудач, фрустрированы; 29,7% имеют высокую агрессивность, трудности при общении с людьми, не выдержанны; у 10,6% исследуемых отмечаются сильно выраженная ригидность, неизменность поведения, убеждений, взглядов.

Таким образом, по результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что

несовершеннолетние преступники, подвергшиеся влиянию криминальной субкультуры, испытывают психические состояния, негативно влияющие на способность полноценно функционировать в нашем обществе. Меры психологической коррекции, применяемые для ресоциализации подростков, совершивших преступления, должны быть направлены:

- на формирование установок на выявление позитивных личностных качеств, осознание особенностей своего поведения, обучение приемам управления состоянием гнева, развитие умения анализировать свою агрессию, находить выход из конфликтных ситуаций приемлемыми способами;
- развитие способности выявления индивидуальных особенностей общения, умения эмпатийного понимания, способности к самоанализу и рефлексии;
- формирование навыков освобождения от своих отрицательных эмоций, выработки уверенного поведения, снятия состояния тревожности;
- развитие способности самораскрытия, самоанализа и самокритики, осознания своей социальной роли.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Рук. для врачей. Л., 1979. С. 17–18.

² См.: Якобсон П.М. Чувства, их развитие и воспитание. М., 1976.

³ См.: Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб., 2002.

⁴ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 2.

⁵ См.: Ратинов А.Р. Социально-психологические аспекты юридической теории и практики // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983.

⁶ См.: Валицкас Г.К., Гиппенрейтер Ю.Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 45–55.

⁷ См.: Реан А.А. Агрессия в структуре поведения возбудимой и демонстративной личности // Ананьевские чтения – 97. СПб., 1997. № 2. С. 13–16.

⁸ См.: Берковитц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. М., 2002.

⁹ См.: Bandura A. Agression: A social learning analysis. N. Y., 1973.

¹⁰ Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М., 2002. С. 400.

¹¹ См.: Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

¹² Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л., 1979. С. 154.

¹³ См.: Левитов Н.Д. Детская и педагогическая психология. М., 1964.

¹ Lichko A.E. Podrozkovaja psihiatrija: Ruk. dlja vrachej. L., 1979. S. 17–18.

² Sm.: Jakobson P.M. Chuvstva, ih razvitie i vospitanie. M., 1976.

³ Sm.: Psihologija cheloveka ot rozhdenija do smerti / Pod red. A.A. Reana. SPb., 2002.

⁴ Sm.: Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii: V 2 t. M., 1989. T. 2.

⁵ Sm.: Ratinov A.R. Social'no-psihologicheskie aspekty juridicheskoj teorii i praktiki // Prikladnye problemy social'noj psihologii. M., 1983.

⁶ Sm.: Valickas G.K., Gippenrejter Ju.B. Samoocenka u nesovershennoletnih pravonarushitelej // Voprosy psihologii. 1989. № 5. S. 45–55.

⁷ Sm.: Rean A.A. Agressija v strukture povedenija vozбудимой i demonstrativnoj lichnosti // Anan'evskie chtenija – 97. SPb., 1997. № 2. S. 13–16.

⁸ Sm.: Berkovits L. Agressija: prichiny, posledstvija i kontrol'. M., 2002.

⁹ Sm.: Bandura A. Agression: A social learning analysis. N. Y., 1973.

¹⁰ Muhina V.S. Vozrastnaja psihologija: fenomenologija razvitija, detstvo, otrochestvo. M., 2002. S. 400.

¹¹ Sm.: Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M., 1968.

¹² Isaev D.N., Kagan V.E. Polovoe vospitanie i psihogigiena pola u detej. L., 1979. S. 154.

¹³ Sm.: Levitov N.D. Detskaja i pedagogicheskaja psihologija. M., 1964.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Проблемы становления службы пенитенциарных капелланов (священников) в России

Д.О. МАТВЕЕВ – адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена анализу проводимого Федеральной службой исполнения наказаний эксперимента по включению священников (капелланов) в штат исправительных учреждений и рассмотрению моделей дальнейшего сотрудничества религиозных организаций с учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: религиозные организации; традиционные конфессии; капелланы; координатор тюремного служения; Федеральная служба исполнения наказаний; модель взаимодействия.

Problems of the formation of the service of prison priests (chaplains) in Russia

D.O. MATVEEV – postgraduate student of the Chair of administrative law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to the analysis of the experiment conducted by the Federal Penal Service on the integration of the priests (chaplains) in the staff of the correctional institutions. The author considers some models of possible cooperation between religious organizations and penitentiary institutions.

Key words: religious organizations; traditional confession; priests (chaplains); coordinator of prison religious service; the Federal Penal Service; model of interaction.

Взаимодействие религиозных объединений с учреждениями и органами, исполняющими наказание, является важной предпосылкой совершенствования воспитательной работы с осужденными, способствует возвращению их в общество правопослушными гражданами¹. В мировой практике основной формой такого взаимодействия выступает организация работы капелланов (священников), представляющих различные религиозные конфессии.

С 2010 г. в уголовно-исполнительной системе России стартовал пилотный проект по включению священнослужителей в штат исправительных учреждений. Эксперимент проводится на базе УФСИН России по Рес-

спублике Мордовия (4 учреждения), Камчатскому краю (3 учреждения), Вологодской (5 учреждений) и Саратовской (4 учреждения) областям². С уверенностью сказать, оправдывает себя данный проект в целом или нет, на данный момент не представляется возможным: три года слишком маленький срок для того, чтобы выносить такую оценку.

Между тем на сегодняшний день существует ряд проблем, препятствующих воплощению данной идеи в жизнь. Попробуем их обозначить.

Первой и, пожалуй, основной проблемой является выплата жалования священнослужителям. В связи с тем что в бюджете на очередной финансовый год отсутствуют со-

ответствующая статья расходов³, денежное вознаграждение священникам, участвующим в реализации пилотного проекта, выплачивается из внебюджетных средств. При этом договор, который заключается на очередной календарный год, предусматривает оплату труда священнослужителя исходя из общего количества услуг, предоставленных в целях удовлетворения религиозных потребностей осужденных (например, количество отслуженных молебнов, число крещеных осужденных и т.д.), то есть гарантируемый размер месячного вознаграждения не устанавливается. Получается, что речь идет не о контракте, который заключается со всеми сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а о договоре оказания услуг, оплачиваемых в соответствии с прейскурантом, ориентированным на верующих осужденных. В связи с тем что в 2011 г. была осуществлена смена организационно-правовой формы исправительных учреждений (бюджетные учреждения стали учреждениями казенными)⁴, возможность изыскивать средства на оплату труда капелланов стала ограничена.

Для решения данной проблемы считаем целесообразным обратиться к опыту зарубежных государств. Оптимальной нам представляется практика, сложившаяся в Словацкой Республике, являющейся светским государством. Там принят закон «О финансовом обеспечении церкви и религиозных общин», согласно которому государство обязано обеспечивать церкви и религиозные общины средствами для выплаты заработной платы духовенству (включая базовый оклад, дополнительные выплаты за ранг и высокое качество исполнения своих трудовых обязанностей, отчисления в фонды социального страхования, здравоохранения и пенсионный фонд), в том числе работникам церковного управления и духовных образовательных учреждений, если они обратятся с соответствующим запросом. Так, заработная плата пастора Апостольской церкви в Словакии составляет 337,68 евро, а доплата за ранг в зависимости от важности выполняемых функций и нагрузки – от 16,60 до 39,84 евро в месяц⁵.

Вторая проблема связана с особенностями менталитета российских осужденных. В зарубежной практике капелланы нередко являются сотрудниками исправительных учреждений, совмещая функции по окормлению осужденных с обязанностями рядовых сотрудников⁶. При этом заключенные иностранных тюрем вполне лояльно отно-

сятся к проповедям таких капелланов, воспринимая их не как назидания со стороны администрации, а как душепопечительную деятельность. Зачастую капелланы сами не принимают непосредственного участия в отправлении богослужений, а приглашают для этого священнослужителей со стороны, поэтому для назначения на должность капеллана не обязательно быть священником, представляющим какую-либо из официально зарегистрированных конфессий, достаточно лишь благословения правящего архиерея.

В России же ситуация отличается от представленной кардинальным образом. Со времен царской России тюремный священник являлся практически единственным человеком, способным расположить к доверительной беседе арестанта. Лица, содержащиеся в местах заключения, охотно открывали свои сокровенные мысли священнику, будучи уверенными в том, что последний свято соблюдает тайну исповеди⁷. С распространением тюремных приходов в пореформенной России и привлечением церковных служителей к процессу окормления осужденных степень доверия к батюшке росла, и осужденные стали противопоставлять его сотрудникам исправительного учреждения, общение с которыми выстраивалось не всегда гладко. Нетрудно представить, как может измениться отношение осужденных к священнику в случае, если наряду с рясой он будет обязан носить форменную одежду, участвовать в обыскных мероприятиях и докладывать администрации о нарушениях окормляемых им осужденных.

Следовательно, чтобы изменить сформировавшееся мнение осужденных по данному вопросу, необходимо регулярно проводить с ними разъяснительные беседы о важности введения должности капеллана в исправительном учреждении и демонстрировать положительный опыт зарубежных стран.

Третью проблему представляет собой создание штата тюремных капелланов на фоне сокращения общей штатной численности личного состава. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., а также закон «О социальных гарантиях некоторых федеральных органов исполнительной власти»⁸ предполагают существенное повышение оплаты труда сотрудников. Как показала практика, для увеличения денежного довольствия требуется сокращение ряда

должностей. Подобные процессы характерны для МВД России, они имеют место и в структурных подразделениях Федеральной службы исполнения наказаний. Полагаем, что на фоне сокращения должностей, занимаемых сотрудниками, не имеющими дополнительного источника дохода, включение в штат исправительных учреждений тюремных священников будет выглядеть некорректно.

Как видим, сложившаяся на сегодняшний день модель взаимоотношений УИС с представителями религиозных организаций в рамках реализации вышеуказанного эксперимента обладает рядом недостатков. Поэтому считаем необходимым рассмотреть иные возможности дальнейшего развития взаимодействия уголовно-исполнительной системы с различными конфессиями.

1. *Представитель религиозной организации, включенный в штатное расписание исправительного учреждения* (данная модель существовала в дореволюционный период истории нашего государства). Предполагается, что штатный священнослужитель пенитенциарного (тюремного) храма находится на режимной территории исправительного учреждения, назначается по согласованию с религиозной организацией и руководством пенитенциарного учреждения, осуществляет на постоянной основе богослужебную деятельность и духовно-пастырское окормление по отношению к заключенным, сотрудникам учреждений и членам их семей. При этом возникает вопрос, как обеспечить присутствие в исправительном учреждении представителей различных религиозных организаций при современном многообразии конфессий. Решение предложили депутаты Государственной Думы Российской Федерации, которые внесли на обсуждение законопроект «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации». Традиционной религиозной организацией, согласно этому законопроекту, является зарегистрированная централизованная религиозная организация, действующая на территории Российской Федерации не менее 85 лет, состоящая из местных организаций, действующих на территории более 10 субъектов Российской Федерации, и признанная неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народов России⁹. Представляется, что в тех исправительных учреждениях, в которых отбывает наказание большинство представителей одной из традиционных религий,

должен включаться в штатное расписание священнослужитель именно этой конфессии (например, православный священник на Русском Севере, муфтий в республиках Северного Кавказа и т.д.). В случае если в исправительном учреждении число приверженцев конкретной религии невелико, священнослужители соответствующей конфессии могут привлекаться к сотрудничеству на волонтерских началах.

2. *Координатор тюремного служения* – штатный сотрудник УИС, как правило не имеющий принадлежности к той или иной религиозной организации. В своей работе подотчетен УФСИН России, непосредственно осуществляет взаимодействие с представителями всех конфессий на договорной (возмездной или безвозмездной) основе. Занимается координацией деятельности в сфере тюремного служения, а также организацией социальных проектов реабилитации (ресоциализации). Данная модель характерна для большинства зарубежных государств.

3. *Приходской пенитенциарный священнослужитель* – настоятель или штатный священник приходского храма, расположенного в непосредственной близости от учреждения УИС, которому по согласованию с руководством пенитенциарного учреждения поручено в качестве дополнительного к приходскому служению послушания осуществлять богослужебную деятельность и духовно-пастырское окормление в местах лишения свободы на периодической (внештатной для учреждения УИС) основе по отношению к заключенным, сотрудникам учреждений и членам их семей. Следует отметить, что данная модель успешно применяется в Российской Федерации с начала 90-х гг. прошлого столетия. При сложившейся социальной, экономической и политической ситуации, вызванной реформированием уголовно-исполнительной системы, она представляется наиболее приемлемой. Вместе с тем считаем целесообразным при ее реализации обеспечить обязательное членство священнослужителя в деятельности региональных общественных наблюдательных комиссий, общественных советов при территориальных органах УИС и попечительских организаций по защите достоинства, свобод и прав человека (проявление гражданской позиции священнослужителя, защита прав осужденных).

Таким образом, работа тюремных капелланов на сегодняшний день представляет перспективное направление взаимодействия

УИС с религиозными организациями. Однако проблемы, возникающие в процессе реализации эксперимента по включению священ-

нослужителей в деятельность исправительных учреждений на штатной основе, требуют пересмотра модели взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аналитическая справка НИИ ФСИН России. <http://www.pobeda.ru/zoNee/iNedex.html>

² См.: Синодальный отдел Московского патриархата по тюремному служению – основные направления работы и деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 2. С. 31.

³ См.: Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 371-ФЗ (ред. от 03.12.2012 г.) «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» // Российская газета. 2011. 7 дек.

⁴ См.: Федеральный закон от 08.05.2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // Российская газета. 2010. 1 янв.

⁵ См.: Агафонова А.А. Бюджетное финансирование деятельности религиозных объединений: сравнительно-правовое исследование // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 3. С. 3–6.

⁶ См.: Международный опыт взаимодействия религиозных организаций и пенитенциарных учреждений // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 4. С. 44–45.

⁷ См.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества: Учеб. пособие. Вологда, 2006. С. 26.

⁸ См.: Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7608.

⁹ См.: Колупаева Т.В. О регистрации религиозных организаций органами юстиции Российской Федерации // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2005. № 11. С. 47.

¹ См.: Аналитическая справка НИИ ФСИН России. <http://www.pobeda.ru/zoNee/iNedex.html>

² См.: Sinodal'nyj otdel Moskovskogo patriarhata po tjuremnomu sluzheniju – osnovnye napravlenija raboty i dejatel'nosti // Vedomosti ugotovno-ispolnitel'noj sistemy. 2011. № 2. S. 31.

³ См.: Federal'nyj zakon ot 30.11.2011 g. № 371-FZ (red. ot 03.12.2012 g.) «O federal'nom bjudzhete na 2012 god i na planovyj period 2013 i 2014 godov» // Rossijskaja gazeta. 2011. 7 dek.

⁴ См.: Federal'nyj zakon ot 08.05.2010 g. «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s sovershenstvovaniem pravovogo polozhenija gosudarstvennyh (municipal'nyh) uchrezhdenij» // Rossijskaja gazeta. 2010. 1 janv.

⁵ См.: Agafonova A.A. Bjudzhetnoe finansirovanie dejatel'nosti religioznych ob#edinenij: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2012. № 3. S. 3–6.

⁶ См.: Mezhdunarodnyj opyt vzaimodejstvija religioznych organizacij i penitenciarных uchrezhdenij // Vedomosti ugotovno-ispolnitel'noj sistemy. 2005. № 4. S. 44–45.

⁷ См.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugotovno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva: Ucheb. posobie. Vologda, 2006. S. 26.

⁸ См.: Federal'nyj zakon ot 30.12.2012 g. № 283-FZ «O social'nyh garantijah sotrudnikam nekotoryh federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2012. № 53 (Ch. 1). St. 7608.

⁹ См.: Kolupaeva T.V. O registracii religioznych organizacij organami justicii Rossijskoj Federacii // Bjulleten' Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii. 2005. № 11. S. 47.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Создание вологодского пересыльного тракта колодников в XVIII в.

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье выявляются основные предпосылки создания вологодского пересыльного тракта в первой половине XVIII в., раскрываются особенности этого процесса и роль в нем государства и церкви.

Ключевые слова: колодники духовного ведомства; вологодский пересыльный тракт; Тайная канцелярия; ямская подвода; безумные колодники; конвой; кормовые деньги; пересылка заключенных.

On the issue of the appearance of the Vologda transit route for convicts in the XVIII century

A.R. PAVLUSHKOV – an associate professor of the Chair of Philosophy and History, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (History)

The article describes the basic preconditions for the appearance of the Vologda transit route for convicts in the 1st half of the XVIII century, the State's and the Church's role in this process, as well as its features.

Key words: convicts of the Spiritual Department; the Vologda transit route; the Secret Chancery; The Yamskaya Cart (Supply); mad convicts in the stocks; escort; forage money; shipment of prisoners.

Обращение к вопросу отправки колодников по вологодскому тракту представляет научный интерес в силу того, что научных публикаций, посвященных периоду его создания, нет. Сложившееся представление о Вологде как транспортной пересыльной развязке относится к XIX в. Между тем уже в начале XVIII в. имелись предпосылки для превращения города в важнейший транспортный узел, через который осуществлялась дальнейшая переправка колодников на север и восток страны.

Отправка колодников духовного ведомства в XVIII в. имела свои специфические особенности, понять и выявить которые можно только при внимательном изучении архивных документов. Вологодский колодничий тракт стал формироваться еще в XVI в., когда

впервые возникла государственная тюрьма, располагавшаяся на территории Соловецкого монастыря. Путь государственных преступников¹ в Архангельск проходил через Вологду, значение которой в этой связи постепенно стало возрастать. В XVII–XVIII вв. практика ссылки преступников значительно расширилась, что объяснялось формированием основных черт абсолютизма и, как следствие, усилением карательных функций государства². В качестве мест заключения интенсивнее стали использоваться северо-западные монастыри, обладавшие необходимыми средствами для изоляции преступников³. Вологда постепенно превратилась в важнейший центр пересыльного тракта.

Усилению роли Вологды в деле контроля над пересыльными колодниками способ-

ствовало и то обстоятельство, что в указанный период ссылку как форму наказания активно использовала и Русская православная церковь в борьбе со своими противниками, особенно с приверженцами раскола⁴. Несмотря на принципиальное расхождение в подходах государства и церкви к пониманию и назначению наказания, оба они широко использовали ссылку, что в итоге привело к появлению разнообразных форм монастырского заключения⁵. Вологодские обители стали активно использоваться в пенитенциарных целях.

По линии духовного ведомства контроль за пересыльными возлагался на епархиального архиерея⁶. 2 сентября 1721 г. Правительствующий Синод утвердил маршрут колодников духовного ведомства из Санкт-Петербурга на Соловки. Он проходил через Ладугу и Вологду, его протяженность составляла 670 верст. Основанием для постановления послужила передача из Тайной канцелярии двух «обнаженных колодников»⁷ – монаха Макария и попа Федора. После пыточного расспроса их приговорили к вечному заключению в Соловецкой тюрьме. По указанию Тайной канцелярии они были переведены в Синод, которому поручалось произвести их этапирование. Формально Синод не подчинялся Тайной канцелярии, однако зловещая тень этой всевластной государственной организации пугала всех подданных⁸. Синод, только что ставший одновременно и государственным, и церковным органом, вынужден был подчиниться распоряжению. Духовное правительство столкнулось с серьезной проблемой, так как в указе ничего не говорилось о том, каким образом должна осуществляться транспортировка осужденных, ничего не сообщалось и о маршруте передвижения. Синод не решился даже обратиться в Тайную канцелярию с соответствующим запросом⁹, однако именно это обстоятельство заставило его впервые вплотную заняться организацией отправки колодников.

Принцип унификации, характерный для централизованного государства, при формировании нормативно-правовой базы относительно колодников духовного ведомства был основным. В данном случае Синодом были продублированы и несколько конкретизированы императорские указы, касавшиеся пересылки осужденных. Транспортировка осужденных осуществлялась на ямских подводах гражданского ведомства. В основу определения штатности подвод было положено не количество отправляемых

осужденных, а отдельное передвижение охраны и колодников. Это приводило к тому, что на одной подводе могло переправляться различное количество колодников, что часто приводило к перегрузу транспорта. В 1723 г. согласно утвержденному реестру Синод располагал уже 115 ямскими подводами, деньги на содержание которых выдавались Штатс-конторой¹⁰. Они использовались как для почтовой переписки, так и для переправки колодников. Размер кормовых денег для колодников изменялся в зависимости от удаленности от центра. Устанавливался следующий тариф из расчета на одну подводку: 1 деньга на 1 версту от Санкт-Петербурга до Ладуги (130 верст), 6 денег на 10 верст от Ладуги до Вологды (540 верст), всего 4 руб. 16 алтын 4 деньга¹¹. Вопреки сложившемуся мнению тариф по мере удаления от центра не увеличивался, а уменьшался (до Ладуги – 1 деньга с версты, после 0,6 деньга). Объяснялось это тем, что цены в провинции были ниже, а значит, по мысли законодателя, покупка продовольствия для колодников и конвоя должна была обходиться дешевле. В дальнейшем раскладка тарифов по вологодскому тракту была унифицирована в зависимости от времени года. Так, плата за использование лошадей и подвод для перевозки колодников составляла зимой 1 деньгу, летом 1 копейку за каждую версту¹². Примечательно то, что постановление Синода предписывало во время ночевки на открытом пространстве охране спать вперемешку с колодниками для предотвращения случаев бегства¹³.

Постановление четко определяло статус Вологды на пути передвижения колодников: она являлась «водоразделом» транспортного пути. После прибытия в Вологду половина подвод возвращалась обратно в Санкт-Петербург или Москву, а в Вологде формировался новый конвой. На возвращение одной подводки выдавалось 2 руб. 8 алтын 2 деньга. Возвращались только подводки с солдатами. Вторая их часть (с колодниками) оставалась в распоряжении духовного правления или светских властей, что оговаривалось в сопроводительных документах. По всей вероятности, после проверки технического состояния они также использовались для транспортировки. Дальнейшее передвижение колодников (от Вологды до Холмогор) документально не регламентировалось, однако предписание заставляло вологодские власти отправлять их «чем позволено будет», что фактически означало, что последующая пересылка мог-

ла осуществляться в любой форме. Синод также подтверждал право светских команд¹⁴ требовать подводы у церковных властей, если на маршруте передвижения колодников отсутствовали ямы. Им разрешалось в патриарших, архиерейских и монастырских землях самостоятельно нанимать транспорт и запрещалось злоупотреблять своими правами. В частности, вопрос о предоставлении подвод старший светской команды обязан был согласовывать с местными духовными властями¹⁵. Однако требование не брать лишних подвод у местного населения юридически не было закреплено, что приводило к всевозможным нарушениям. Об этом свидетельствуют жалобы со стороны местного населения и духовных властей на действия конвоя, который обвинялся в произволе при добыче провианта и незаконном сборе денежных средств в провинции¹⁶. Известны и такие вопиющие случаи, когда конвой отпускал колодников за вознаграждение.

12 декабря 1721 г. сбежал колодник приказа Церковных дел крестьянин Вологодского уезда, обвинявшийся в причастности к расколу. В качестве официальной причины назывался плохой контроль со стороны конвойной команды. Однако последовавшее за этим постановление проливает свет на возможные истинные обстоятельства бегства. В Синоде обсуждался вопрос о плохом несении караульной службы во время транспортировки и охраны колодников. В числе аргументов были озвучены десять фактов, когда охранники за взятку отпускали колодников на свободу или совершали кражи вещей у местного населения¹⁷. Разумеется, некоторые колодники бежали по причине элементарной безалаберности охраны, используя для этого всевозможные подходящие моменты: мытье в бане, ночевки в лесу¹⁸. Тем не менее надо признать, что большая часть побегов происходила из-за злоупотребления служебным положением со стороны охраны. Как правило, виновных в совершении побегов наказывали и отправляли в Военную коллегию или губернскую канцелярию, которая производила соответствующее расследование. На место прежних охранников присылали новых военных, однако дисциплинарные нарушения продолжались и приобретали хронический характер, что дезорганизовывало работу по пересылке колодников. Синод стал заложником сложившейся ситуации, так как собственными средствами для охраны колодников не располагал, а присылаемых из Военной коллегии охранников не хватало.

Отправка колодников из Вологды производилась на основании сопроводительных документов. Содержание колодников в пути осуществлялось за счет государства (за исключением тех случаев, когда ссылка духовенства назначалась за дисциплинарные нарушения). При отправке колодников из Вологды в Архангельск разрешалось брать подводы у местного податного населения. Они предоставлялись сельскими жителями по принципу круга (по очереди каждой семьей) в соответствии с утвержденным тарифом. В иных случаях допускалась возможность приобретать транспорт для колодников и у «охочих» (то есть желающих) по взаимной договоренности. Закон не устанавливал ценовых пределов, однако за основу брались государственные тарифы по аренде лошадей на дальние расстояния и местные рыночные цены¹⁹.

Сумма прогонных денег на пересылку по вологодскому тракту первоначально формировалась спонтанно, и длительное время соответствующей бюджетной статьи не предусматривалось. Когда накапливалось известное количество колодников для отправки, Синод делал соответствующий запрос либо в Сенат, либо непосредственно в Штатс-контору, которая выдавала кормовые деньги²⁰. При отправке колодников высокого ранга соблюдался особый режим охраны, а денежное содержание устанавливалось в зависимости от положения и характера обвинения. Например, сосланный в Вологду архиепископ Георгий (в заключении Гедеон) был отправлен к месту заключения в сопровождении не только охраны, но и нескольких слуг²¹. Епископу Вологодскому Афанасию Синод дал предписание оказать содействие в доставке знатного колодника на Спасо-Каменный остров с учетом его высокого статуса²². Это обстоятельство в дальнейшем дало обратный эффект. Неукоснительно соблюдая требования Синода, Афанасий позволил узнику пребывать относительно свободно. К Гедеону за благословением стали приезжать сотни людей. На Гедеона начали поступать доносы, было инициировано повторное следствие, в процессе которого вологодский епископ едва не лишился должности за недостаточный контроль над заключенным²³. По вновь открытым обстоятельствам для сопровождения двоих обвиняемых было послано шесть подвод с солдатами. Они должны были доставить их из Вологды в Синод. Транспортная инструкция, выданная капралу, требовала от охраны «спешить в скорости», беречь арестованных,

«дабы утечки здоровью своему не учинили». Сопровождающему копиисту запрещалось брать взятки и вести разговоры под страхом ссылки на галеры²⁴.

Усилению роли Вологды как локально-регионального тюремного центра способствовал перевод туда колодников из Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости²⁵, на территории которой располагались Тайная канцелярия и первая следственная тюрьма, открытая в 1717 г.²⁶ Обвиняемые в совершении государственных преступлений размещались в колодничьих палатах и казематах Санкт-Петербургской крепости²⁷. Однако первое размещение колодников там началось гораздо раньше, для чего строились специальные деревянные клетки, не имевшие ни окон, ни дверей, куда подозреваемых спускали сверху по лестнице²⁸. После правежа (пытки) в «судейской светлице»²⁹ многие заключенные становились инвалидами и сумасшедшими – Тайная канцелярия хотела поскорее от них избавиться. Переизбыток колодников поставил Тайную канцелярию перед необходимостью перевести часть из них в другие места. Для реализации этой задачи были выбраны Вологодская и Казанская епархии. Синоду было дано поручение подыскать подходящие для размещения колодников монастыри. Первых колодников из Санкт-Петербурга стали отправлять в Вологду в 1727 г. В тексте постановления прямо констатируется, что они «впали в безумство» во время следствия. Отправляя их в Вологду, Синод дал указание архиерею разместить их в монастыре и лично контролировать их содержание. Ему предписывалось также подготовить инструкцию для настоятеля монастыря, в котором будут размещаться колодники,

запрещающую слушать «безумные речи» и по этому поводу писать на них доносы³⁰.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно констатировать, что в первой четверти XVIII в. были созданы предпосылки для оформления вологодского пересыльного тракта для колодников:

- начала усиливаться роль Вологды как важнейшего транспортного узла, через который осуществлялось движение на север и восток – в направлении потенциальных территориальных анклавов для активного применения ссылки в форме наказания;

- к XVIII в. сложилась традиция пересылки колодников в Соловецкую тюрьму именно через Вологду, а судебная практика привела к необходимости ее нормативного закрепления;

- в рассматриваемый период была более четко разграничена судебная юрисдикция церкви и государства, что заставило Русскую православную церковь разработать механизм отправки колодников как духовного ведомства, так и гражданских инстанций;

- законодательно за Вологдой закрепился статус локально-регионального тюремного центра, где шло формирование конвойных команд для дальнейшей транспортировки колодников, одновременно город стал активнее использоваться как место ссылки, что соответствовало карательным задачам уголовно-исполнительной политики абсолютистского государства³¹;

- в 1720-е гг. государство осуществило перевод в Вологодскую епархию части колодников, не выдержавших пыток и по этой причине сошедших с ума. Ссылка безумных колодников на длительное время стала визитной карточкой региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В XVI–XVII вв. понятие «государственный преступник» было условным. Несмотря на то что второй Судебник и Соборное уложение давали квалификацию некоторых видов государственных преступлений, на практике перечень их был значительно шире. Обвинить в государственном преступлении могли за инакомыслие, донос, «царскую немилость», опалу по причине участия в политической борьбе и др.

² См.: Законодательство Петра I / Под ред. А.А. Преображенского. М., 1998. С. 344–346.

³ См.: Павлушков А.Р. Северные монастыри XVIII–XIX вв. в российской системе наказания. Критерии к оценке монастыря как пенитенциарного учреждения // Проблемы совершенствования подготовки кадров и развития научно-исследовательской деятельности в образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 18–19 февраля 2000 г.): В 2 ч. Вологда, 2002. Ч. 1. С. 95–100.

⁴ См.: Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление в России института ссылки как вида наказания // История государства и права. 1999. № 4. С. 13–16.

¹ В XVI–XVII вв. понятие «gosudarstvennyj prestupnik» bylo uslovnyj. Nesmotrja na to chto vtoroj Sudebnik i Sobornoe ulozhenie davali kvalifikaciju nekotoryh vidov gosudarstvennyh prestuplenij, na praktike perechen' ih byl znachitel'no shire. Obvinit' v gosudarstvennom prestuplenii mogli za inakomyслиe, donos, «carskuju nemilost'», opalu po prichine uchastija v politicheskoj bor'be i dr.

² См.: Zakonodatel'stvo Petra I / Pod red. A.A. Preobrazhenskogo. M., 1998. S. 344–346.

³ См.: Pavlushkov A.R. Severnye monastyri XVIII–XIX vv. v rossijskoj sisteme nakazanija. Kriterii k ocenke monastyrja kak penitenciar'nogo uchrezhdenija // Problemy sovershenstvovanija podgotovki kadrov i razvitija nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii: Sb. materialov mezhvuz. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 18–19 fevralja 2000 g.): V 2 ch. Vologda, 2002. Ch. 1. S. 95–100.

⁴ См.: Rasskazov L.P., Uporov I.V. Stanovlenie v Rossii instituta ssylki kak vida nakazanija // Istorija gosudarstva i prava. 1999. № 4. S. 13–16.

⁵ Артикул воинский (1715 г.) монастырское заключение определял как дополнительную меру к основному наказанию за некоторые виды уголовных, государственных и церковных преступлений. Этот подход сохранялся до конца XIX в., при этом менялись составы и субъекты. Однако в действительности все было гораздо сложнее, а практика монастырской ссылки была более разнообразной, что подкреплялось решениями конкретных судебных дел.

⁶ Епархиальный архиерей – должностное лицо в церковной иерархии, осуществлявшее общее руководство над вверенной ему епархией. Помимо административных он обладал судебными и надзорными полномочиями, в том числе и по контролю за передвижением ссыльных духовного ведомства.

⁷ «Обнаженными колодниками» называли преступников из числа духовенства, которых лишали церковных званий. Это предпринималось в тех случаях, когда по отношению к обвиняемым применяли пытки при подозрении их в совершении государственных преступлений. Применять пытку к представителям духовенства можно было только после снятия духовного сана.

⁸ См.: Семевский М.Н. Тайная служба Петра I: Документальные повести / Сост. О.А. Яновский. Минск, 1993.

⁹ Через несколько лет, когда Синод уже состоялся и сложился в самостоятельный институт, споры по вопросам отправки колодников с Тайной канцелярией у него возникали часто. Более того, были случаи, когда он отказывался принимать колодников, присылаемых из Тайной канцелярии, ссылаясь на императорские указы.

¹⁰ См.: ПСРПС. Т. 3. № 1040.

¹¹ См.: Там же. Т. 1. № 227. С. 278–279.

¹² См.: Там же. Т. 5. № 1565. С. 103.

¹³ См.: Там же. Т. 2. № 914. С. 613.

¹⁴ Светская команда – организованная группа из военных, собираемая для выполнения различных целей (поиск беглых, сопровождение важных колодников, проведение дознания по требованиям Синода или Сената). В состав светских команд могли входить и духовные лица, когда решение вопросов предполагало совмещение ведомственных интересов, например при выявлении раскольников.

¹⁵ См.: ПСРПС. Т. 1. № 227. С. 280.

¹⁶ См.: Там же. Т. 2. № 723. С. 412–413.

¹⁷ См.: Там же. № 914.

¹⁸ См.: Там же. Т. 7. № 2348. С. 124–125.

¹⁹ См.: Там же. Т. 5. № 1565. С. 103.

²⁰ См.: Там же. Т. 3. № 1040. С. 76.

²¹ См.: Там же. Т. 7. № 2382.

²² См.: Там же. № 2411.

²³ См.: Там же. № 2513.

²⁴ См.: Там же. № 2512. С. 395.

²⁵ По всем документам XVIII в. Петропавловская крепость проходит под названием Санкт-Петербургская. Это ее официальное название, закрепленное в момент ее строительства, в 1703 г. В 1917 г. она была переименована в Петропавловскую. Однако в народе она так называлась уже два столетия, что связывалось с церковным праздником Петра и Павла, во время которого началось строительство крепости, и с воздвигнутым в их честь собором на ее территории.

²⁶ Благодаря этой дате возникло и другое название Санкт-Петербургской крепости – Русская Бастилия, введенное в оборот иностранными послами после ее посещения по настоянию Петра I.

²⁷ См. подр.: Бастарева Л.И., Сидорова В.И. Петропавловская крепость. Л., 1978.

²⁸ См.: <http://drakanc.ru/istoricheskie-zametki/zametki-voennogo-istorika/2161>

²⁹ Так в документах называлось помещение Санкт-Петербургской крепости, где происходил пыточный расспрос по делам, относящимся к ведомству Тайной канцелярии.

³⁰ См.: ПСРПС. Т. 6. № 2084.

³¹ См.: Спицнадель В.Б. Генезис уголовно-исполнительного права в контексте становления и эволюции пенитенциарной системы России: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 20–22.

⁵ Artikel voinskij (1715 g.) monastyrskoe zakljuchenie opredeljal kak dopolnitel'nuju meru k osnovnomu nakazaniju za nekotorye vidy ugovolnyh, gosudarstvennyh i cerkovnyh prestuplenij. Jetot podhod sohranjalsja do konca XIX v., pri jetom menjalis' sostavy i sub#ekty. Odnako v dejstvitel'nosti vse bylo gorazdo slozhnee, a praktika monastyrskoj ssylki byla bolee raznobraznoj, chto podkrepljalos' reshenijami konkretnyh sudebnyh del.

⁶ Eparhial'nyj arhieriej – dolzhnostnoe lico v cerkovnoj ierarhii, osushhestvjavshee obshhee rukovodstvo nad vverennoj emu eparhiej. Pomimo administrativnyh on obladal sudebnymi i nadzornymi polnomochijami, v tom chisle i po kontrolju za peredvizheniem ssyl'nyh duhovnogo vedomstva.

⁷ «Obnazhennymi kolodnikami» nazyvali prestupnikov iz chisla duhovenstva, kotoryh lishali cerkovnyh zvanij. Jeto predprinimalos' v teh sluchajah, kogda po otnosheniju k obvinjaemym primenjali pytki pri podozrenii ih v sovershenii gosudarstvennyh prestuplenij. Primenjat' pytku k predstaviteljam duhovenstva možno bylo tol'ko posle snjatija duhovnogo sana.

⁸ Sm.: Semevskij M.N. Tajnaja sluzhba Petra I: Dokumental'nye povesti / Sost. O.A. Janovskij. Minsk, 1993.

⁹ Cherez neskol'ko let, kogda Sinod uzhe sostojalsja i slozhilsja v samostojatel'nyj institut, spory po voprosam otpravki kolodnikov s Tajnoj kanceljariej u nego vznikali chasto. Bolee togo, byli sluchai, kogda on otkazyvalsja priminat' kolodnikov, prisylaemyh iz Tajnoj kanceljarii, ssylajas' na imperatorskie ukazy.

¹⁰ Sm.: PSRPS. T. 3. № 1040.

¹¹ Sm.: Tam zhe. T. 1. № 227. S. 278–279.

¹² Sm.: Tam zhe. T. 5. № 1565. S. 103.

¹³ Sm.: Tam zhe. T. 2. № 914. S. 613.

¹⁴ Svetskaja komanda – organizovannaja gruppa iz voennyh, sobiraemaja dlja vypolnenija razlichnyh celej (poisk beglyh, soprovozhdenie vazhnyh kolodnikov, provedenie doznania po trebovanijam Sinoda ili Senata). V sostav svetskih komand mogli vhodit' i duhovnye lica, kogda reshenie voprosov predpolagalo sovmeshhenie vedomstvennyh interesov, naprimer pri vyjavlenii raskol'nikov.

¹⁵ Sm.: PSRPS. T. 1. № 227. S. 280.

¹⁶ Sm.: Tam zhe. T. 2. № 723. S. 412–413.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. № 914.

¹⁸ Sm.: Tam zhe. T. 7. № 2348. S. 124–125.

¹⁹ Sm.: Tam zhe. T. 5. № 1565. S. 103.

²⁰ Sm.: Tam zhe. T. 3. № 1040. S. 76.

²¹ Sm.: Tam zhe. T. 7. № 2382.

²² Sm.: Tam zhe. № 2411.

²³ Sm.: Tam zhe. № 2513.

²⁴ Sm.: Tam zhe. № 2512. S. 395.

²⁵ Po vsem dokumentam XVIII v. Petropavlovskaja krepost' prohodit pod nazvanijem Sankt-Peterburgskaja. Jeto ee oficial'noe nazvanie, zakreplennoe v moment ee stroitel'stva, v 1703 g. V 1917 g. ona byla pereimenovana v Petropavlovskuju. Odnako v narode ona tak nazyvalas' uzhe dva stoletija, chto svjazyvalos' s cerkovnym prazdnikom Petra i Pavla, vo vremja kotorogo nachalos' stroitel'stvo kreposti, i s vozdvignutym v ih chest' soborom na ee territorii.

²⁶ Blagodarja jetoj date vzniklo i drugoe nazvanie Sankt-Peterburgskoj kreposti – Russkaja Bastilija, vvedennoe v oborot inostrannymi poslami posle ee poseshhenija po nastojaniju Petra I.

²⁷ Sm. podr.: Bastareva L.I., Sidorova V.I. Petropavlovskaja krepost'. L., 1978.

²⁸ Sm.: <http://drakanc.ru/istoricheskie-zametki/zametki-voennogo-istorika/2161>

²⁹ Tak v dokumentah nazyvalos' pomeshhenie Sankt-Peterburgskoj kreposti, gde proishodil pytochnyj rasspros po delam, odnosjashimsja k vedomstvu Tajnoj kanceljarii.

³⁰ Sm.: PSRPS. T. 6. № 2084.

³¹ Sm.: Spicnadel' V.B. Genezis ugovolno-ispolnitel'nogo prava v kontekste stanovlenija i jevoljucii penitenciarnoj sistemy Rossii: Dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2004. S. 20–22.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Уголовно-исполнительное законодательство Баварии

А.В. СЕРЕБРЕННИКОВА – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук

В статье рассматривается опыт уголовно-исполнительной кодификации Германии. Основное внимание автор уделяет Закону Баварии об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы, являющемуся источником той части германского уголовно-исполнительного права, которая регулирует общественные отношения, возникающие в процессе реализации указанных наказания и мер (Strafvollzugsrecht).

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовно-исполнительное законодательство Германии; кодификация; лишение свободы; уголовно-исполнительное законодательство Баварии.

Bavaria penal legislation

A.V. SEREBRENNIKOVA – professor of the Chair of criminal law and criminology of law faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law

The article deals with the experiment of penal codification in Germany. Great attention is paid to the Bavaria Law on imprisonment and measures of correction and security, related to imprisonment, which is the source of the part of German penal legislation governing social relations that arise during the implementation of mentioned penalty and measures.

Key words: German penal legislation; codification; imprisonment; Bavaria penal legislation.

В последнее время в российском уголовно-исполнительном праве высказывается дискуссионная, на наш взгляд, точка зрения о необходимости полной кодификации уголовно-исполнительного законодательства России. Поэтому весьма актуальным является изучение опыта уголовно-исполнительной кодификации зарубежных стран, в том числе Германии.

Спецификой германского уголовно-исполнительного права, согласно терминологии, используемой российскими правоведом, является то, что оно состоит из двух самостоятельных частей, имеющих свои источники. Первая регулирует общественные отношения, возникающие в процессе исполнения наказания и мер исправления и безопасности, не связанных с лишением свободы (Strafvoll-

streckungsrecht), вторая – общественные отношения, возникающие в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы (Strafvollzugsrecht). В данной статье основное внимание будет уделено последней. На федеральном уровне ее источником является закон, который носит соответствующее название (Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßregeln der Besserung und Sicherung, сокращенно – Strafvollzugsgesetz или StVollzG). Он был принят 16 марта 1976 г. и вступил в силу 1 января 1977 г.¹ Сфера его применения определена в § 1: исполнение наказаний в виде лишения свободы в учреждениях исполнения наказаний и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы².

В ходе проводимой так называемой реформы федерализма, основная сущность которой заключается в передаче законодательных полномочий федерации федеральным землям, уголовно-исполнительные законы земель заменят действующий федеральный закон об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы (Strafvollzugsgesetz). По состоянию на 27 июля 2011 г. уголовно-исполнительные законы были приняты лишь в некоторых федеральных землях: Баварии (GVBl. 2007, S. 866), Баден-Вюртемберге (GBl. 2009, S. 545), Гамбурге (HmbGVBl. 2009, S. 257), Гессене (Hessisches Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der Sicherungsverwahrung vom 28. Juni 2010, GVBl. IS. 185) и Нижней Саксонии (NdsGVBl. Nr. 41/2007, S. 720). Десять других федеральных земель в сентябре 2011 г. разработали Примерный проект для единого закона исполнения наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы, который должен быть обсужден в местных парламентах и стать основой для принятия соответствующих законов земель³.

Предметом нашего анализа станет Закон Баварии об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы (Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe, der Jugendstrafe und der Sicherungsverwahrung (Bayerisches Strafvollzugsgesetz – BayStVollzG) vom 10. Dezember 2007).

Структурно рассматриваемый закон делится на семь частей: «Сфера применения», «Исполнение наказания в виде лишения свободы», «Исполнение наказания в виде лишения свободы, применяемое в отношении несовершеннолетних», «Особые предписания по исполнению превентивного заключения», «Учреждения, исполняющие наказания», «Исполнение ареста, акты, защита данных, страхование безработных», «Заключительные положения».

В ст. 1 закона определено, что он регулирует исполнение наказания в виде лишения свободы, исполнение данного наказания в отношении несовершеннолетних, а также превентивное заключение и арест в учреждениях органов юстиции, исполняющих наказания.

Далее мы остановимся подробнее на некоторых наиболее важных правовых нормах, регулирующих основные положения исполнения наказания в виде лишения свободы, которые содержатся в ч. 2 закона. Ее структура образуют 16 разделов: «Основные на-

чала исполнения наказания в виде лишения свободы», «Исполнение наказания в виде лишения свободы», «Планирование наказания в виде лишения свободы», «Размещение и питание заключенных», «Свидания, переписка, отпуска, выезды из исправительного учреждения и конвоирование по особым поводам», «Труд и обучение», «Денежные средства заключенных», «Отправление религиозных культов», «Медицинское обеспечение», «Свободное время», «Социальная и психологическая помощь», «Особые положения, регулирующие отбывание наказания в виде лишения свободы женщинами», «Безопасность и соблюдение порядка в исправительном учреждении», «Непосредственное принуждение», «Дисциплинарные меры», «Жалобы и ответственность заключенных», «Социально-терапевтические учреждения».

Целями исполнения наказания в виде лишения свободы признаются защита общества от совершения преступных деяний в дальнейшем и исправление осужденных, которое заключается в воспитании способности быть социально ответственными после отбывания наказания, не совершать преступных деяний. Подчеркнем, что речь идет не о целях наказания, а о целях его исполнения.

В ст. 3 указывается: обращение с заключенным при исполнении наказания в виде лишения свободы включает в себя все меры, которые способны содействовать тому, чтобы он в будущем не совершал преступных деяний. Обращение с осужденным служит целям предупреждения дальнейших преступных деяний и защите жертвы преступления. Оно включает в себя, в частности, общее и профессиональное образование, труд, психологические и социально-педагогические меры, духовное наставничество и организацию свободного времени. Вид и объем мер обращения с заключенным ориентированы на особенности его личности.

Защита общества от дальнейших преступлений достигается путем безопасного размещения заключенных и надзора за ними, проверки применяемых к ним в процессе исполнения наказания мер, а также посредством реализации мер обращения.

Организация исполнения наказания (ст. 5 рассматриваемого закона) предполагает, что условия жизни в заключении будут соответствовать нормальным⁴ или по возможности приближаться к ним. При этом должны учитываться вредные последствия лишения свободы. Исполнение наказания направлено на то, чтобы помочь заключенному ресоциализироваться после освобождения.

Законодательное закрепление положения осужденного осуществлено в ст. 6 закона. В ходе исполнения наказания заключенные должны участвовать в процессе исправления. Задачей администрации учреждения, исполняющего наказание, является пробуждение у осужденного такой готовности и ее развитие. К заключенным могут применяться меры, ограничивающие их свободы, предусмотренные в законе.

Если закон не содержит специальных правил, дополнительные ограничения могут быть применены только в том случае, когда это необходимо для поддержания порядка в исправительном учреждении.

Раздел 3 носит название «Планирование исполнения наказания». Порядок приема в исправительное учреждение определен в ст. 7 закона. В ней устанавливается необходимость всестороннего учета личных прав осужденного на этом этапе. Заключенным разъясняются их права и свободы. При поступлении осужденного в исправительное учреждение с ним проводится разговор. Затем он подлежит медицинскому обследованию.

Сразу после помещения осужденного в исправительное учреждение необходимо незамедлительно исследовать его личность и условия жизни. Данная обязанность может быть снята с администрации исправительного учреждения, если осуществление подобных действий представляется нецелесообразным в связи со сроком исполнения наказания.

Исследование личности заключенного распространяется на все обстоятельства, выявление которых является обязательным для его планомерного исправления в ходе исполнения наказания и ресоциализации после отбытия установленного срока. В числе прочего необходимо проверить, требуется ли поместить осужденного в социально-терапевтическое учреждение в соответствии со ст. 11 (абз. 1 или 2) или назначить применение иных терапевтических мер.

На основании ст. 9 рассматриваемого закона после проведения исследования личности составляется план исполнения наказания, в котором содержится, в частности, перечень уголовно-исполнительных, педагогических и социально-педагогических мер, планируемых к применению в отношении заключенного. Подробности регулируются приказом Министерства юстиции. Интересным представляется решение германского законодателя о том, что планирование исправления обсуждается с заключенным.

План исполнения наказания корректируется ежегодно с учетом достигнутых в процессе исправления результатов и изучения

личности заключенного. Каждые шесть месяцев рассматривается вопрос о необходимости перевода осужденного в социально-терапевтическое учреждение на основании абз. 1, 2 ст. 11 рассматриваемого закона. Это касается прежде всего заключенных, отбывающих наказание за совершение преступных деяний, предусмотренных § 174–180 (преступные деяния против полового самоопределения) или 182 (сексуальные преступления против несовершеннолетних) УК Германии, которым оно было определено в размере от двух лет лишения свободы и предполагало помещение в социально-терапевтическое учреждение. Другие заключенные, которые в будущем могут совершить тяжкие преступные деяния против жизни и здоровья или против полового самоопределения, могут⁵ быть помещены в социально-терапевтическое учреждение, если для их ресоциализации показаны особые терапевтические средства и социальная помощь. Для перевода заключенного в учреждение такого рода требуется наличие у него мотивации к участию в терапевтических мероприятиях.

Вопросы, связанные с переводом заключенных, регулируются ст. 10 закона. Перевод из одного исправительного учреждения в другое допускается вне зависимости от плана исполнения наказания, если это будет способствовать исправлению осужденного или его ресоциализации после освобождения либо требуется в связи с реорганизацией исправительного учреждения или по другим важным основаниям. Заключенные могут быть помещены на определенный срок под контроль полицейских, таможенных или финансовых органов.

Статья 12 закона регламентирует моменты, связанные с отбыванием наказания в исправительных учреждениях закрытого и открытого типов.

Как правило, заключенные размещаются в исправительных учреждениях закрытого типа. Однако в определенных случаях они с их согласия могут быть помещены в исправительные учреждения открытого типа, если отвечают особым требованиям такого размещения и нет оснований опасаться, что они будут уклоняться от отбывания наказания в виде лишения свободы и использовать предоставленные им условия открытого содержания для совершения новых преступных деяний.

Заключенный может быть снова подвергнут переводу в учреждение закрытого типа, если это является необходимым для его исправления и он не соответствует указанным выше требованиям.

В ст. 13 речь идет о послаблении в условиях содержания при отбытии наказания в связи с выездами (выходами) из исправительного учреждения. Таковыми считаются случаи, когда заключенный регулярно выходит из исправительного учреждения под надзором (конвоем) или без него для работы вне территории либо в определенное время суток покидает исправительное учреждение под надзором (конвоем) или без него.

Данные послабления в условиях содержания могут быть назначены с согласия заключенного, если в отношении его нет оснований опасаться, что он будет уклоняться от отбывания наказания в виде лишения свободы и может злоупотребить предоставленными ему возможностями.

Статья 14 закона определяет порядок предоставления заключенным отпуска продолжительностью 21 календарный день. Он возможен по отбытии заключенным как минимум шести месяцев наказания в виде лишения свободы и предоставляется лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, если они находились в предварительном заключении или в отношении их двенадцать лет применялась другая мера, связанная с лишением свободы, либо лицам, переведенным в исправительное учреждение открытого типа или подготовленным к такому переводу. Заключенным, подготовливаемым к освобождению, в течение девяти месяцев до него может ежемесячно предоставляться отпуск сроком до шести дней. Во время отпуска течение срока наказания в виде лишения свободы не прерывается.

Особые предписания для лиц, осужденных за сексуальные и насильственные преступления (за совершение тяжких преступлений против жизни и здоровья или преступных деяний против полового самоопределения, за исключением § 180a и 181a), содержатся в ст. 15 закона. При решении вопросов о переводе таких заключенных в исправительные учреждения открытого типа, послаблении в условиях содержания или предоставлении отпуска все обстоятельства, изложенные в обвинительном приговоре, представленные в процессе расследования или в судебном процессе, должны оцениваться особо тщательным образом.

На основании ст. 16 закона начальник исправительного учреждения может давать заключенному обязательные для исполнения указания о поведении в период отпуска или послабления в условиях отбывания наказания. На это же должностное лицо возложена обязанность по отмене отпуска или послаблений в условиях отбывания наказания

в том случае, если 1) конкретные обстоятельства дела свидетельствуют о необходимости этого, 2) заключенные злоупотребляют назначенными в отношении их мерами, 3) заключенные не следуют обязательным указаниям о поведении, данным начальником исправительного учреждения.

В ст. 17 определен порядок подготовки к освобождению. Нормой установлено, что в целях подготовки к освобождению необходимо назначить заключенному послабления в условиях содержания. Осужденный может быть переведен в исправительное учреждение открытого типа, если это будет способствовать такой подготовке. Кроме того, в течение трех последних месяцев перед освобождением ему может быть предоставлен специальный отпуск продолжительностью до одной недели. Он предназначен, как правило, для решения социально-бытовых проблем, возникающих после освобождения.

В ст. 18 закона приводятся правила определения времени освобождения. Заключенные должны быть освобождены из исправительного учреждения в последний день срока наказания как можно раньше, в любом случае в первой половине дня. Если окончание наказания выпадает на субботу или воскресенье, государственный праздник, первый рабочий день после Пасхи или Троицы или приходится на период с 22 декабря по 6 января, то лицо в ряде случаев может быть освобождено из мест лишения свободы в последний рабочий день перед выходными. В случае если неотложные меры, связанные с ресоциализацией осужденного, требуют его досрочного освобождения, то он может покинуть место лишения свободы на два дня ранее истечения срока наказания.

В заключение следует обратить внимание на ст. 207 закона, которая носит название «Ограничение основных прав». Данная норма содержит предписания, в соответствии с которыми могут быть ограничены основные права на жизнь, телесную неприкосновенность и свободу личности, тайну переписки, почтовых и телекоммуникационных сообщений (предложения 1 и 2 абз. 2, ст. 2; абз. 1, ст. 10; абз. 1, ст. 102; ст. 112, абз. 1 ст. 109 Основного закона Германии).

Такова общая характеристика Закона Баварии об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы, от 10.12.2007 г., изучение которого в силу его специфики представляет, как мы полагаем, особый интерес для российских правоведов, особенно в период реформирования отечественного уголовно-исполнительного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: BGBl. I S. 581, ber. S. 2088, ber. 1977 IS. 436 с изм., внесенными Art. 7 Gvom 25. April 2013 (BGBl. IS. 935, 936 f.).

² См. подр.: JohannesFeest (Hrsg.): KommentarzumStrafvollzugsgesetz (AK-StVollzG). 5. Auflage. Luchterhand, Neuwied, 2006; Schwind, Böhm, Jehle: Strafvollzugsgesetz. Bund und Länder. 5. geänd. undneubearb. Auflage. De Gruyter, Berlin, 2009; Volckart, Pollähne, Woynar: Verteidigung in Vollstreckung und Vollzug. C.F. Müller, 4. Auflage 2008.

³ См.: www.strafvollzugsarchiv.de

⁴ Имеются в виду сопоставимые с условиями жизни на свободе ограничения, устанавливаемые данным законом.

⁵ До 31 декабря 2012 г. в тексте использовалось слово «должны», то есть помещение в социально-терапевтическое учреждение таких заключенных было обязательным.

¹ См.: BGBl. I S. 581, ber. S. 2088, ber. 1977 IS. 436 с изм., внесенными Art. 7 Gvom 25. April 2013 (BGBl. IS. 935, 936 f.).

² См. подр.: JohannesFeest (Hrsg.): Kommentarzum Strafvollzugsgesetz (AK-StVollzG). 5. Auflage. Luchterhand, Neuwied, 2006; Schwind, Böhm, Jehle: Strafvollzugsgesetz. Bund und Länder. 5. geänd. undneubearb. Auflage. De Gruyter, Berlin, 2009; Volckart, Pollähne, Woynar: Verteidigung in Vollstreckung und Vollzug. C.F. Müller, 4. Auflage 2008.

³ См.: www.strafvollzugsarchiv.de

⁴ Имеются в виду сопоставимые с условиями жизни на свободе ограничения, устанавливаемые данным законом.

⁵ До 31 декабря 2012 г. в тексте использовалось слово «должны», то есть помещение в социально-терапевтическое учреждение таких заключенных было обязательным.

Об основных особенностях системы исполнения наказаний и принудительных мер Швейцарии

МАРТИН ШМИД – руководитель службы пробации кантона Золотурн (Швейцария);

Е.А. ОГРОХИНА – доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

В статье рассматриваются основные отличительные особенности и принципы деятельности современной швейцарской системы исполнения наказаний и принудительных мер, дается краткая характеристика пенитенциарных учреждений Швейцарии и раскрывается их функциональная направленность.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовное наказание; лишение свободы; исполнение наказания; принудительные меры уголовно-правового характера; терапевтические меры; пенитенциарное учреждение; открытое пенитенциарное учреждение; закрытое пенитенциарное учреждение.

Concerning the main peculiarities of the penal and enforcement measures system of Switzerland

MARTIN SCHMID – director of the probation service of canton Zoloturn (Switzerland);

E.A. OGROKHINA – associate professor of the Chair of the Russian and foreign languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand.Sc. (Philology), docent

The article is devoted to the main specific peculiarities and the principles of activity of the modern Swiss penal and enforcement measures system. The authors give short characteristic of penitentiary institutions of Switzerland and explain their functional specialization.

Key words: criminal punishment; imprisonment; execution of a punishment; enforcement measures of criminal – legal nature; therapeutic measures; penitentiary institution; open penitentiary institution; closed penitentiary institution.

В Швейцарии отсутствует федеральный уголовно-исполнительный кодекс или закон. Швейцарский уголовный кодекс содержит только общие пенитенциарные положения.

Исполнение уголовных наказаний и принудительных мер уголовно-правового характера находится в ведении кантонов, поэтому в данной области они руководствуются

своим законодательством. Ориентиром в сфере уголовно-исполнительной политики и практики Швейцарии являются Европейские пенитенциарные правила и рекомендации Совета Европы.

По данным Федерального ведомства статистики Швейцарии, в 2012 г. в системе исполнения наказаний и принудительных мер (Straf- und Maßnahmenvollzug) этой страны насчитывалось 109 пенитенциарных учреждений. Общее количество мест для заключенных составляло 6978, при этом на 100 тыс. жителей приходилось 87 мест¹. Тюремь предназначены для предварительного заключения, частичного лишения свободы (Halbgefängenschaft)² и краткосрочного лишения свободы (до шести месяцев). Для исполнения долгосрочного лишения свободы в Швейцарии имеется приблизительно 30 средних и крупных пенитенциарных учреждений. Большинство из них располагают количеством мест менее 100. Только четыре учреждения имеют более чем 200 мест для заключенных.

В 2012 г. в пенитенциарных учреждениях Швейцарии содержалось 6599 заключенных, что составляет 94,6% от общего числа имеющихся мест. Из них 3280 чел. находились в местах лишения свободы, 2051 – в предварительном заключении, 427 – под арестом в связи с принудительными мерами в соответствии с Федеральным законом об иностранцах, 172 попали в учреждение исполнения наказаний по иным причинам. Только 4,9% заключенных составляют женщины, 0,8% – несовершеннолетние. 73,8% всех заключенных являются иностранцами³.

Статья 76 Швейцарского уголовного кодекса предписывает кантонам иметь в своем распоряжении пенитенциарные учреждения двух типов – закрытого и открытого⁴. При этом нормы федерального законодательства Швейцарии не требуют обязательного раздельного их функционирования: учреждение закрытого типа может располагать открытым отделением и наоборот. Напротив, лечебные пенитенциарные учреждения должны содержаться отдельно от учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы (ст. 58, абз. 2 Швейцарского уголовного кодекса)⁵.

Кантоны могут создавать и эксплуатировать пенитенциарные учреждения совместно друг с другом (ст. 378 Швейцарского уголовного кодекса)⁶. Помимо этого, они имеют возможность уполномочивать частные учреждения реализовывать исполнение наказания в виде частичного лишения свободы, форму трудового экстерната, а также принудитель-

ные терапевтические меры (ст. 379 Швейцарского уголовного кодекса)⁷. Примером может послужить учреждение для наркозависимых мужчин «Каза Фиделио» в деревне Нидербухзитен округа Гой кантона Золотурн. Кроме того, существуют учреждения для лиц с различными психическими и социальными проблемами, например «Танненхоф» в деревне Гампелен округа Зееланд кантона Берн. Большой частью, однако, такие учреждения представляют собой общежития (Wohnheime), которые предназначены для исполнения наказания в виде частичного лишения свободы сроком до 12 месяцев и трудового экстерната на заключительном этапе исполнения наказания в виде лишения свободы. Примером такого учреждения является пенитенциарный центр «Клостерфихтен» в Базеле.

Кроме того, по своему желанию кантоны могут создавать в пенитенциарных учреждениях обособленные отделения для особых групп заключенных, например: женщин; представителей определенных возрастных групп; заключенных, отбывающих очень длительное или краткосрочное наказание; лиц, нуждающихся в интенсивном лечении или поддержке, а также получающих образование или повышающих квалификацию (абз. 2, ст. 377 Швейцарского уголовного кодекса)⁸. На практике в швейцарской пенитенциарной системе принято строгое разделение по гендерному принципу, хотя ни одно законоположение этого явно не предписывает.

Осужденный помещается в закрытое пенитенциарное учреждение или отделение, если с его стороны существует опасность побега или совершения новых преступлений. Решающим критерием является количество охранных мер, которые должны быть к нему применены. Используя находящиеся в их распоряжении архитектурные, технические, организационные и кадровые средства, закрытые пенитенциарные учреждения должны гарантировать, что заключенные не смогут в результате побега или путем совершения последующих преступлений уклониться от исполнения наказания.

Если опасность побега и совершения новых преступлений отсутствует, то осужденный помещается в открытое учреждение. В таких учреждениях контроль присутствия эффективно осуществляется при помощи простых устрашающих мер.

В отношении исполнения наказаний в виде лишения свободы и реализации принудительных мер уголовно-правового характера Швейцарский уголовный кодекс опирается на два конституционных положения: принцип уважения достоинства человека и принцип

свободной реализации заключенными своих прав. Права заключенных и лиц, помещенных в учреждения исполнения принудительных мер, могут быть ограничены лишь настолько, насколько этого требует лишение свободы и их сосуществование в пенитенциарном учреждении (ст. 74 Швейцарского уголовного кодекса)⁹. Данные установления дополняют следующие общие принципы исполнения наказаний (*allgemeine Grundsätze des Straf- und Maßnahmenvollzugs, allgemeine Strafvollzugsgrundsätze*): предупреждение рецидивов во время и после лишения свободы, нормализация условий жизни в пенитенциарном учреждении, борьба с негативными последствиями лишения свободы, обязательное соблюдение интересов заключенных (абз. 1, ст. 75 Швейцарского уголовного кодекса)¹⁰. Перечисленные принципы равноценны и призваны действовать в совокупности.

Как следует из изложенного выше, одной из важнейших задач системы исполнения наказаний Швейцарии является предупреждение рецидивов после освобождения. Опасность рецидива может устойчиво снижаться только в том случае, если заключенные по выходе из учреждения исполнения наказаний обладают прочными социальными компетенциями, позволяющими им вести жизнь, свободную от преступлений. Поэтому пенитенциарная система оказывает воздействие на личность и поведение заключенных в целях поддержания их способности не совершать преступлений. Кроме того, пенитенциарные учреждения обеспечивают меры по стабилизации предполагаемого социального пространства заключенных после их освобождения (супруги, семья, иные социальные контакты).

Понятие профилактики рецидива после освобождения напрямую связано с понятием нормализации условий заключения (*Normalisierung der Haftbedingungen*), которое может быть признано центральным в уголовно-исполнительной политике Швейцарии. Под нормализацией условий заключения понимается приведение условий повседневной жизни учреждения в соответствии с таковыми за его пределами прежде всего путем предъявления к заключенным требований, соответствующих реальности. Повседневная жизнь заключенных в учреждении должна стать для них учебным полем социально приемлемого поведения и таким образом создать благоприятные предпосылки к освобождению. Общеизвестно, однако, что в пенитенциарном учреждении невозможно воспроизвести в точности жизнь за его пределами. Поэтому задачей систе-

мы исполнения наказаний Швейцарии является борьба с негативными последствиями лишения свободы.

Пенитенциарные учреждения в Швейцарии обязаны соблюдать интересы заключенного и предоставлять ему возможности, равноценные тем, которые он мог бы использовать на свободе. Это обязательно предполагает медицинское обслуживание, социальную, религиозную, экономическую и правовую помощь.

Основными средствами, которыми система исполнения наказаний Швейцарии располагает для реализации принципов своей деятельности, являются следующие:

1. План исполнения наказания (*Vollzugsplan*). В соответствии со Швейцарским уголовным кодексом кантоны должны предусматривать в уставах пенитенциарных учреждений составление совместно с осужденным индивидуального плана исполнения наказания. Данный план содержит сведения о предлагаемом руководстве, возможностях трудовой и учебной деятельности, связях с внешним миром, возмещении материального ущерба, если это необходимо, и подготовке к освобождению (абз. 3, ст. 75 Швейцарского уголовного кодекса)¹¹.

2. Трудовой и жилой экстернат (*Arbeits- und Wohnexternat*). Если заключенный успешно выполняет все пункты плана исполнения наказания, то за этим следует ослабление наказания, то есть его поэтапное исполнение (*stufenweiser Vollzug*). К таким смягчениям в соответствии со ст. 77а Швейцарского уголовного кодекса относится трудовой и жилой экстернат.

Если заключенный отбыл часть наказания, как правило половину, и с его стороны нет опасности побега или совершения новых преступлений, то он может осуществлять свою трудовую деятельность за пределами пенитенциарного учреждения. Остальное время, напротив, он обязан проводить в учреждении. За успешной реализацией данного этапа исполнения наказания следует этап жилого и трудового экстерната.

3. Условное освобождение и служба пробации (*Bedingte Entlassung und Bewährungshilfe*). Если заключенный отбыл минимум две трети наказания, но не менее трех месяцев, то в соответствии с абз. 1 ст. 86 Швейцарского уголовного кодекса он *должен* быть освобожден условно, если это оправдано его поведением в пенитенциарном учреждении¹². Для этого последнему этапу исполнения наказания устанавливается испытательный срок в размере от 1 года до 5 лет. Если лицо, освобожден-

ное условно, испытательный срок не проходит, то оно может быть снова помещено в учреждение системы исполнения наказаний.

При этом в соответствии с абз. 2 ст. 87 Швейцарского уголовного кодекса на время испытательного срока ведомством исполнения наказаний, как правило, предписывается помощь и руководство службы пробации¹³. Служба пробации осуществляет деятельность по профилактике рецидивов со стороны условно освобожденных лиц и их социальной интеграции. Она специализируется на социальной работе в сфере юстиции и исполнения наказаний. Следует особо отметить, что служба пробации оказывает поддержку в ходе уголовного процесса и на всех стадиях исполнения наказаний и принудительных мер. Кроме того, в системе исполнения наказаний и принудительных мер Швейцарии она осуществляет деятельность по организации и контролю общественно полезных работ и электронного мониторинга. В настоящее время в Швейцарии все кантоны располагают такими специализированными социальными службами, относящимися к системе органов уголовного правосудия.

4. Труд и оплата труда (*Arbeit und Arbeitsentgelt*). Труд заключенных является краеугольным камнем в деятельности системы исполнения наказаний и принудительных мер Швейцарии, так как имеет решающее значение для социальной интеграции личности. Швейцарский уголовный кодекс предусматривает обязательный труд заключенных. При этом работа должна, насколько это возможно, соответствовать их способностям, образованию и наклонностям (абз. 1 ст. 81 Швейцарского уголовного кодекса)¹⁴.

Все учреждения, исполняющие долгосрочное наказание в виде лишения свободы, как правило, располагают собственными современными мастерскими, где заключенные могут пройти профессиональное обучение или начальную профессиональную подготовку. Мастерские служат при этом средством экономической поддержки учреждения. К тому же к большинству крупных учреждений присоединено сельскохозяйственное предприятие, ко многим садоводческое. В качестве примера здесь можно привести учреждение для мужчин открытого типа «Вицвил» с самым крупным сельскохозяйственным предприятием в Швейцарии (годовой доход – 17 млн швейцарских франков), расположенным в кантонах Берн и Фрибур¹⁵. Для заключенных, которые не справляются с учебной и рабочей деятельностью, существуют специальные программы для отстающих.

В соответствии со ст. 83 Швейцарского уголовного кодекса за свою работу заключенный получает вознаграждение согласно достигнутым результатам¹⁶, которое, однако, не соответствует заработной плате на рынке труда. При этом ст. 380 Швейцарского уголовного кодекса предусматривает, что заключенный принимает участие в расходах на исполнение наказания как раз путем расчета достижений его труда. Заключенный свободно располагает только некоторой частью своей заработной платы, из оставшейся формируются накопления на период после освобождения.

5. Образование (*Ausbildung*). Согласно ст. 82 Швейцарского уголовного кодекса заключенному должна быть предоставлена возможность получить в соответствии с его способностями образование или пройти повышение квалификации¹⁷. Однако она редко используется, хотя крупные учреждения, как уже было сказано выше, организуют получение профессионального образования на производстве.

6. Связи с внешним миром (*Beziehungen zur Außenwelt*). В Швейцарии давно общепризнано, что сохранение контактов с внешним миром имеет для заключенного принципиальное значение. Эта связь поддерживается чтением газет, журналов и книг, просмотром телевизионных программ и прослушиванием радиопередач, а также заботой о сохранении личных контактов (письма, телефонные переговоры, посещения).

Швейцарский уголовный кодекс закрепляет право заключенного на свидания, прежде всего с членами семьи и друзьями (абз. 1 ст. 84 Швейцарского уголовного кодекса)¹⁸. Условия для посещений извне при этом уточняются в уставах пенитенциарных учреждений. Как правило, заключенный имеет право на одно свидание в неделю продолжительностью не менее часа. В крупных учреждениях свидания проходят чаще всего в большом общем зале, что может, однако, мешать личным, интимным разговорам.

Прежде всего руководители пенитенциарных учреждений стремятся к тому, чтобы при случае интегрировать внешний мир в жизнь учреждения: организуются спортивные соревнования между командами заключенных и различными командами извне, совместно с актерами заключенные разучивают и ставят театральные пьесы и т.п.

Важнейшим инструментом сохранения контактов с внешним миром являются отпуска. Это основное положение закрепляет абз. 6 ст. 84 Швейцарского уголовного кодекса¹⁹, не регулируя при этом, предоставле-

ние отпусков в частности. В соответствии с данной статьей заключенный имеет право на отпуск, если этому не препятствует его поведение в учреждении и нет опасности, что он совершит побег или новое преступление.

В рамках швейцарской системы исполнения наказаний и принудительных мер различаются два вида отпусков для заключенных: отпуск с целью поддержания личных контактов и отношений (в зависимости от учреждения и статуса заключенного – до 54 ч) (Beziehungsurlaub) и отпуск по обстоятельствам (например, подготовка к освобождению, смерть близкого родственника, рождение собственного ребенка, приобретение необходимых вещей и т.п.) (Sachurlaub). Условия их предоставления обобщенно регулируются кантональным законодательством, в

остальном используются инструкции конкордатов²⁰ в области исполнения наказаний. Окончательное решение в каждом случае принимается в учреждении. На практике в учреждениях открытого типа отпуска разрешаются регулярно в соответствии с установленным порядком. В закрытых учреждениях, напротив, они санкционируются исключительно в рамках очень подробного планирования.

Из всего изложенного выше следует, что система исполнения наказаний и принудительных мер Швейцарии является транспарентной и может эффективно способствовать социальной интеграции лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, и тем самым минимизации рецидивов со стороны заключенных и освободившихся из заключения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Freiheitsentzug, Strafvollzug – Daten und Indikatoren. http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/19/03/05/key/ueberblick/wichtigsten_zahlen.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

² Частичное лишение свободы – это особая форма уголовного наказания в Швейцарии, которая представляет собой совокупность пребывания на свободе и заключения. Данная форма применяется при уголовных наказаниях сроком до 1 года. При этом осужденный продолжает свою трудовую или учебную деятельность за пределами учреждения, а остальное время проводит в учреждении исполнения наказаний.

³ См.: Freiheitsentzug, Strafvollzug – Daten und Indikatoren. http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/19/03/05/key/ueberblick/wichtigsten_zahlen.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a76.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁵ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a58.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a378.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a379.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a377.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a74.html (дата обращения: 29.08.2013 г.).

¹⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a75.html (дата обращения: 29.08.2013 г.).

¹¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a77a.html (дата обращения: 02.09.2013 г.).

¹² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a86.html (дата обращения: 02.09.2013 г.).

¹³ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a87.html (дата обращения: 02.09.2013 г.).

¹⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a81.html (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁵ См.: http://www.de.wikipedia.org/wiki/Anstalten_Witzwil (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a83.html (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a82.html (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a84.html (дата обращения: 04.09.2013 г.).

¹⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a84.html (дата обращения: 04.09.2013 г.).

²⁰ Конкордат (в Швейцарии) – межкантональное объединение на основе соглашения. В период с 1956 по 1963 гг. кантоны заключили три региональных конкордата в области

¹ См.: Freiheitsentzug, Strafvollzug – Daten und Indikatoren. http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/19/03/05/key/ueberblick/wichtigsten_zahlen.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

² Частичное лишение свободы – это особая форма уголовного наказания в Швейцарии, которая представляет собой совокупность пребывания на свободе и заключения. Данная форма применяется при уголовных наказаниях сроком до 1 года. При этом осужденный продолжает свою трудовую или учебную деятельность за пределами учреждения, а остальное время проводит в учреждении исполнения наказаний.

³ См.: Freiheitsentzug, Strafvollzug – Daten und Indikatoren. http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/19/03/05/key/ueberblick/wichtigsten_zahlen.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a76.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁵ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a58.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a378.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a379.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a377.html (дата обращения: 28.08.2013 г.).

⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a74.html (дата обращения: 29.08.2013 г.).

¹⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a75.html (дата обращения: 29.08.2013 г.).

¹¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a77a.html (дата обращения: 02.09.2013 г.).

¹² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a86.html (дата обращения: 02.09.2013 г.).

¹³ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a87.html (дата обращения: 02.09.2013 г.).

¹⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a81.html (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁵ См.: http://www.de.wikipedia.org/wiki/Anstalten_Witzwil (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a83.html (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a82.html (дата обращения: 03.09.2013 г.).

¹⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a84.html (дата обращения: 04.09.2013 г.).

¹⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a84.html (дата обращения: 04.09.2013 г.).

²⁰ Конкордат (в Швейцарии) – межкантональное объединение на основе соглашения. В период с 1956 по 1963 гг. кантоны заключили три региональных конкордата в области

исполнения наказаний (Strafvollzugskonkordat): Восточная Швейцария (Ostschweiz), Северо-Западная и Центральная Швейцария (Nordwest- und Innerschweiz), Латинская Швейцария (Lateinische Schweiz). При этом речь идет о межкantonальных соглашениях, которые восполняют пробел между федеральным и кантональным законодательством и направлены на унификацию норм уголовно-исполнительного права посредством обязательных предписаний и рекомендаций.

nakazanij (Strafvollzugskonkordat): Vostochnaja Shvejcarija (Ostschweiz), Severo-Zapadnaja i Central'naja Shvejcarija (Nordwest- und Innerschweiz), Latinskaja Shvejcarija (Lateinische Schweiz). Pri jetom rech' idet o mezhkantonal'nyh soglashenijah, kotorye vospolnjajut probel mezhdu federal'nym i kantonal'nym zakonodatel'stvom i napravleny na unifikaciju norm ugotovno-ispolnitel'nogo prava posredstvom objazatel'nyh predpisanij i rekomendacij.

Некоторые вопросы сравнительного анализа института дифференциации уголовной ответственности в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве

С.П. ДОНЕЦ – доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов в теории права вообще и теории уголовного права в частности – о средствах дифференциации ответственности. Автор обращает внимание на то, что в доктрине уголовного права не оформлено положение о сквозной регламентации смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств-признаков состава преступления, что ведет к противоречивому толкованию их правовой природы. В работе проводится сравнительный анализ института дифференциации уголовной ответственности в зарубежном и отечественном уголовном праве и законодательстве, подчеркивается роль квалифицирующих и привилегирующих признаков как средства дифференциации уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; дифференциация; квалифицирующие признаки; зарубежное и отечественное уголовное законодательство.

Some questions of comparative analysis of the concept of criminal responsibility differentiation in the foreign and Russian legislation

S.P. DONETS – associate professor of the Chair of criminal law of the Vologda State Pedagogical University, Cand.Sc. (Law), docent

The article is devoted to one of the disputable questions in the law theory as a whole and criminal law theory in particular – the problem of means of differentiation of responsibility. The author pays attention to the fact that the criminal law doctrine hasn't got a model concerning through regulation of mitigating and aggravating circumstances as constituent elements of offence, because it leads to contradictory interpretation of their legal nature. The aim of article is to provide a comparative analysis of the concept of criminal responsibility differentiation in the foreign and Russian law and legislation. The author emphasizes the role of qualifying and privileged criteria as means of differentiation of criminal responsibility.

Key words: criminal responsibility; differentiation; qualifying criteria; the foreign and Russian criminal legislation.

Современная преступность все в большей мере приобретает транснациональный характер. На этом фоне в настоящее время в мире существует огромное количество

угроз существованию человеческой цивилизации (терроризм, экоцид, геноцид и т.п.). Негативные процессы затрагивают национальные системы, в том числе националь-

ную правовую систему Российской Федерации, и это требует решения такой серьезной проблемы, как установление соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом¹.

В связи с изложенным заключим, что изучение института квалифицирующих и привилегирующих признаков зарубежного уголовного права необходимо для четкого осмысления места российской правовой системы среди других мировых правовых систем. Кроме того, усвоение основ зарубежного уголовного права важно для любого юриста, стремящегося получить фундаментальные знания в области уголовного права².

По нашему мнению, юридически закрепленный институт дифференциации ответственности в уголовном законе стран континентальной Европы, англосаксонского, мусульманского права и России следует рассматривать как особую регулятивную модель уголовного правоотношения, направленную на повышение эффективности уголовного права в России и за рубежом. Необходимо подчеркнуть, что в науке уголовного права существуют разные классификации правовых систем в целом и уголовно-правовых систем в частности. Например, Рене Давид на основе социологического критерия и юридической техники выделил три вида правовых систем: романо-германскую, систему общего права и социалистическую систему³. У А.В. Наумова речь идет о четырех системах: романо-германской, англосаксонской, социалистической, мусульманской. Расширенный перечень оснований выделения правовых систем встречается у Н.Е. Крыловой и А.Е. Серебренниковой, которые считают, что правовая семья – это более или менее широкая совокупность национальных правовых систем, которые объединяет четыре основных критерия: 1) близость происхождения источников; 2) сходство основных понятий; 3) сходство приемов юридической техники; 4) сходство способов толкования⁴. О.Г. Соловьев отмечает разность приемов юридической техники в странах англо-американского и романо-германского права⁵. Другие исследователи признают основанием дифференциации зависимость правовой системы от роли позитивного, объективного права⁶. Называется в литературе и такое основание деления уголовно-правовых систем, как роль уголовно-правового принуждения в политике государства (репрессивная, карательная, гуманистическая)⁷.

Система типов уголовно-правовых систем, по утверждению О.В. Ведерниковой, постоянно развивается и дополняется с учетом проявляющихся исторических тенденций⁸. Добавим, что особое влияние на эту сферу оказывает процесс глобализации. Нельзя не констатировать и то, что на рубеже 1980–1990-х гг. масштабные преобразования в мире, направленные на демократизацию правящих режимов, укрепление прав и свобод человека, развитие рыночных отношений, привели к коренным изменениям в политических и социально-экономических системах более чем половины стран на планете.

В период с 1990 г. по настоящее время новые уголовные кодексы приняли все страны СНГ, Балтии и бывшие республики Югославии, а также Абхазия, Австралия, Андорра, Буркина-Фасо, Бутан, Восточный Тимор, Вьетнам, Гвинея, Джибути, Иран, Испания, Йемен, Кабо-Верде, Катар, КНР, Колумбия, Косово, Макао, Мали, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Польша, Приднестровская Молдавская Республика, Пуэрто-Рико, Румыния, Сальвадор, Сент-Люсия, Словакия, Судан, Турция, Франция, Эфиопия. Коренные преобразования тогда же претерпели уголовные законодательства Болгарии, Бразилии, Венгрии, КНДР, Кубы, Португалии, Финляндии, Чехии, Швейцарии, Аргентины, Болгарии, Венесуэлы, Доминиканской Республики, Индонезии, Камбоджи, Перу, Чехии, Чили, Шотландии⁹.

Перечисленные страны составляют две основные группы: 1) группу государств, в которых установился приоритет индивидуализации ответственности перед ее дифференциацией, где судья при определении ответственности и наказания ориентируется лишь на общие указания закона, для которого характерны абстрактность правовых предписаний, широкие формулировки диспозиций и санкций, судебское усмотрение, а следовательно, минимальное количество средств дифференциации ответственности, в том числе квалифицирующих и привилегирующих признаков (индусская, мусульманская и другие восточные системы права); 2) группу государств, в которых закон детально дифференцирует ответственность и наказание, хотя и с разной долей средств дифференциации¹⁰.

Одним из дискуссионных вопросов в сфере дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности является влияние на степень вины, а значит и на назначаемое наказание, наличия у вино-

вного состояния алкогольного опьянения или опьянения, вызванного употреблением наркотических средств или других одурманивающих веществ. В российском уголовном праве в настоящее время он стоит достаточно остро.

Важно отметить преювенность некоторых новелл относительно учета такогоотягчающего обстоятельства, как совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, в уголовном праве дореволюционной России и уголовном законодательстве Советского государства, а также рассмотреть варианты решения этой проблемы в уголовных кодексах стран постсоветского пространства и уголовных законах зарубежных стран.

Так, при учете отягчающего обстоятельства, указанного в п. «о» ст. 56 УК Узбекистана (совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения или под воздействием наркотических средств, психотропных или других веществ, влияющих на интеллектуальную деятельность), «суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать отягчающим любое из обстоятельств, предусмотренных в части первой настоящей статьи»¹¹.

Надо подчеркнуть, что п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. также наделял суд правом признавать состояние алкогольного опьянения обстоятельством, отягчающим ответственность, в зависимости от характера преступления. В действующем УК РФ в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, приведенный в ст. 63, не входит совершение преступления в состоянии опьянения. Более того, ст. 23 УК РФ устанавливает уголовную ответственность лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, на общих основаниях, что не помешало состоянию опьянения отечественному законодателю внести в ст. 264 УК РФ в качестве квалифицирующего признака.

Как справедливо полагают некоторые ученые, «схема психологического анализа влияния на уголовную ответственность психических расстройств в рамках вменяемости пригодна и для оценки значения состояния опьянения в момент деяния, запрещенного уголовным законом»¹². Но в силу действия ст. 23 УК России, нравится нам это или нет, влияние опьянения на состояние психической деятельности лица, совершающего общественно опасное деяние, чаще

всего не подвергается специальному исследованию со стороны правоохранительных органов. Более того, состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения, по мнению законодателя, не только презюмирует полную вменяемость, но и характеризуется тем, что обычно рассматривается обвинением в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность (ранее – в рамках характеристики личности, а с момента введения в действие федерального закона от 13.02.2009 г. № 20-ФЗ – в рамках квалифицирующих признаков).

Не нами и не вчера признано то обстоятельство, что алкоголь, наркотики и им подобные одурманивающие вещества наряду с другими факторами играют принципиальную и далеко не последнюю роль в нарушении баланса сил возбуждения и торможения, вызывающем в итоге психические аномалии, то есть неадекватное поведение. Специалисты отмечают, что само состояние опьянения увеличивает психическую и двигательную активность, затрудняет концентрацию внимания; у человека происходит переоценка возможностей, снижается самокритика. В состоянии опьянения растормаживаются инстинкты и проявляются скрытые особенности личности и переживания, контролируемые в трезвом состоянии (ревность, тщеславие, обиды и т.п.)¹³.

В силу сказанного в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран реализуется принципиально иной подход к оценке влияния состояния опьянения при совершении преступления на уголовную ответственность субъекта.

Например, уголовное право ФРГ исходит из понятия так называемого намеренного опьянения: если субъект должен был считаться с возможностью совершения преступления, находясь в состоянии опьянения, и, несмотря на это, привел себя в такое состояние, то перспектива смягчения наказания для него отсутствует. В ином случае к правонарушителю может быть применена норма, регламентирующая основания уменьшенной вменяемости¹⁴.

Уголовный кодекс Австрии также предусматривает возможность смягчения наказания преступнику, совершившему деяние в состоянии опьянения, но именно в зависимости от предкриминального поведения. Так, § 35 УК Австрии устанавливает, что наказание может быть смягчено, если преступник находился в состоянии опьянения, не исключающем вменяемости, и если обусловленное этим состоянием снижение

порога вменяемости не требует упрёка, касающегося употребления опьяняющих средств¹⁵.

Но не только зарубежные, но и наши до-революционные криминалисты предлагали в некоторых случаях рассматривать состояние опьянения (в силу действия конкретных факторов) как смягчающее наказание обстоятельство. В частности, Н.Д. Сергиевский отмечал, что психическая деятельность субъекта, находящегося в состоянии опьянения, может напоминать картину, связанную с влиянием психических аномалий¹⁶.

Н.С. Таганцев высказал следующее предложение: «В интересах юридического вменения необходимо различать две степени опьянения – полное и неполное. К опьянению полному нужно отнести не только наступление полной бессознательности и сна, но и ту стадию, когда опьяневший утрачивает способность распознавать зависимость и причинную связь явлений, когда под влиянием ненормального состояния органов чувств сфера его представлений получает субъективную окраску и рассудок утрачивает способность управлять действиями. Такое психическое состояние, несомненно, устраняет вменяемость. Опьянение неполное будет обнимать все предшествующие, первичные стадии, причем вменяемость, несомненно, существует и возбужденное состояние обвиняемого может только, смотря по обстоятельствам, влиять на выбор меры ответственности»¹⁷.

По нашему мнению, рассмотрение положительного опыта зарубежных стран и выводов российских юристов позволяет заключить, что состояние опьянения способно влиять на наказание и, соответственно, меру ответственности преступника перед обществом. Для того чтобы определить степень влияния, необходимо, как справедливо полагает С.В. Векленко, выделить несколько наиболее типичных ситуаций употребления различного рода одурманивающих веществ: 1) приведение себя в состояние опьянения для облегчения совершения преступления (для смелости)¹⁸; 2) употребление для поднятия настроения при осознании специфических особенностей своего поведения в состоянии опьянения (предвидение возможных противоправных последствий и игнорирование их)¹⁹; 3) употребление для удовольствия, сопряженное с самонадеянным расчетом на предотвращение возможных общественно опасных последствий (наиболее типично для лиц, управляющих различными транспортными средствами либо

иными механизмами); 4) употребление из любопытства, сопряженное с отсутствием предвидения возможности наступления общественно опасных последствий своего поведения в состоянии опьянения (употребление впервые); 5) употребление против воли лица: по ошибке либо в результате противоправного принуждения.

Мы разделяем приведенное мнение в том, что учет перечисленных ситуаций, внутреннее субъективное содержание которых имеет существенное сходство с законодательными конструкциями форм вины, при определении меры ответственности субъекта преступления, действовавшего в состоянии опьянения, позволит реально снизить угрозу невинного вменения и даст правоприменителям возможность действовать в строгом соответствии с принципом вины.

В этих целях вполне разумно учитывать первую ситуацию как обстоятельство, усиливающее ответственность и отягчающее наказание; вторую и третью ситуации по правилам, закрепленным в ст. 23 УК РФ; четвертую и пятую в качестве обстоятельства, смягчающего наказание²⁰.

Анализ зарубежного уголовного законодательства в части использования отягчающих и смягчающих обстоятельств-признаков состава преступления позволил сформулировать следующие выводы:

1. Проблема дифференциации ответственности не является актуальной исключительно для российской уголовно-правовой политики²¹. Соответствующее явление находит отражение в уголовном законодательстве всех развитых европейских стран, США, стран Балтии, СНГ и других республик постсоветского пространства. Можно дополнительно классифицировать дифференциацию ответственности в зависимости от стадии уголовно-правового отношения, от того, служит предметом дифференциации единичное преступление или их множественность, от стадии посягательства.

2. По месту, занимаемому отягчающими и смягчающими обстоятельствами-признаками преступления в системе института назначения наказания, уголовные законодательства зарубежных стран можно классифицировать, выделив несколько самостоятельных их групп. Так, в первую группу войдут кодексы, в которых анализируемые обстоятельства закреплены в положениях Общей части (Италия, Испания, Австрия, Франция, Узбекистан, Таджикистан, Украина, Белоруссия и т.д.). Вторую группу обра-

зуют кодексы, где перечень обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, полностью отсутствует (Япония, Китай, Бельгия, ФРГ, Австралия, Голландия). В рамках третьей группы отягчающие и смягчающие обстоятельства-признаки преступления рассматриваются применительно к отдельным видам наказания (Польша, США, Швейцария).

3. Зарубежным законодателем при конструировании отягчающих и смягчающих обстоятельств-признаков сравнительно часто применяются оценочные дефиниции, использование которых при назначении наказания представляется сложным ввиду появления слишком широких возможностей для толкования (например, «особо известно»).

4. В уголовном законодательстве ближнего зарубежья наблюдается выраженная тенденция к унификации законодательной формы квалифицирующих признаков, когда используются идентичные, устойчивые сочетания (например, «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение»²²).

5. Отечественная система уголовно-правовых норм, регламентирующих дифференциацию ответственности, в том числе и с помощью квалифицирующих и привилегированных признаков, хотя и не безупречна, но в целом соответствует научным представлениям об анализируемом институте. В частности, специальные основания освобождения от ответственности в странах континентальной Европы помещаются в отдельные части (пункты) статей Особенной части, что в технико-юридическом плане не совсем логично. В частях (пунктах) статей Особенной части уголовного кодекса описание должны находить составы преступле-

ний (основные, квалифицированные, особо квалифицированные). Лучшим местом для рассматриваемых норм являются примечания к статьям Особенной части (как это и принято в УК РФ), либо их следует приводить в Общей части, а также в начале главы или группы норм.

6. В УК РФ, учитывая традиции отечественного законодательства и опыт зарубежных стран, необходимо определиться с таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления, вызванного опьянением. В связи с этим ст. 23 целесообразно изложить в следующем виде:

«Статья 23. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения

Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях в зависимости от характера преступления».

Также оправданным будет дополнить ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» пунктом «р» следующего содержания: *«совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ. Суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность».*

Наконец, следует внести в примечание к ст. 264 пункт 2, изложив его в следующем виде: *«Суд вправе, в зависимости от обстоятельств совершения преступления, не учитывать состояние опьянения в качестве квалифицирующего признака».*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Алауханов Е.О. Проблемы соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом // Научные основы уголовного права и процесса глобализации: Материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). М., 2010. С. 9.

² См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учеб. пособие. М., 1998. С. 24.

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997. С. 15.

⁴ См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). С. 27.

⁵ См.: Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 24.

⁶ См.: Безина А.К. Судебная практика по трудовым делам: Учеб. пособие для магистров права. Казань, 2002. С. 24.

¹ Sm.: Alauhanov E.O. Problemy sootnosheniya nacional'nogo ugolovnogo prava s mezhdunarodnym ugolovnym pravom // Nauchnye osnovy ugolovnogo prava i processa globalizacii: Materialy V Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava (27–28 maja 2010 g.). M., 2010. S. 9.

² Sm.: Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran (Anglii, SShA, Francii, Germanii): Ucheb. posobie. M., 1998. S. 24.

³ Sm.: David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., 1997. S. 15.

⁴ Sm.: Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran (Anglii, SShA, Francii, Germanii). S. 27.

⁵ Sm.: Solov'ev O.G. Prestuplenija v sfere nalogooblozhenija (st. 194, 198, 199 UK RF): problemy juridicheskoj tehniki i differenciacii otvetstvennosti: Dis. ... kand. jurid. nauk. Jaroslavl', 2002. S. 24.

⁶ Sm.: Bezina A.K. Sudebnaja praktika po trudovym delam: Ucheb. posobie dlja magistrrov prava. Kazan', 2002. S. 24.

⁷ См.: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С. 12.

⁸ См.: Ведерникова О.Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. № 1. С. 69.

⁹ См.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Моногр. / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 11.

¹⁰ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 149.

¹¹ Цит. по: Там же. С. 95.

¹² Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 179.

¹³ См.: Иванов Н. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Законность. 1998. № 3. С. 44–45.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же. С. 44.

¹⁶ См.: Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. М., 1998. С. 201–202.

¹⁷ Цит. по: Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1908. С. 229.

¹⁸ См.: Антонян Б.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 119.

¹⁹ См.: Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. С. 184.

²⁰ См.: Векленко С.В. О влиянии состояния опьянения на вину и ответственность. <http://www.lawtech.ru/pub/aopia.htm>

²¹ См.: Чупрова О.Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 5.

²² Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. на 15 июля 2001 г.). СПб., 2001. С. 137.

⁷ См.: Malinovskij A.A. Sravnitel'noe pravovedenie v sfere ugovolnogo prava. M., 2002. S. 12.

⁸ См.: Vedernikova O.N. Sovremennye ugovolno-pravovye sistemy: tipy, modeli, harakteristika // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 1. S. 69.

⁹ См.: Dodonov V.N. Sravnitel'noe ugovolnoe pravo. Obshhaja chast'. Monogr. / Pod obshh. i nauch. red. S.P. Shherby. M., 2010. S. 11.

¹⁰ См.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj otvetstvennosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. M., 2000. S. 149.

¹¹ Cit. po: Tam zhe. S. 95.

¹² Sitkovskaja O.D. Psihologija ugovolnoj otvetstvennosti. M., 1998. S. 179.

¹³ См.: Ivanov N. Otvetstvennost' za prestuplenija, sovershennye v sostojanii op'janenija // Zakonnost'. 1998. № 3. S. 44–45.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же. С. 44.

¹⁶ См.: Ivanov N.G. Anomal'nyj sub#ekt prestuplenija: problemy ugovolnoj otvetstvennosti. M., 1998. S. 201–202.

¹⁷ Цит. по: Sergievskij N.D. Russkoe ugovolnoe pravo. SPb., 1908. S. 229.

¹⁸ См.: Antonjan B.M., Borodin S.V. Prestupnost' i psihicheskie anomalii. M., 1987. S. 119.

¹⁹ См.: Sitkovskaja O.D. Psihologija ugovolnoj otvetstvennosti. S. 184.

²⁰ См.: Veklenko S.V. O vlijanii sostojanija op'janenija na vinu i otvetstvennost'. <http://www.lawtech.ru/pub/aopia.htm>

²¹ См.: Chuprova O.N. Differenciacija otvetstvennosti v ugovolnom prave stran kontinental'noj Evropy i Rossii: komparativistskij aspekt: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2008. S. 5.

²² Ugovolnyj kodeks Respubliki Uzbekistan (s izm. i dop. na 15 ijulja 2001 g.). SPb., 2001. S. 137.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансформация марксистской теории государства в современной европейской социально-гуманитарной мысли

Н.С. ОБОТУРОВА – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент

В статье анализируется трансформация марксистской теории государства, ее исходных элементов, идей-единиц в современной европейской социально-гуманитарной мысли.

Ключевые слова: идея; государство; теория государства; правовое государство; социальное государство; государство благосостояния.

Transformation of the Marxist theory of state in the modern European social liberal thought

N.S. OBOTUROVA – deputy director for educational work of the Vologda Institute of Law and Economics, Doctor of Philosophy, an associate professor

The author analyses the transformation of the Marxist theory of state, its initial elements, ideas-units in the modern European social liberal thought.

Key words: ideastate; the theory of state; the law-based state; the social state; the welfare state.

Актуальной проблемой теоретического осмысления понятия государства, его роли и значения в развитии общества является анализ трансформации классических теорий, выявление их исходных элементов, идей-единиц, оказавших наибольшее влияние на формирование современной государственно-правовой мысли. Большой интерес в этом плане представляет марксистская теория государства, отдельные положения которой в новой аранжировке и новом контексте проявились в идеях социального государства, правового государства, государства благосостояния, утвердившихся в теории и практике развитых европейских стран.

Как известно, в марксистской теории государства содержится идея о том, что «государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направ-

ленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих»¹, что «оно существует не извечно»², что «общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»³.

Развивая эти идеи, В.И. Ленин писал, что мы вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его «зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет»⁴.

Действительно, история развития капитализма и социализма в XX в. показала, что государство остается не только основной

формой управления общественной жизнью и организации ее, но и способом разрешения социальных противоречий. Идея социального государства как способа разрешения социальных противоречий явилась одной из центральных в развитии западноевропейской либерально-демократической мысли.

Теоретическая разработка проблем социального государства в европейской социально-гуманитарной мысли имеет достаточно длительную историю, начавшись во второй половине XIX в. трудами немецких государствоведов и экономистов Л. фон Штейна, Ф. Наумана, А. Вагнера и других мыслителей. Практическая реализация данных идей связана с борьбой трудящихся индустриально развитых стран за улучшение своего социально-экономического положения и законодательным закреплением мер по защите интересов наемных работников.

Итогом теоретического и практического развития идеи социального государства стало ее закрепление в качестве конституционного принципа в Италии, ФРГ, Франции, Швеции, Японии и других странах после Второй мировой войны. Социальное государство определялось как «особый, социально ориентированный тип государства с развитой многоукладной экономикой, высоким уровнем социальной защищенности всех граждан, утверждением принципа социальной справедливости»⁵.

В теоретическом обосновании и практической реализации задач социального государства участвовали в той или иной степени представители всех влиятельных общественно-политических движений, выражающих интересы разных социальных групп – социал-демократы, коммунисты, либералы, консерваторы, христианские демократы и др. Каждое из них внесло свой вклад в построение социального государства, или государства благосостояния. При этом необходимо отметить, что решающую роль сыграла социал-демократическая идеология, основные принципы которой, такие как социальная справедливость и солидарность, общественный контроль над экономикой, равноправное участие граждан в управлении и др., в наибольшей степени соответствовали задачам социального государства.

Социал-демократизм, как и другие разновидности социалистической идеологии, вырос из критики буржуазного строя, когда стала очевидной ограниченность реализации в нем принципов свободы, равенства и

братства, провозглашенных в качестве главных лозунгов буржуазной революции, и наибольшее влияние приобрел в западноевропейских странах в XX в. Социал-демократы подвергли критике современные капиталистические производственные отношения, утверждая, что в них сохраняются многие черты первоначального капитализма, такие как концентрация экономической власти, неравенство в распределении доходов и богатства и т.д.

Теоретики данного направления считали, что социальные противоречия могут решаться не только путем борьбы, в результате которой одна из сторон уничтожается. Существуют противоречия, которые будут сохраняться в обществе длительное время и которые нельзя решить сразу, силовыми методами, поэтому необходимо учиться находить компромиссы в ходе взаимодействия противоборствующих сторон, а не уничтожать одну из них.

Вариантами такого мирного разрешения противоречий в социально-экономической сфере жизнедеятельности общества социал-демократы считали увеличение доли государственной собственности в общественном фонде, рассредоточение крупной частной собственности путем акционирования, уравнивание условий труда и размеров потребления между различными слоями общества. Реализация этих задач стала возможной в системе централизованных социальных соглашений между главными субъектами экономической жизни – профсоюзами, работодателями и государством, фиксирующим и контролирующим соглашения.

Проведение социал-демократической политики в экономической сфере позволило ряду европейских стран существенно сгладить социальное неравенство, достичь высоких результатов в социальном обеспечении, образовании, трудовой занятости, культуре. Так, например, в Швеции, считающейся наиболее развитым социальным государством, в 90-е гг. самые низкооплачиваемые рабочие получали 90–95 тыс. крон в год, а самые высокооплачиваемые – до 180 тыс., при этом министр получал зарплату «лишь в два раза больше, чем рабочий»⁶.

В ФРГ государство гарантировало справедливое распределение национального дохода и защиту прав его граждан, выплачивая «социальный минимум» для малоимущих и нетрудоспособных в размере 500–600 марок и минимальную пенсию по старости около 700–750 марок⁷. Подобные примеры

высокого уровня социальной защищенности граждан развитых европейских государств позволяли говорить о конкретных успехах социал-демократической политики с ее идеей мирного разрешения социальных противоречий и построения общества социального равенства и солидарности.

Таким образом, социал-демократия, по определению В.Г. Федотовой, выступила как «инновационный проект преодоления недостатков капитализма и социализма»⁸. Реализованное западными социал-демократами в индустриальную эпоху демократическое социальное государство как исторически определенный тип было направлено на «поддержание классового мира, социальной солидарности и взаимной ответственности государства, бизнеса, профсоюзов и гражданского общества за благополучие, достоинство, процветание граждан и развитие социальных сфер»⁹. Основная идея западной демократии предполагала ограничение деятельности государства со стороны общества, построение гражданского общества, способного «быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому ставить государство под особый контроль»¹⁰.

Однако идея социально ориентированного государства, отстаиваемая социал-демократами, в конце XX в. подверглась критике со стороны либерально-рыночной концепции, защищаемой неоконсерваторами и неолибералами, считающими, что социальные функции государства должны быть сведены до минимума, оно не должно брать на себя обязательств по реализации прав граждан на образование, здравоохранение, социальное обеспечение, так как рыночная экономика автоматически вырабатывает механизмы саморегуляции и саморазвития общества.

С точки зрения социал-демократов, в основе либерально-рыночной доктрины лежало упрощенное видение мира, смешивающее понятия рыночной экономики и рыночного общества. О недопустимости такого смешения впервые заявил бывший лидер французских социалистов Л. Жоспен, выступивший за рыночное хозяйство, но не рыночное общество. Он говорил о том, что рынок реален, но к нему не сводится вся жизнь общества, необходимо обеспечить справедливый доступ к здравоохранению, образованию, культуре, окружающей среде и другим благам, которые не должны зависеть от рынка, поэтому «мы не должны, впрочем, и не можем экономить на политике перераспределения»¹¹.

В то же время в развитии западной социал-демократии в конце XX – начале XXI вв. произошли существенные трансформации в сторону либерализма, что выразилось в принятии идеи ограничения функций государства в решении социальных проблем, в подчеркивании важности частной инициативы, в положительной оценке аспектов индивидуализма, связанных с развитием индивидуальности и свободы человека. Либерализация идеологии социал-демократизма была связана с признанием возможности модернизации социальной политики, ибо простое ее продолжение становится невозможным в изменившейся социальной реальности.

Необходимость реформирования существующей модели социального государства была обусловлена созданием в развитых странах Запада новой экономики, основу которой составляли такие интеллектуальные услуги, как инновации, коммуникации и образование. Переход к «интеллектуальной» экономике требовал гораздо большего, чем раньше: финансирования и поощрения людей получать образование, приобретать нужные квалификации и переквалифицироваться. Главной задачей социальной политики государства в таких условиях стало инвестирование в человеческий капитал – образование, обучение и переобучение кадров, а не только субсидирование тех, кто не имеет трудовых доходов.

Однако по мере отхода западной социал-демократии от кейнсианской трактовки роли государства в экономике гражданское общество стало рассматриваться как фактор сдерживания не только государства, но и рынка, зависимости общества от «логики рыночной прибыли»¹². Основная идея кейнсианской модели состояла в утверждении, что интересы работника и работодателя противоположны на микроэкономическом уровне, тогда как на макроуровне высокая заработная плата является локомотивом экономики, увеличения прибыли, расширения производства¹³. В узком, ограниченном смысле кейнсианство действительно работало, но со временем, когда кейнсианская забота становится «чрезмерной», тогда «экономику опять-таки поражает кризис, как это было в странах Запада в 1970-х годах»¹⁴, на смену приходят теории, защищающие работодателя.

Эти задачи решались в западном демократическом социальном государстве путем институционализации социального контроля между «государством, работода-

телями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями»¹⁵. Целью такой политики являлось превращение рыночной экономики в «социальную рыночную экономику»¹⁶, обеспечивающую эффективность курса на социальную справедливость.

Необходимость дальнейших перемен в деятельности европейской социал-демократии в начале XXI в. была связана с нарастанием процессов глобализации, волной иммигрантов в страны Европы, появлением «новых социальных групп с их новыми потребностями, с новыми представлениями о самих себе и об окружающем мире»¹⁷. Социал-демократы, как и прежде, остаются сторонниками социальной справедливости, но «будучи реалистами, практиками, они внимательно следят за тем, как эти требования претворяются в жизнь при изменившихся обстоятельствах»¹⁸.

Главным фактором, изменившим современный мир, становится то, что в условиях глобализации «обнаружилась невозможность обеспечить полную занятость и избежать исчезновения полноценной налоговой базы, которая позволяла перераспределять средства в интересах общества, так как капитал начал убегать туда, где выгодно»¹⁹.

Поэтому попытки левых сил на Западе сохранить социал-демократию в условиях глобализации, по утверждению В.Г. Федотовой, привели к возникновению «третьего пути» – попыткам соединить идеи социального государства с признанием рынка и защиты нерыночных социальных сфер, к переходу к обществу с всемирным, открытым и электронным рынком, но с созданием «принципов и политических мер, которые могут скорректировать и гуманизировать этот процесс как в его воздействии на отдельные западные общества, Запад в целом, так и в конечном итоге на мир в целом»²⁰.

Кроме того, особенность современного мира состоит в том, что вовлечение различных стран в систему глобальной капиталистической экономики сделало «невозможным рассматривать Запад как универсальный образец модернизации, ибо многие из них совершенно далеки по своему развитию и характеру культуры от Запада»²¹. Поэтому освоение западного опыта ведет к появлению и развитию разнообразных национальных моделей модернизации, к множеству «модернизмов» на локальном уровне, отрицающих единый образец дальнейших преобразований и социальных инноваций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955–1981. Т. 18. С. 253.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21. С. 173.

³ Там же.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 33. С. 97.

⁵ Мысливченко А.Г. Перспективы европейской модели социального государства // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 3.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Жоспен Л. На пути к более справедливому миру // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С. 116.

¹² См.: Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества. С. 8.

¹³ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.

¹⁴ Хайтун С.Д. Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кейнсианская) первооснова // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 26.

¹⁵ Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества. С. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Орлов Б.С. Введение. Чем вызвана необходимость в переменах? // Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия Европы в начале XXI века: Время перемен: Сб. М., 2006. С. 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества. С. 8.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 11.

¹ Jengel's F. K zhilishhnomu voprosu // Marks K., Jengel's F. Soch. M., 1955–1981. T. 18. S. 253.

² Jengel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Tam zhe. T. 21. S. 173.

³ Tam zhe.

⁴ Lenin V.I. Poln. sobr. soch. M., 1962. T. 33. S. 97.

⁵ Myslivchenko A.G. Perspektivy evropejskoj modeli social'nogo gosudarstva // Voprosy filosofii. 2004. № 6. S. 3.

⁶ Tam zhe. S. 7.

⁷ Tam zhe.

⁸ Tam zhe.

⁹ Tam zhe.

¹⁰ Tam zhe. S. 8.

¹¹ Zhospen L. Na puti k bolee spravedlivomu miru // Social-demokratija pered licom global'nyh problem. M., 2000. S. 116.

¹² Sm.: Fedotova V.G. Social'nye innovacii kak osnova processa modernizacii obshhestva. S. 8.

¹³ Sm.: Kejns Dzh. M. Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg. M., 1978.

¹⁴ Hajtun S.D. Postindustrial'naja nrvstvvennaja revolucija i ee jekonomicheskaja (kejnsianskaja) pervoosnova // Voprosy filosofii. 2011. № 3. S. 26.

¹⁵ Fedotova V. G. Social'nye innovacii kak osnova processa modernizacii obshhestva. S. 8.

¹⁶ Tam zhe.

¹⁷ Orlov B.S. Vvedenie. Chem vyzvana neobhodimost' v peremenaх? // Aktual'nye problemy Evropy. Social-demokratija Evropy v nachale XXI veka: Vremja peremen: Sb. M., 2006. S. 9.

¹⁸ Tam zhe.

¹⁹ Fedotova V.G. Social'nye innovacii kak osnova processa modernizacii obshhestva. S. 8.

²⁰ Tam zhe. S. 9.

²¹ Tam zhe. S. 11.

Обеспечение юридической помощи осужденным как одно из направлений уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России

Л.А. КОЛПАКОВА – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Е.В. УХОВА – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются некоторые вопросы обеспечения права на защиту осужденным на стадиях уголовного процесса, следующих за разрешением дела по существу и постановлением приговора.

Ключевые слова: осужденный; адвокат; защитник; право на защиту; уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России.

The provision of legal assistance for the convicted as a direction of the criminal – procedural activity of the Russian Penal System bodies and institutions

L.A. KOLPAKOVA – senior lecturer of the Chair of criminal process and criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law), docent;

E.V. UKHOVA – chief of the Chair of criminal process and criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law), docent

The article is devoted to the discussion of some questions concerning of the provision of legal assistance for the convicted in the criminal process stages after adjudication of a case and sentencing.

Key words: the convicted; lawyer; defender; right of defense; the criminal – procedural activity of the Russian Penal System bodie and institutions.

Оказание юридической помощи осужденным – одно из направлений реализации правоохранительной функции государства и его органов. Если организация такой помощи осуществляется в рамках этапов уголовного процесса, следующих за разрешением уголовного дела по существу и постановлением обвинительного приговора, это предметно относится к уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России.

Как известно, вынесением судом обвинительного приговора уголовный процесс не заканчивается. Далее могут последовать процедуры апелляционного, кассационного, надзорного производств и производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Да и сам факт осуждения и возложения на виновного бремени уголовной ответственности предполагает необходимость разрешения в уголовно-процес-

суальном порядке целого ряда вопросов, регламентация которых осуществляется разноотраслевыми и межотраслевыми источниками – УК РФ, УИК РФ, УПК РФ, а также иными законами и подзаконными нормативными правовыми актами.

Сама возможность пересмотра приговора вышестоящим судом, а также помилования или смягчения наказания заложена в Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 50). Также в ст. 48 данного документа в числе основных прав и свобод человека и гражданина закреплено право на получение квалифицированной юридической помощи, которое УПК РФ трансформирует в право на защиту и право иметь представителя в уголовном процессе. Кроме того, регламентируя порядок обжалования судебных решений, УПК РФ указывает защитника в числе активных в процессуальном отношении участников, наделенных обширным переч-

нем прав по защите интересов своего клиента, УИК РФ также закрепляет соответствующее положение в ч. 8 ст. 12, где говорится, что осужденные имеют право получать юридическую помощь прежде всего от адвокатов.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2003 г. № 20-П отмечено, что Конституция Российской Федерации определяет лишь начальный момент осуществления обвиняемым права на помощь адвоката (защитника), данное право должно обеспечиваться ему на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также при исполнении приговора¹.

Таким образом, осужденный имеет гарантированное Основным законом страны и поддержанное отраслевым законодательством право пользоваться квалифицированной юридической помощью. Однако возникает вопрос: обеспечивается ли государством данное право в полной мере? Каковы основные препоны, существующие сегодня на этом пути, и что необходимо сделать для разрешения имеющихся проблем?

Итак, лицо, в отношении которого состоялся обвинительный приговор суда, приобретает статус осужденного и право на участие адвоката. В уголовно-исполнительном праве различается правовое положение лиц, отбывающих наказания, связанные с лишением или ограничением свободы, и правовое положение осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества². В настоящей статье мы в основном коснемся первой категории, поскольку именно их конституционные права ограничены в значительной степени и именно у них наиболее остро стоит вопрос о доступе к квалифицированной юридической помощи при обжаловании судебных постановлений и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Согласно исследованию, проведенному О.А. Акимовой, «69% осужденных признали, что нуждались или нуждаются в юридической помощи во время отбывания наказания в исправительном учреждении. При этом 55% респондентов считают, что их доступ к получению юридической помощи более ограничен, чем у граждан, находящихся на свободе»³.

Традиционно к видам помощи, которые могут оказывать адвокаты осужденным, относят:

- консультирование по правовым вопросам, связанным не только с обжалованием или исполнением приговора, но и другими проблемами, возникшими в связи с осуждением, в сфере семейного, жилищного, трудового, гражданского права;

- составление документов правового содержания (жалобы в различные судебные инстанции, прокуратуру, иски и иные заявления, ходатайства и т.п.);

- представительство в материальных и процессуальных правоотношениях, в том числе судебное;

- выработка определенной линии, тактики защиты по уголовному делу на всех стадиях уголовного процесса;

- сбор документов и материалов на доверителя, характеризующих его личность;

- подача собранных документов на личном приеме в Комиссию по помилованию при Президенте Российской Федерации, осуществление контроля за ходом процесса помилования.

Общение адвоката с клиентом (осужденным) может быть организовано как непосредственно в ходе свиданий, так и с помощью средств коммуникации (телефона или почты). При этом законодательно установлены гарантии конфиденциальности их общения.

Проанализируем законодательство на предмет достаточности и прозрачности правовой регламентации этих вопросов, а также правоприменительную практику в данной сфере с точки зрения адекватности реализации правовых предписаний. К примеру, исследования, проведенные в Республике Дагестан, свидетельствуют о том, что лишь 40% осужденных ознакомлены с процедурой предоставления юридической помощи в исправительном учреждении; только каждый пятый осужденный (19%) пользуется правом на свидания с адвокатом, причем такие свидания носят эпизодический характер. Исследователи объясняют сложившееся положение вещей малочисленностью адвокатов, особенно в удаленных и малонаселенных районах, а также отсутствием денежных средств на оплату их услуг. Отмечаются также организационно-правовые моменты, связанные с особенностями Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений⁴.

В этой связи следует отметить, что положение ч. 1 ст. 12 УИК РФ о том, что осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и условиях отбывания назначенного судом вида наказания, не выполняется в полном объеме. Также требуется подвергнуть ревизии нормы, регламентирующие порядок предоставления осужденному свиданий с защитником. В частности, выглядит весьма странно, что законодатель поместил их в одну статью с нормами о предоставлении свиданий с родственниками и иными лицами (ст. 89 УИК РФ).

Дело в том, что и целевое предназначение, и порядок предоставления таких встреч существенно различаются. В большинстве случаев исправительные учреждения не имеют специализированных помещений для общения адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь, с их клиентами. Как правило, такие встречи организуются в помещении дежурной части, комнатах для свиданий, рабочих кабинетах сотрудников учреждения, комнатах отдыха. При этом конфиденциальность такого общения никто не гарантирует, что нарушает соответствующие уголовно-процессуальные нормы.

В этой связи целесообразно скорректировать название ст. 89 УИК РФ таким образом: «Свидания осужденных к лишению свободы с родственниками или иными лицами», а ее четвертую часть исключить. Соответственно, вопросы свиданий осужденных с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, необходимо закрепить в отдельной статье УИК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 89.1. Свидания осужденных к лишению свободы с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

1. Осужденным по их заявлению, а несовершеннолетним осужденным также по письменному заявлению их родственников либо представителей попечительского совета, родительского комитета для получения юридической помощи предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов.

2. Осужденный имеет право как лично, так и через администрацию исправительного учреждения либо доверенных лиц обратиться за получением юридической помощи в одно или несколько адвокатских образований.

3. Свидания с адвокатом или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, предоставляются наедине в специально оборудованных для этих целей помещениях, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания.

4. В случае имущественной несостоятельности осужденного, нуждающегося в получении юридической помощи, услуги адвоката или иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи, оказываются ему в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации».

Высказанное предложение объединяет разбросанные по разным нормативным

правовым актам положения о юридической помощи осужденным. В частности, часть первая предлагаемой статьи согласуется с п. 83 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений⁵ и п. 220 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний⁶, позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в определении от 01.04.2004 г. № 77-О, и подчеркивает, что волеизъявление осужденного на получение свидания с адвокатом не может быть произвольно ограничено. Часть вторая обусловлена сложившейся правоприменительной практикой, так как поручения на оказание юридической помощи адвокатам поступают и от самих клиентов и при обращении начальников исправительных учреждений в различные юридические образования. При этом соглашение, заключаемое между адвокатом и осужденным, является документом конфиденциального характера, поэтому администрация учреждения не вправе требовать ознакомления с его содержанием, равно как этот документ не дает сам по себе право адвокату входить на территорию исправительного учреждения: для этого ему необходимо иметь удостоверение адвоката и ордер на оказание юридической помощи конкретному осужденному. Часть третья предлагаемой нами статьи носит отсылочный характер и отвечает проводимой сегодня политике обеспечения доступности квалифицированной юридической помощи для малообеспеченных и социально незащищенных слоев населения. Ее редакция сформирована с опорой на действующее уголовно-процессуальное законодательство⁷, ст. 44 федерального закона от 31.05.2012 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2011 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁸, а также на федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»⁹.

В этой связи также следует поддержать мнение О.А. Акимовой о том, что необходимо более активно привлекать юридические клиники, образованные на базе юридических вузов и факультетов, к оказанию бесплатной юридической помощи осужденным¹⁰. Во-первых, это отличная практика для обучающихся. Во-вторых, это действительно квалифицированная юридическая помощь, поскольку работа клиницистов осуществляется под контролем опытных педагогов-юристов.

Весьма актуален и вопрос о том, на основании каких документов должны допускаться на территорию исправительного учреждения «иные (помимо адвокатов) лица, имеющие право на оказание юридической помо-

щи». Возможность привлечения этих лиц к рассматриваемой проблеме законом предусмотрена, но кто это конкретно, на каком основании должен допускаться на территорию учреждения ФСИН России – не оговаривается. Очевидно, что это должны быть лица, обладающие специальными юридическими знаниями, но при этом не имеющие официального статуса адвоката. Однако ввиду того, что эти субъекты могут иметь совершенно различный правовой, должностной и социальный статус, привести универсальный перечень документов, необходимых для допуска их в исправительные учреждения, не представляется возможным. Так, для прокурора, уполномоченного по правам человека, помощника начальника территориального органа ФСИН России по соблюдению прав человека в УИС¹¹ предусмотрен особый режим допуска на территорию исправительного учреждения: требуются документы, подтверждающие личность и соответствующий статус. Для остальных субъектов, которые имеют право оказывать юридическую помощь, например членов общественных правозащитных организаций¹², лиц, осуществляющих представительство, требуется не только удостоверение личности, документ, подтверждающий принадлежность к той или иной организации, доверенность на совершение юридически значимых действий, но и разрешение начальника исправительного учреждения. В этой связи заметим, что с позиции, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 26.12.2003 г. № 20-П, на основании действующей ст. 89 УИК РФ визиты адвокатов и иных лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь осужденным, носят уведомительный, а не разрешительный характер. Стало быть, не разрешить такие встречи начальник учреждения не имеет права. Однако при этом открытым остается вопрос, как в таком случае обеспечить безопасность в исправительном учреждении, если даже адвокаты иногда уличаются в совершении запрещенных законом действий, например проносе на территорию исправительного учреждения мобильных телефонов, наркотических средств и т.п.

Возникает еще один вопрос: должны ли допускаться к оказанию юридической помощи осужденным на стадии исполнения приговора лица, которых УПК РФ также наделяет процессуальным статусом защитника наряду с адвокатом? В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ это может быть один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый.

Здесь же говорится, что допускается это лицо в процесс лишь по определению или постановлению суда. Соответственно, из буквального смысла приводимой правовой нормы усматривается, что родственники и иные лица могут приобрести статус защитника, если явятся в судебное заседание и суд удовлетворит ходатайство об их участии в деле. Таким образом, они лишаются возможности выполнять функции защитника при составлении ходатайств об обжаловании судебных решений либо разрешении вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, еще до начала судебного заседания, если осужденный находится в СИЗО или исправительном учреждении, и не могут допускаться на территорию этих учреждений, за исключением краткосрочных и длительных свиданий. Это видится неправильным, ведь прямых ограничений участия данных лиц в судьбе осужденного в качестве защитников уголовно-процессуальным законом не предусмотрено, и, как представляется, оно должно осуществляться ими в порядке ст. 89 УИК РФ (ст. 89.1 УИК РФ в предлагаемой выше редакции).

На основании вышеизложенного, а также определения осужденного, данного в ч. 2 ст. 47 УПК РФ (обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным), и положения, закрепленного в ч. 3 ст. 47 УПК РФ, о том, что обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите, считаем необходимым внести изменения в УПК РФ:

– ч. 3 ст. 49 УПК, закрепляющую перечень моментов, с которых защитник может участвовать в производстве по уголовному делу, дополнить п. 7 следующего содержания: *«с момента волеизъявления осужденного на оказание ему юридической помощи в связи с предстоящим участием в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, производстве ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, а также в судебном заседании по поводу разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора»;*

– ч. 2 ст. 50 УПК РФ необходимо изложить данным образом: *«по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем, судом, администрацией органа или учреждения Федеральной службы исполнения наказаний».*

Также следует остановиться на понимании роли адвоката в деле оказания правовой помощи осужденным. Как представляется,

нельзя сводить ее к чисто утилитарному использованию юриста в качестве справочного пособия по скорейшему и безболезненному избавлению от тягот тюрьмы. Институт адвокатуры призван также осуществлять правовое воспитание граждан, что в малой степени реализуется сегодня на практике. Если говорить о самих адвокатах, то здесь приходится апеллировать лишь к их профессиональной совести.

Подводя итог сказанному, отметим ряд моментов:

– сам факт осуждения лица не может считаться основанием для лишения его права на защиту в апелляционном, кассационном и надзорном производствах, производстве ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, а также при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора;

– осужденный, согласно нормам УПК РФ, обладает всеми правами и обязанностями,

которые предусмотрены для обвиняемого, поэтому нарушение его права на защиту является нарушением не только норм УПК РФ, но и конституционной нормы, имеющей прямое действие;

– администрация учреждения ФСИН России, где осужденный находится либо в апелляционный период, либо в ожидании обращения приговора к исполнению, либо в процессе отбывания наказания, выполняя определенные уголовно-процессуальные функции на стадии исполнения приговора, обязана кроме всего прочего также обеспечить выполнение требования о беспрепятственном общении адвоката и иных лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь, с осужденным;

– внесение некоторых поправок в УПК РФ и УИК РФ позволит правоприменителю более четко реализовать идею о доступности квалифицированной юридической помощи для осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2003 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Трунов И.Л. Проблемы соблюдения конституционного права осужденных на получение квалифицированной юридической помощи (с позиции ресоциализации) // 10 лет Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 1–2 ноября 2007 г.): В 2 ч. Рязань, 2007. Ч. 1. С. 66–75.

³ Акимова О.А. Правовое и организационное обеспечение юридической помощи осужденным в исправительных учреждениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

⁴ См.: Буйнакский районный суд Республики Дагестан. Юридическая помощь осужденным: роль адвокатуры. <http://bunakskiy-rs.dag.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=113&cl=1>

⁵ См.: Приказ Минюста России от 03.11.2005 г. № 205 (ред. от 12.02.2009 г., с изм. от 07.02.2012 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. 13 апр.

⁶ См.: Приказ Минюста России от 06.10.2006 г. № 311 (ред. от 23.08.2012 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы» // Российская газета. 2006. 18 окт.

⁷ Обвиняемый, коим считается и лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор (осужденный) (ч. 2 ст. 47 УПК РФ), имеет право пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных УПК РФ (п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

⁸ См.: Российская газета. 2002. 5 июня.

⁹ См.: Там же. 2011. 23 нояб.

¹⁰ См.: Акимова О.А. Правовое и организационное обеспечение юридической помощи осужденным в исправительных учреждениях. С. 9, 23–24.

¹¹ См. подр.: Смирнов С.Н., Бикаев А.С. Деятельность мощника начальника территориального органа ФСИН России по соблюдению прав человека в УИС // Уголовно-исполнительное право. 2008. № 2. С. 50–52.

¹² В ст. 61, 80 и 81 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными предусматривается участие общественных организаций в деятельности исправительных учреждений.

¹ См.: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26.12.2003 g. № 20-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ot del'nyh polozhenij chastej pervoj i vtoroj stat'i 118 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj Shengelaja Zazy Revazovicha» // SPS «Konsul'tantPljus».

² См.: Trunov I.L. Problemy sobljudenija konstitucionnogo prava osuzhdennyh na poluchenie kvalificirovannoj juridicheskoj pomoshhi (s pozicii resocializacii) // 10 let Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii: Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Rjazan', 1–2 nojabrja 2007 g.): V 2 ch. Rjazan', 2007. Ch. 1. S. 66–75.

³ Akimova O.A. Pravovoe i organizacionnoe obespechenie juridicheskoj pomoshhi osuzhdennym v ispravitel'nyh uchrezhdenijah: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. S. 11.

⁴ См.: Bujnaksij rajonnyj sud Respubliki Dagestan. Juridicheskaja pomoshh' osuzhdennym: rol' advokatury. <http://bunakskiy-rs.dag.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=113&cl=1>

⁵ См.: Prikaz Minjusta Rossii ot 03.11.2005 g. № 205 (red. ot 12.02.2009 g., s izm. ot 07.02.2012 g.) «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego raspordjaka ispravitel'nyh uchrezhdenij» // B'ulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2009. 13 apr.

⁶ См.: Prikaz Minjusta Rossii ot 06.10.2006 g. № 311 (red. ot 23.08.2012 g.) «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego raspordjaka vospitatel'nyh kolonij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy» // Rossijskaja gazeta. 2006. 18 okt.

⁷ Obvinjaemyj, koim schitaetsja i lico, v otnoshenii kotorogo vynesen obvinitel'nyj prigovor (osuzhdennyj) (ch. 2 st. 47 UPK RF), imeet pravo pol'zovat'sja pomoshh'ju zashhitnika, v tom chisle besplatno v sluchajah, predusmotrennyh UPK RF (p. 8 ch. 4 st. 47 UPK RF).

⁸ См.: Rossijskaja gazeta. 2002. 5 ijunja.

⁹ См.: Там же. 2011. 23 nojab.

¹⁰ См.: Akimova O.A. Pravovoe i organizacionnoe obespechenie juridicheskoj pomoshhi osuzhdennym v ispravitel'nyh uchrezhdenijah. S. 9, 23–24.

¹¹ См. подр.: Smirnov S.N., Bikaev A.S. Dejatel'nost' pomoshhnika nachal'nika territorial'nogo organa FSIN Rossii po sobljudeniju prav cheloveka v UIS // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2008. № 2. S. 50–52.

¹² В ст. 61, 80 и 81 Minimal'nyh standartnyh pravil obrashhenija s zakljuchennyimi predusmatrivaetsja uchastie obshhestvennyh organizacij v dejatel'nosti ispravitel'nyh uchrezhdenij.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемая часть которой – проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

В четвертом квартале 2013 г. сотрудниками института защищены две диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и одна диссертация на соискание ученой степени доктора наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре в библиотеке института.

Некрасов Василий Николаевич, заместитель начальника организационно-научного отдела.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Л.Л. Кругликов) состоялась 16 декабря 2013 г. в диссертационном совете Д 212.282.03 при ФГБОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия». Тема: **«Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности»**.

Целями диссертационного исследования являлись раскрытие понятия «неоконченное преступление», выявление его правовой сущности и видов, а также разработка ранее не исследованных проблем, связанных с конструированием норм о неоконченном преступлении, дифференциация ответственности за его совершение, выработка рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Проанализировано становление и выявлены этапы развития уголовного законодательства России о неоконченном преступлении. Сформулировано понятие неоконченного преступления, определены его виды, а также его соотношение со стадиями совершения преступления. Выделены приемы и средства законодательной техники, которые применялись при конструировании норм о неоконченном преступлении на разных этапах исторического развития. Выявлены плюсы и минусы дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление. Изучены и проанализированы содержание и техника конструирования норм о неоконченном преступлении в уголовном законодательстве зарубежных государств. Оценены имеющиеся теоретические наработки, посвященные нормам о неоконченном преступлении, исследованы достоинства и недостатки данных норм, проведен анализ наиболее часто встречающихся ошибок и проблем, связанных с практическим применением указанных норм. Разработаны предложения по совершенствованию норм о неоконченном преступлении.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты способствуют дальнейшей научной разработке вопросов,

касающихся неоконченного преступления. Изучение норм о неоконченном преступлении сквозь призму законодательной техники и дифференциации ответственности позволяет ввести в научный оборот различного рода оценки, предложения, выводы и решения, которые впоследствии могут быть использованы при обсуждении отдельных проблем отечественного уголовного права. Содержащиеся в диссертации положения, выводы и рекомендации могут быть использованы в процессе преподавания курса уголовного права. Практическая значимость исследования состоит в том, что оно содержит обоснованные предложения по реформированию уголовного законодательства, а отдельные положения, вынесенные на защиту, могут быть учтены в практике расследования и рассмотрения уголовных дел.

Стребков Николай Николаевич, преподаватель кафедры организации производства и трудовой адаптации осужденных.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук по специальности 06.03.01 – лесные культуры, селекция, семеноводство (научный руководитель – доктор сельскохозяйственных наук, профессор С.А. Корчагов) состоялась 4 декабря 2013 г. в диссертационном совете Д 212.008.03 на базе ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова». Тема: **«Продуктивность плантационных культур ели Вологодской области»**.

Целью диссертационного исследования являлось изучение древесной, качественной и балансовой продуктивности плантационных культур ели в условиях южной подзоны тайги Вологодской области с учетом технологических приемов их создания.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Оценены природные факторы в районе проведения исследований, определены их роли в формировании древесины. Проанализирован опыт создания, выращивания и изучения лесных плантаций. Разработана методика исследований древесной, качественной и балансовой продуктивности плантационных лесных культур. Рассмотрены показатели продуктивности плантаций ели европейской в условиях южной подзоны тайги Вологодской области с учетом технологических приемов их создания.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты позволяют судить о масштабах и технологических приемах создания, а также современном состоянии плантационных лесных культур в условиях Вологодской области.

Установленные взаимосвязи наличного запаса древесины, запаса деловой древесины, выхода балансов с диаметром ствола на высоте груди могут быть использованы при проектировании рубок ухода в молодых лесных культурах.

Значениями базисной плотности древесины, полученными для ели европейской в условиях плантаций южной подзоны тайги Европейской части России, могут быть дополнены таблицы стандартных справочных данных (РТМ, 1962; ГСССД 69-84). Установленная зависимость между толщиной сучков и диаметром ствола существенно упрощает процедуру определения сортности выращиваемых лесоматериалов по признаку сучковатости.

Определенные в ходе исследований показатели продуктивности насаждений могут служить основанием для принятия решения о дальнейшей хозяйственной деятельности на рассматриваемом лесокультурном объекте.

Панова Оксана Брониславовна, начальник кафедры юридической психологии и педагогики.

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования состоялась 19 декабря 2013 г. в диссертационном совете Д 212.307.01 при ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». Тема: «**Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии**».

Целью диссертационного исследования являлась разработка теоретико-методических основ педагогического обеспечения правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Определены методологические предпосылки педагогического обеспечения правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Охарактеризованы сущность, компоненты, критерии и показатели правовой ресоциализации данной категории правонарушителей. Обоснована концепция и разработана модель педагогического обеспечения правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Выявлены эффективные педагогические средства и раскрыты педагогические условия обеспечения правовой ресоциализации данных осужденных.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что разработаны:

- программа «Человек в правовом поле» для системы педагогического обеспечения правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии, позволяющая педагогам освоить новые интерактивные формы взаимодействия с воспитанниками исправительных учреждений;

- коррекционная программа «Формирование эмпатийного поведения осужденных за насильственные преступления» (в соавторстве) для реализации дифференцированного подхода в педагогическом обеспечении правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных;

- рекомендации по использованию методики персонализированного взаимодействия с воспитанниками в ходе педагогического обеспечения правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии;

- учебно-методические комплексы «Формирование правосознания несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии», «Диагностика и развитие правовых представлений несовершеннолетних осужденных», «Пенитенциарная педагогика» для специальностей «Юриспруденция» (воспитательно-правовая специализация), «Психология»;

- обширный банк практических заданий, упражнений, педагогических ситуаций и тестов, адресованных воспитателям исправительных учреждений, для проведения занятий с несовершеннолетними осужденными.

Предложенная методика педагогического мониторинга позволяет расширить возможности выявления изменений социально-правового развития воспитанников исправительных учреждений. Разработанные средства формирования компетенций, необходимых для решения задач педагогического обеспечения правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных, содействуют повышению уровня педагогической подготовки сотрудников воспитательных колоний.

Материалы исследования дают возможность воспитателям исправительных учреждений организовать процесс педагогического обеспечения правовой ресоциализации, перейти от ситуативных влияний на развитие правовой позиции несовершеннолетних осужденных к системному воздействию на этот процесс. Они могут быть востребованы разработчиками программ правового воспитания учащихся среднего и старшего школьного возраста в общеобразовательных учебных заведениях, воспитанников детских домов; использованы психологами и специалистами по социальной работе в воспитательной колонии для повышения эффективности взаимодействия с воспитанниками, для которых характерно снижение способности к ориентации в правовом пространстве.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию «**Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.)**» кандидата исторических наук, доцента **А.А. Кузьминых**

Н.А. БЕЛОВА – старший преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

История военного плена, несмотря на интенсивные исследования и публикации последних лет, не утратила своей актуальности и научного интереса. Доказательством тому является подготовленная А.Л. Кузьминых монография по истории органов и учреждений военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР.

Автором на основе широкого комплекса документальных источников исследуется исторический опыт формирования и функционирования органов и учреждений, входивших в структуру Главного управления по военнопленным и интернированным НКВД–СССР. При этом система УПВИ–ГУПВИ НКВД–МВД СССР рассматривается как составная часть советской карательно-репрессивной системы.

Территориальные рамки работы охватывают бывший Советский Союз в его послевоенных границах, хронологические – весь период существования системы органов и учреждений для содержания военнопленных и интернированных на территории СССР начиная с формирования первых лагерей для военнопленных в сентябре 1939 г. и заканчивая репатриацией последних военнопленных в декабре 1956 г.

Структура книги включает в себя введение, четыре главы, заключение, список использованных источни-

ков и литературы, список сокращений. В первой главе рассматривается генезис органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР в начальный период Второй мировой войны, во второй – эволюция системы УПВИ в годы Великой Отечественной войны, в третьей – функционирование системы ГУПВИ в послевоенный период, в четвертой – процесс расформирования органов и учреждений военного плена и интернирования в постсталинский период.

Созданные в составе УПВИ-ГУПВИ учреждения для содержания иностранных военнопленных и интернированных автор условно делит на две группы: фронтовые и тыловые. Категория фронтовых учреждений включала приемные пункты военнопленных (ППВ), сборные пункты военнопленных (СПВ), фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ). Их главной функцией являлся прием и эвакуация военнопленных и интернированных, поступавших с фронтов. К тыловым учреждениям относились стационарные лагеря для содержания военнопленных и интернированных, рабочие батальоны, специальные госпитали, антифашистские школы и курсы, а также спецобъекты. Основной функцией стационарных лагерей и рабочих батальонов было трудовое использование военнопленных и интернированных, спецгоспиталей – восстановление трудоспособности и медико-санитарное обслуживание контингента, антифашистских школ и курсов – политическая работа с пленными, спецобъектов – оперативные мероприятия с офицерами и генералами противника.

Большинство учреждений военного плена и интернирования находились в ведении НКВД-МВД СССР; отдельные учреждения имели иную ведомственную принадлежность. Например, система спецгоспиталей структурно подчинялась Наркомату (Министерству) здравоохранения; система отдельных рабочих батальонов – Наркомату обороны (Министерству вооруженных сил СССР). Но и в том и в другом случае контроль за деятельностью этих учреждений, как отмечает автор, осуществляло УПВИ-ГУПВИ, а организация режима, охраны и оперативного обслуживания возлагались на НКВД-МВД СССР.

Помимо учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в монографии также рассматривается деятельность специальных лагерей для содержания советских военнослужащих, вышедших из неприятельского плена или окружения, которые в 1942–1944 гг. входили в структуру УПВИ, а также учреждений для содержания военнопленных союзных армий, освобожденных из нацистского плена, подчинявшихся Управлению Уполномоченного Совета Министров ССР по делам репатриации.

Автор приходит к выводу, что институт военного плена и интернирования в СССР в условиях существования тоталитарного политического режима приобрел черты репрессивно-карательного института. Хотя система УПВИ-ГУПВИ являлась самостоятельным подразделением в структуре НКВД-МВД СССР, институционально отличным от системы ГУЛАГа, реальное положение военнопленных и интернированных во многом было аналогично положению заключенных исправительно-трудовых лагерей.

Научная значимость исследования состоит в том, что оно в значительной степени заполняет лауну в изучении организационно-структурных аспектов советской системы военного плена и интернирования. Содержание монографии, сформулированные в ней положения и выводы могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов по истории Второй мировой войны, истории отечественных органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Панова О.Б. Правовая ресоциализация воспитанников детских исправительных учреждений: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 216 с. – ISBN 978-5-94991-265-2

В монографии освещаются проблемы правового воспитания несовершеннолетних осужденных как фактора ресоциализации; раскрываются особенности и сущность правовой ресоциализации воспитанников исправительных учреждений, обосновывается модель педагогического процесса правовой ресоциализации.

Издание предназначено для курсантов и слушателей ведомственных вузов ФСИН России, студентов юридических и психологических факультетов высших учебных заведений, а также сотрудников исправительных учреждений.

Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 28–29 ноября 2013 г.). – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 398 с. – ISBN 978-5-94991-268-3

В настоящем сборнике представлены материалы научных исследований, посвященных анализу современного состояния уголовной и уголовно-исполнительной политики в России и зарубежных странах, выявлению факторов, влияющих на ее формирование и реализацию, определению возможных направлений ее совершенствования.

Материалы сборника представляют интерес для научных и практических работников, студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, интересующихся проблемами назначения и исполнения уголовных наказаний, предупреждения преступности, исправления осужденных, реформирования пенитенциарных учреждений, подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы.

Предупреждение экономических преступлений на объектах уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов научно-практического семинара / Под ред. С.Н. Кондратовской, Д.В. Углицких. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 102 с.

В сборник вошли статьи профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, практических работников ФСИН России, сотрудников иных ведомств и курсантов, выступивших на семинаре, организованном кафедрой гражданско-правовых дисциплин.

Семинар проводился в целях определения основных направлений дальнейшей работы кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России по исследованию проблем, возникающих в сфере обеспечения экономической безопасности на объектах уголовно-исполнительной системы России.

Крюкова Е.В. Организация и проведение психокоррекционных мероприятий с несовершеннолетними осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях: Мето-

дические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 59 с. – ISBN 978-5-94991-263-8

Методические рекомендации подготовлены в целях совершенствования форм и методов работы с несовершеннолетними, осужденными без изоляции от общества, содержат психокоррекционную программу, внедрение которой послужит повышению уровня общественной безопасности и снижению риска совершения повторных преступлений.

Рекомендации предназначены для пенитенциарных психологов.

Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф. Методические рекомендации по профилактике негативных влияний субкультуры осужденных на ценностно-мотивационную сферу сотрудников уголовно-исполнительной системы. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 52 с. – ISBN 978-5-94991-264-5

Методические рекомендации посвящены рассмотрению вопросов, связанных с профилактикой профессиональной деформации сотрудников УИС. В них предложены мероприятия по социально-психологической реабилитации сотрудников.

Рекомендации предназначены для психологов уголовно-исполнительной системы.

Панова О.Б. Педагогическое сопровождение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 62 с. – ISBN 978-5-94991-267-6

В издании содержатся сведения о теоретических аспектах правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных и педагогическом сопровождении данного процесса. В нем представлены практические рекомендации по осуществлению педагогических действий, обеспечивающих успешность интегрирования воспитанников исправительных учреждений в правовую реальность, включающие описание необходимых диагностических процедур, характеристику основных этапов правовой ресоциализации, алгоритм мониторинга эффективности данного педагогического процесса. Особое внимание уделяется индивидуализации педагогического сопровождения правовой ресоциализации несовершеннолетних в воспитательной колонии.

Практические рекомендации предназначены для практических работников уголовно-исполнительной системы, прежде всего сотрудников воспитательных колоний, курсантов (слушателей), студентов и преподавателей высших образовательных учреждений, а также могут представлять интерес для иных специалистов, занимающихся профилактикой пенитенциарной и постпенитенциарной преступности.

Углицких Д.В., Кондратовская С.Н., Рожнев М.С. Участие ФСИН России в размещении заказов без проведения торгов: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 38 с. – ISBN 978-5-94991-272-0

В издании рассматриваются вопросы, связанные с осуществлением государственных закупок без проведения торгов, раскрываются особенности данных процедур и порядок их проведения.

Практические рекомендации предназначены для сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также могут быть использованы в учебном процессе образовательных учреждений ФСИН России.

Кисель Е.В. Особенности производства расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 83 с. – ISBN 978-5-94991-266-9

Практические рекомендации раскрывают особенности производства расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях. Разработаны для сотрудников ФСИН России, осуществляющих неотложные следственные действия по преступлениям, совершенным на территории исправительного учреждения, а также оказывающих содействие следователям органов внутренних дел, ФСКН России при предварительном расследовании указанных преступлений.

Голиков Л.М., Дружининская О.В. Документ в деятельности уголовно-исполнительной системы: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 40 с. – ISBN 978-5-94991-273-7

Практические рекомендации предназначены для сотрудников органов и учреждений ФСИН России. Содержат теоретические и практические ориентиры для написания служебных документов: разновидности и жанры официально-делового стиля, языковые средства, используемые в деловой документации; формулируются основные принципы составления документа, рассматриваются типы и виды документов, наиболее частотных в системе делопроизводства ФСИН России.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Основные итоги международной научно-практической конференции «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России: состояние, тенденции и проблемы совершенствования»

28–29 ноября 2013 г. в ВИПЭ ФСИН России состоялась международная научно-практическая конференция «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России: состояние, тенденции и проблемы совершенствования». В ее работе приняли участие ведущие ученые научных и образовательных учреждений ФСИН, МВД, Минобрнауки России (Л.И. Беляева, Л.А. Букалерева, К.К. Горяинов, В.И. Зубкова, Л.М. Колодкин, В.М. Поздняков, В.И. Селиверстов, Б.А. Спасенников, Е.Я. Тищенко, В.Е. Южанин, А.С. Шаталов и др.), руководители и сотрудники территориальных органов ФСИН России, работники суда, прокуратуры, представители образовательных учреждений Норвегии, Польши, Украины, Финляндии, Швейцарии, профессорско-преподавательский состав и курсанты института.

Перед участниками конференции с приветственными словами выступили заместитель Губернатора Вологодской области В.Ю. Хохлов, начальник УФСИН

России по Вологодской области полковник внутренней службы С.В. Савельев, председатель квалификационной коллегии судей Вологодской области И.Э. Трофимов.

Открывая конференцию, начальник института кандидат психологических наук, доцент генерал-майор внутренней службы Бабурин С.В. отметил, что актуальность проведения конференции обусловлена значимостью проблем противодействия преступности в нашей стране, необходимостью разработки законодательных и правоприменительных мер воздействия на криминальную среду, научного осмысления осуществляемой государством уголовной политики, выработки научно обоснованной ее стратегии, повышения эффективности функционирования всего государственного механизма и общественных структур в области противодействия преступности.

С докладом на тему «Уголовная политика в сфере гуманизации наказания» выступила профессор кафедры уголовного права МГУ им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор В.И. Зубкова. Кратко охарактеризовав состояние дел в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний, она обратила внимание на то, что основной целью уголовной политики России является обеспечение эффективного сдерживания преступности. Политика государства в современных условиях направлена на гуманизацию уголовных наказаний. Вместе с тем вносимые в уголовное законодательство изменения, преследующие данную цель, должны быть продуманными и обязательно увязанными с существующими нормами УК РФ, что обеспечивается не всегда. При назначении наказания следует учитывать не только категорию, но и обстоятельства совершенного преступления, личность виновного и, конечно же, иметь в виду цели наказания, основной из которых является восстановление социальной справедливости.

Профессор кафедры уголовного права МГУ им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.И. Селиверстов в своем докладе на тему «Уголовно-исполнительная политика в России: субъекты и формы закрепления» уделил особое внимание характеристике субъектов уголовно-исполнительной политики на стадиях ее формирования (выработки), определения и реализации, раскрыл формы выражения уголовно-исполнительной политики, отметил актуальность проведения научных исследований по проблемам, связанным с оценкой эффективности деятельности существующей системы исправительных учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы, подчеркнул необходимость создания научно-теоретической модели учета постпенитенциарного рецидива с последующей ее апробацией и внедрением в систему статистического учета результатов борьбы с преступностью.

Особенно актуальным можно признать доклад профессора кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Л.И. Беляевой на тему «Средства массовой информации как субъект уголовной политики». Говоря о роли СМИ как субъекта уголовной политики, Л.И. Беляева отметила, что они призваны способствовать формированию и распространению концептуальных идей уголовной политики, основных положений нормативных правовых актов, касающихся обеспечения безопасности от криминальных посягательств, и практики их применения, а также правовому просвещению и правовому воспитанию населения.

По мнению докладчика, и государственные, и негосударственные СМИ имеют педагогическое предназначение, которое в современных условиях пока в полной мере не реализуется. Для ребенка, как подчеркнула Л.И. Беляева в своем выступлении, важную роль играет образец, пример для подражания. Позитивных материалов о роли молодежи, ее успехах и достижениях, примерах, достойных подражания, не так много. В центре постоянного внимания СМИ находятся воспитательные колонии и малолетние преступники. Нередко пропагандируемый культ жестокости, злобы, насилия ведет к появлению у подростка неосознанного желания следовать по этому пути. Стремление несовершеннолетнего к славе, известности способно подтолкнуть его к правонарушению: подросток надеется, что страна узнает о нем, если он совершит «что-нибудь эдакое». СМИ, по мнению Л.И. Беляевой, должны отражать в первую очередь позитивную роль молодежи, укреплять духовно-нравственный потенциал юных граждан.

В своем докладе на тему «Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права» доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации В.Е. Южанин обратил внимание присутствующих на необходимости формирования институтов и норм уголовно-исполнительного права исходя из концепции общественной опасности личности осужденного, а не общественной опасности преступления и лица, его совершившего. Иначе говоря, пенитенциарные меры воздействия должны выходить за пределы уголовно-правовой юридической природы, определяемой общественной опасностью преступления, а ресоциализация преступника в уголовно-исполнительном праве должна стать основным процессом, в котором объединятся карательные, воспитательные, криминологические и социальные начала.

Значительный интерес вызвали выступления и других докладчиков, в том числе зарубежных коллег.

Участники конференции, обсудив теоретические и прикладные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики в России и зарубежных странах, пришли к выводу, что современная политика государства в сфере противодействия преступности, несмотря на ее актуальность и высокую степень социально-правовой значимости, требует корректировки. Это обусловлено сохраняющимися негативными тенденциями преступности, противоречиями между отдельными положениями и направлениями уголовной политики, непосредственностью совершенствования криминального законодательства и применения его в судебной практике, отсутствием четких ориентиров реформирования системы правоохранительных органов.

Масштаб и степень общественной опасности криминальных угроз обуславливают необходимость формирования научно обоснованной стратегии уголовной политики. Особую актуальность приобретают задачи выработки концептуальных (доктринальных) основ развития действующего законодательства в области противодействия преступности. Существует потребность в совершенствовании каждого из направлений уголовной политики, обеспечении их единства, сближении с иными направлениями правовой и социальной политики государства. Требуют всестороннего рассмотрения и тщательной проработки вопросы научно обоснованной дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, развития новых комплексных социально-правовых институтов (таких как пробация, медиация в уголов-

ных делах, программы защиты жертв и свидетелей и др.), создания действенной системы социальной профилактики и противодействия преступности, преодоления разобщенности субъектов исправительно-реабилитационного процесса, подготовки высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов. Все большую актуальность приобретают проблемы противодействия развитию правового нигилизма, экспансии криминальной субкультуры в общественное сознание, вопросы расширения влияния общественных формирований и восстановления роли трудовых коллективов в работе с лицами, преступившими закон, повышения статуса семьи, усиления мер социальной защиты населения, правового и патриотического воспитания молодежи.

Участники конференции особо подчеркнули, что одним из приоритетов для УИС должны стать комплексные, междисциплинарные исследования процессов формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики, проведение которых позволит обеспечить снижение криминальной угрозы, безопасность личности, общества и государства. Основные выводы, полученные в ходе работы конференции, нашли свое отражение в рекомендациях, которые направлены в НИИ ФСИН России.

В рамках конференции состоялись двусторонние встречи с делегациями Украины, Норвегии, Финляндии, на которых были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества, намечены планы совместных мероприятий на 2014 г., получены приглашения принять участие в ряде научных мероприятий за рубежом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров А.С., адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: alexsandrov_ac@mail.ru

Баранова Е.А., начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: oper-ord@mail.ru

Букалерова Л.А., профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: buka_la@mail.ru

Гаврюшкин Ю.Б., доцент кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. E-mail: buka_la@mail.ru

Горяинов К.К., главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: goryainov@oper-ord.ru

Домников А.С., адъюнкт кафедры криминологии Московского университета МВД России. E-mail: alex@domnikov.net

Донец С.П., доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: don52@yandex.ru

Дроздов А.И., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: drozdovalekse@yandex.ru

Злобин С.И., начальник Пермского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: nauka-perm@yandex.ru

Иванцов С.В., профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: isv1970@mail.ru

Колпакова Л.А., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Маликов Б.З., профессор кафедры уголовного права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: malikov_bz@mail.ru

Маришин С.В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: mar.sw@mail.ru

Матвеев Д.О., адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: Dimon1205M@rambler.ru

Мельникова Н.А., доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: melnatale@mail.ru

Моторова Н.В., преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: motorowa-nw@mail.ru

Нагорных Р.В., директор Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Оботурова Н.С., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент. E-mail: oboturova@inbox.ru

Огрохина Е.А., доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: ogrochina@mail.ru

Павлушков А.Р., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Потапов А.М., начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: potarov_35@list.ru

Санташов А.Л., заместитель директора Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Серебренникова А.В., профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук. E-mail: criminal@law.msu.su

Софийчук Н.В., заместитель директора по научной работе Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: sofiichuk-nataly@mail.ru

Третьяк Е.С., профессор кафедры педагогики и методики преподавания истории и общественных дисциплин Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко, кандидат психологических наук, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: tretziakes@gmail.com

Ухова Е.В., начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Шабанов В.Б., заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор. E-mail: santashov@list.ru

Шмид Мартин, руководитель службы пробации кантона Золотурн (Швейцария). E-mail: ogrochina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Aleksandrov A.S., a postgraduate student of the chair of the Penal Law and organization of educational work with prisoners, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: aleksandrov_ac@mail.ru

Baranova E.A., the head of the Chair of operational search activity of the Vologda Institute of Law and Economics, Cand. Sc. (Law), an associate professor. E-mail: oper-ord@mail.ru

Bukalerova L.A., a professor of the Criminal Law and Criminology chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Law, Professor. E-mail: buka_la@mail.ru

Domnikov A.S., post graduate student of the Chair of Criminology, the Moscow University of the Ministry of Interior. E-mail: alex@domnikov.net

Donets S.P., associate professor of the Chair of criminal law of the Vologda State Pedagogical University, Cand.Sc. (Law), docent. E-mail: don52@yandex.ru

Drozdov A.I., senior lecturer of the Chair of Criminal executive Law, the Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law). E-mail: drozdovalekse@yandex.ru

Gavryushkin YU.B., an associate professor of the chair of counteraction of the illegal drug traffic, the All-Russian Refresher Training Institute of officers of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: buka_la@mail.ru

Goryainov K.K., a principal researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Law, professor. E-mail: goryainov@oper-ord.ru

Ivantsov S.V., professor of the Chair of Criminology, the Moscow University of the Ministry of Interior, Doctor of Law, professor. E-mail: isv1970@mail.ru

Kolpakova L.A., senior lecturer of the Chair of criminal process and criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law), docent. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Malikov B.Z., professor of the Chair of Criminal Law, the Ufa Law Institute of the Ministry of Interior, Doctor of Law. E-mail: malikov_bz@mail.ru

Marishin S.V., senior teacher of the Department of juridical psychology and pedagogics of the Vologda Insti-

tute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of psychological Sciences. E-mail: mar.sw@mail.ru

Matveev D.O., postgraduate student of the Chair of administrative law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: Dimon1205M@rambler.ru

Melnikova N.A., an associate professor of the chair of administrative and legal disciplines, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law). E-mail: melnatale@mail.ru

Motorova N.V., a lecturer of the administrative and legal disciplines chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: motorova-nw@mail.ru

Nagornych R.V., the director of the North-West Institute of the Moscow State University of Law, Cand. Sc. (Law), an associate professor. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Oboturova N.S., deputy director for educational work of the Vologda Institute of Law and Economics, Doctor of Philosophy, an associate professor. E-mail: oboturova@inbox.ru

Ogrokhina E.A., associate professor of the Chair of the Russian and foreign languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand.Sc. (Philology), docent. E-mail: ogrochina@mail.ru

Pavlushkov A.R., an associate professor of the Chair of Philosophy and History, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (History). E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Potapov A.M., the head of the chair of the Penal Law and organization of educational work with prisoners, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law). E-mail: potapov_35@list.ru

Santashov A.L., deputy director for studies of the North-West Institute of the Moscow State Law University named after O. Kutafin, Cand.Sc. (Law), docent. E-mail: santashov@list.ru

Schmid Martin, director of the probation service of canton Zoloturn (Switzerland). E-mail: ogrochina@mail.ru

Serebrennikova A.V., professor of the Chair of criminal law and criminology of law faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law. E-mail: criminal@law.msu.su

Shabanov V.B., deputy director for science of the Academy of the Ministry of Home Affairs of the Republic of Belarus, Doctor of Law, professor. E-mail: santashov@list.ru

Sofijchuk N.V., the deputy director of the North-West Institute of the Moscow State University of Law, Cand. Sc. (Law), an associate professor. E-mail: sofiichuk-nataly@mail.ru

Tretjak E.S., professor of the Chair of pedagogy and methodology of history and social studies teaching of the Chernigov National Pedagogical University named after T. Shevchenko, Cand.Sc. (Psychology), Doctor of Education, docent. E-mail: tretjakes@gmail.com

Ukhova E.V., chief of the Chair of criminal process and criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Cand. Sc. (Law), docent. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Zlobin S.I., the director of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Education, professor. E-mail: nauka-perm@yandex.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ-ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Серeda

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-36704

ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес издателя:

160000, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 9

Телефоны:

(8172) 51-82-50

(8172) 53-60-79

(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 23.12.13
Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 4522

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.